

РУССКОЕ МЕЖДУРЕЧЬЕ

Выпуск 3

Нижний Новгород
2022

ББК 84(2Рос=Рус)6-5
А 16

А 16 Абрашкин А.А.

Русское междуречье / *выпуск 3* / Анатолий Абрашкин. – Н. Новгород: Дятловы горы, 2022. – 174 с., ил.

ISBN 978-5-90522-712-7

© Анатолий Абрашкин, 2022

© Издательство «Дятловы горы», 2022

СЛОВО РЕДАКТОРА

О РУСОФОБИИ СЛАВЯН

Прежде чем объединяться, и для того, чтобы объединиться, мы должны сначала решительно и определённо размежеваться.

В. Ленин.

Наступило революционное время. Страна решительно стряхнула с себя бремя внешней зависимости и вступила в борьбу за суверенность и экономическую самостоятельность. Россия ожила, она полна надеждами и готова сражаться за своё будущее. Тридцать лет доминирования западных стратегий и мировоззренческих установок истощили терпение граждан. Ещё и поэтому народ с таким единодушием поддержал Специальную военную операцию.

Но, болея душой за нашу Армию, хочется поразмышлять о причинах той лютой ненависти, которой заболела украинская сторона. Стоит признать, что конфликт этот застарелый, и мы по доброте душевной долгое время закрывали на него глаза. Если русские миролюбивы и всегда открыты к диалогу, то украинцы не таковы. Москаль – отрицательный персонаж в украинском фольклоре. Ничего подобного нет у нас. Говоря «хохол», мы не наделяем это слово никаким негативным содержанием. Помню, ещё в советское время, один знакомый с пеной у рта доказывал, что украинский язык самый мелодичный и певучий на свете. Станным это представлялось уже тогда. Я вот никогда не стал бы расхваливать так свой язык, хотя душевность и гармония русских песен общеизвестна. Зачем украинцу надо было так неумно перебарщивать?

Другой пример – украинские землячества в России (думаю, они есть и в других странах). Мыслимо ли русским людям объединяться по национальному признаку, находясь в других странах? Для нас это какая-то дичь, несвойственная нашей природе! Или совсем убойная реалья. В Советском Союзе, когда киевское «Динамо» играло в футбол где-нибудь за границей, то все русские болели за него. Однако за «Спартак» из Москвы украинцы так никогда не болели. Более того, они даже желали ему проигрыша. Очевидно, мы разные и не составляем (в духовном плане) единый народ. В наших отношениях есть невзаимность.

Как ни странно, но эта совершенно очевидная и лежащая на поверхности реальность, не очень-то обсуждается. Откровенная тяга украинских националистов к фашистской символике фиксируется, но причины такого притяжения совершенно не исследуются. Списать её только на происки западного влияния, очевидно, невозможно, здесь задействованы глубинные механизмы человеческого восприятия. Блестящий полемист и политолог С.А. Михеев связывает это с повсеместным внедрением на Украине сатанинских (неязыческих) культов древних богов. Но и такое объяснение не является попаданием «в десятку». Истина прячется на более глубоком уровне.

Начну издали, но этот факт должен знать и помнить каждый русский человек. В «Повести временных лет» даётся датировка событий. И согласно ей, нашей истории, истории русского народа – семь с половиной тысяч лет. Повторю ещё раз, таков возраст нашего народа. Украинскому этносу, при самом благожелательном отношении к его истокам – от силы триста лет. Как говорится, почувствуйте разницу!

Но что происходит в действительности? Российские историки уверяют, что русскому народу чуть более тысячи лет. В то же время украинцы «трендят» на всех углах о своей многотысячелетней древности. Абсурд! Вы скажете, что киевский режим построен на тотальной лжи, и будете абсолютно правы. Но недоговаривают, мягко говоря, и наши официальные историки! Русская история нещадно урезана по времени, и это та самая причина, которая не позволяет прояснить природу нашего конфликта с современной Украиной. А он имеет системный характер и свою предысторию.

Я уже не раз в своих книгах провозглашал и доказывал, что древние русы и славяне – это две разные ветви индоевропейцев. Русы постоянно (по крайней мере, с V тысячелетия до н.э.) проживали на Русской равнине. Славяне же только в середине I тысячелетия пришли на её территорию из

Европы. Русские – аборигены, а славяне – мигранты. Да, потом два разных этноса объединились и смешались, это и есть русская традиция – встречать и принимать по-братски своих гостей. Но пра-родина славян – Европа. Украинцев тянет в Евросоюз, поскольку в них до сих пор живёт славянская закваска. Русская идея – это империя и союз народов, славянский идеал – национальное государство и «самостийность». Русских записали в славяне западные историки, это в чистом виде русофобский проект. Его творцы – байеры, шлецеры, карамзины и им подобные. Сделано это для того, чтобы скрыть нашу древнюю историю (связанную с деяниями наших предков – скифов и ариев). И то, что академические историки до сих пор не могут вылезти из навязанных им лживых стереотипов и классификаций, доказывает их интеллектуальную немощь и неспособность к независимому мышлению. Никогда славянские народы – все эти поляки, чехи, словаки и болгары – не были и не будут нам братьями. Все они в одночасье показали своё истинное лицо после 24 февраля 2022 года. Их русофобия запредельна! В Европе среди славян есть только верные нам сербы, но они и в древности называли себя русенами (расенами), то есть русскими. Так что следует забыть благодные сказочки о наших славянских братьях.

Отдельно по поводу традиции, идущей от Карамзина, «первого нашего историка и последнего летописца» (А.С. Пушкин). Вот как начинается его титанический труд: «Сия великая часть Европы и Азии, именуемая ныне Россиею, в умеренных ныне климатах была искони обитаема, но дикими, во глубину невежества погруженными народами, которые не ознаменовали бытия своего никакими историческими памятниками». Несправедливость и откровенная нищета такого взгляда сегодня ясна как никогда. Чего стоят хотя бы находки в скифских курганах! Но академические историки не связывают древние народы, обитавшие на Русской равнине, с русскими. И это откровенное предательство предков! Украинцы же, наоборот, присвоили всю нашу древнюю историю и выдают её за свою собственную. И отпора этой наглости нигде не прозвучало. Российские историки молчат о том, что земли современной Украины были исконно русскими территориями на протяжении тысячелетий...

Специальная военная операция – это не только демилитаризация и денацификация Украины. Это ещё устранение кабальной зависимости Киева от внешней зависимости и возвращение подвластных ему территорий в «лоно» русского мира. На протяжении нашей истории такое происходило не раз. В конце IX века русские бояре Аскольд и Дир, придя с севера, захватили власть в Киеве и освободили проживавших там полян от дани хазарам. В следующем веке подобные специальные военные операции осуществили ещё два русских князя – Вещий Олег и Святослав. В своей речи во время парада 9 мая 2022 года Владимир Владимирович упомянул князя Святослава, разгромившего Хазарский каганат, который, подобно современным англосаксам, манипулировал полянами и настраивал их на антирусский лад.

В 1169 году коалиция из одиннадцати (!) русских князей, возглавляемая Мстиславом Андреевичем, сыном Владимиро-Суздальского князя Андрея Боголюбского, взяла штурмом Киев и подвергла его двухдневному разграблению. Л. Н. Гумилёв назвал разорение Киева «ярким примером утраты этнической комплементарности». По его мнению, приказ Андрея Боголюбского показывает, что для него и его дружины (то есть суздальцев, черниговцев и смолян) Киев был «столь же чужим, как какой-нибудь немецкий или польский замок». До этого момента на Руси было принято поступать подобным образом только с иностранными городами, на княжеские междоусобицы практика разорения никогда не распространялась. О чем это говорит? Да о том, что киевляне стали проводить политику, выгодную иностранцам! Историки почему-то не любят рассуждать на этот счёт. А дело состоит в том, что русские в очередной раз наказали братьев-славян за отступничество. Они провели демилитаризацию и, если хотите, «дерусофобизацию» города. К событиям схожего типа стоит отнести борьбу Ивана III и Ивана Грозного против потомков новгородских словен и польские восстания в XIX веке, тайной «пружиной» которых, как ни крути, была ненависть к России. Сепаратистские тенденции и новгородцев, и поляков были продиктованы славянской мечтой об изоляционизме и самоопределении. Но, ещё раз напомним, славяноорусы (русские славяне) – это переселенцы из Европы, нашедшие приют на Русской равнине после развала Римской империи, это беженцы! Украинцы – их духовные наследники, и в этом как раз и кроется природа их русофобии.

Российская Армия воюет по гуманным правилам и не обстреливает гражданские объекты. Совсем не так поступают украинцы, планомерно убивая мирных русских граждан. Эти строки я

пишу 4 июля, когда артиллерия Украины стреляет уже и по российской территории. В поведении двух армий опять-таки отчётливо проявляется невзаимность. Количество убитых мирных жителей на Донбассе за восемь лет обстрелов уже давно превысило все мыслимые пределы! Но можно ли бесконечно терпеть провокации другой стороны?.. У войны свои законы, и события 1169 года это только подтверждают.

Название «Украина» происходит от русского слова «окраина». Это окраина русских земель. Русским краем она должна оставаться и в дальнейшем. Украинцам следует со всей ясностью осознать, что они часть Русского мира. Отстаивая своё славянское прошлое и выстраивая на его основе своё национальное настоящее, они не должны забывать, что состоялись в рамках Русского мира и воспринимаются русским народом, как приросшая к его «телу» и ставшая родной частью. Возвращение Украины в Россию неминуемо, но в нынешней ситуации русские вправе потребовать от «братьев-хохлов» отказа от русофобии и разного рода националистических заскоков. Потребовать, поскольку, находясь на своей земле, мы имеем на это право!

Российская армия на Донбассе выполняет ту защитную миссию, которую наш эпос отводил русским богатырям. Подчеркнём, русским! Понятия «славянский богатырь» не существует. Это лишнее свидетельство тому, кто неизменно стоял на рубежах нашей Родины на протяжении тысячелетий. Поэтому нужно просто осознать, что мы устраняем очередной славянский мятеж. И прежний опыт почему-то подсказывает, что и на этот раз наша специальная операция будет успешной.

ПОЭЗИЯ

А.С. Пушкин

КЛЕВЕТНИКАМ РОССИИ

О чем шумите вы, народные витии?
Зачем анафемой грозите вы России?
Что возмутило вас? волнения Литвы?
Оставьте: это спор славян между собою,
Домашний, старый спор, уж взвешенный судьбою,
Вопрос, которого не разрешите вы.

Уже давно между собою
Враждуют эти племена;
Не раз клонилась под грозою
То их, то наша сторона.
Кто устоит в неравном споре:
Кичливый лях, иль верный росс?
Славянские ль ручьи сольются в русском море?
Оно ль иссякнет? вот вопрос.

Оставьте нас: вы не читали
Сии кровавые скрижали;
Вам непонятна, вам чужда
Сия семейная вражда;
Для вас безмолвны Кремль и Прага;
Бесмысленно прельщает вас
Борьбы отчаянной отвага –
И ненавидите вы нас...

За что ж? ответствуйте: за то ли,
Что на развалинах пылающей Москвы
Мы не признали наглой воли
Того, под кем дрожали вы?
За то ль, что в бездну повалили
Мы тяготеющий над царствами кумир
И нашей кровью искупили
Европы вольность, честь и мир?..

Вы грозны на словах – попробуйте на деле!
Иль старый богатырь, покойный на постеле,
Не в силах завинтить свой измайловский штык?
Иль русского царя уже бессильно слово?
Иль нам с Европой спорить ново?
Иль русский от побед отвык?
Иль мало нас? Или от Перми до Тавриды,
От финских хладных скал до пламенной Колхиды,
От потрясенного Кремля
До стен недвижимого Китая,
Стальной щетиною сверкая,
Не встанет русская земля?..
Так высылайте ж к нам, витии,
Своих озлобленных сынов:
Есть место им в полях России,
Среди нечуждых им гробов.

Е. Евтушенко

ХОТЯТ ЛИ РУССКИЕ ВОЙНЫ?..

Хотят ли русские войны?
Спросите вы у тишины
над ширью пашен и полей
и у берез и тополей.
Спросите вы у тех солдат,
что под березами лежат,
и пусть вам скажут их сыны,
хотят ли русские войны.
Не только за свою страну
солдаты гибли в ту войну,
а чтобы люди всей земли
спокойно видеть сны могли.
Под шелест листьев и афиш
ты спишь, Нью-Йорк, ты спишь, Париж.
Пусть вам ответят ваши сны,
хотят ли русские войны.
Да, мы умеем воевать,
но не хотим, чтобы опять
солдаты падали в бою
на землю грустную свою.
Спросите вы у матерей,
спросите у жены моей,
и вы тогда понять должны,
хотят ли русские войны.

1961 г.

А. Абрашкин**МЫ – РУССКИЕ, МЫ – НЕ СЛАВЯНЕ**

Мы – русские, мы – не славяне,
Мы раньше встали, дольше шли,
Живя на море-океане,
Ко льдам водили корабли.

Всходила на арийском тесте
Идея всеединства в нас,
У нас любовь на первом месте,
А кулаки лишь про запас.

В нас дух имперского закала,
Наш путь – всемирная любовь,
И не за шкурные начала
Мы вечно проливаем кровь.

Мы – русские, мы – не славяне,
Мы раньше встали, дольше шли,
Живя на острове Буяне,
Ко льдам водили корабли.

* * *

Украина, славь своих военных,
Кури им фимиамный дым:
Хохлы расстреливают пленных,
Хохлы стреляют по своим...

На радость гнид иноплеменных,
На Русь поднялся побратим:
Хохлы расстреливают пленных,
Хохлы стреляют по своим...

Не надо словопрений пенных
Про демократию и Крым:
Хохлы расстреливают пленных,
Хохлы стреляют по своим...

Мы – дети ценностей нетленных
И сквозь века передадим:
Хохлы расстреливают пленных,
Хохлы стреляют по своим...

* * *

Накрыла женщина на стол,
Сегодня – день рождения.
Графинчика изящный ствол –
К закускам украшение.

Пришли соседи и родня,
Расселись по-простому,
А женщина белее дня,
Хлопочет все по дому.

Ей муж: «Любимая, до дна,
Пусть жизнь восторжествует!»
А ей все видится война,
Где сын её воюет...

* * *

Послушай, гордый украинец,
Коль русскость вытравил вовне:
Не вправе диктовать мизинец
Свою харизму пятерне.

В тебе славянства преизбыток,
Потомок римского раба,
Ты недалёк умом и прыток
Искать халявные хлеба.

С Европой лёг под англосаксов,
Продав, став нищевродом, честь,
И под публичный шелест баксов
Лелеешь для России месть...

Кто вразумит, кто переможет
Заблудший донельзя народ?..
Иван по-свойски даст по роже
И встроит в русский хоровод!

* * *

24 февраля 2022 г. ряд академиков Российской Академии Наук выступили с призывом остановить «войну» на Украине.

28 марта 2022 г. указом В.В. Путина три сотрудника РАН исключены из учёного совета при Совбезе РФ.

Мне Академия наук
Напоминает дом призренья*,
Где диссидентские воззренья
Определяют все вокруг.

За членство деньги здесь дают,
Как в богадельне пропитанье,
И люди борются за званье,
Чтоб место выправить в приют.

Подавших голос свой гражданский
Мне хочется одёрнуть так:

«Определитесь, чей ваш флаг –
Российский иль американский?..

Нахлебникам негоже сечь
Хозяина публично словом:
Сорвите рабские оковы,
А уж потом ведите речь!»

** Название в дореволюционной России благотворительных заведений с характером богадельни, дававших приют престарелым, убогим, а иногда и сиротам.*

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И СЛАВЯНИН-РАЗБОЙНИК

Тридцать лет спал Илья-богатырь,
А проснулся – ушам не поверил:
Сократилась российская ширь
И в народе большие потери;

Очумел Киев-град – лиходей,
Будто ожил Бандера-покойник,
Вырос там настоящий злодей,
Кровожадный славянский разбойник...

Покачал богатырь головой,
Вспомнил об отщепенце Мазепе,
Покрутил у виска булавой
И поехал в Донбасские степи.

Всех буянов мечом усмирил,
Подневольных отправил до дому,
Командира же их изловил
И завёл разговор по-простому:

– Что ж ты, некогда славный боец,
Предал дружбу старинную нашу
И разбил, непутёвый гордец,
Общих чаяний братскую чашу?

Суть славян – европейская кровь,
Ваша родина – Одер и Висла,
Что же, пестуйте к корням любовь,
Пока втуне она не прокисла.

Но зачем разрушать русский мир,
Покушаться на наши святыни:
На язык – русских душ эликсир,
На бессмертную память Хатыни?

Что, молчишь? Все, что мог, ты сказал
За последние тридцать годочков,
А теперь твоя жизнь – трибунал,
Суд народа и жирная точка...

* * *

С. Гурьеву

Этот год свежий ветер принёс,
Пену сдул либеральной отравы,
И мгновенно открылся вопрос:
Кто элита и стержень державы?..

Может, это интеллигент?..
– Духа русского нет в мужичонке,
Хоть настал переломный момент,
Трусоват и все время в сторонке...

Олигархи и звезды попсы?..
– Только деньги считают в заначке,
Продадут за батон колбасы,
Да ещё и попросят подачки...

Церковь?
– Слабое наше звено,
Не возглавит она ополченье,
Ей народ повести не дано,
Не такое её назначенье...

И поднялся тогда офицер,
И скомандовал твёрдо: «За мною!»
И народ, как туманы из шхер,
Встал за ним монолитной стеною!

Этот год свежий ветер принёс,
Пену сдул либеральной отравы,
И мгновенно закрылся вопрос:
Кто элита и стержень державы?..

* * *

И. Чугрееву

Нынче мир одолела хвороба,
Русофобские речи кругом,
Счастлив я, что мы русские оба,
И что духом единым живём.

В нас от предков – открытость и сила
Своё слово хранить как завет,
А кому вдруг Россия немила,
Симметричный получит ответ!

Есть на свете сакральные свечи,
Что во славу победы горят,
Есть солдат наших крепкие плечи,
Что её принесут на парад!

И пускай наполняет стыдóба
Тех, кто плюнул в родительский дом...
Счастлив я, что мы русские оба,
И что духом единым живём!

В.В. ЖИРИНОВСКИЙ

Талант вождя и дар пророка –
Два козыря в его делах.
Летал он соколом высоко
В политбездонных облаках.

Его завет, что русскость – пламя,
Живущее внутри страны, –
Единственное наше знамя,
Чтоб победить кошмар войны.

* * *

А. Мамыкину

Широка и раздольна
Середина пути,
На душе так привольно:
Всё б идти да идти.

Есть ещё осознание,
Что со смыслом иду,
И азы пониманья,
Как печать на роду.

Богатырская слава
У Муромских мест,
Здесь России застава
И дедовский крест.

Где-то словом, где делом
Тормошу тех, кто глух:
Нынче время припело
Пробуждать русский дух!

Широка и раздольна
Середина пути,
На душе так привольно:
Всё б идти да идти...

Ярослав Кауров

ГЕРОЯМ ДОНБАССА

* * *

Как сердце разорвать на части,
Как руку отрубить свою?
Безумно также ради власти
Разрушить дружную семью!

Нельзя от века и донине,
Помилуй, Боже, и спаси,
России жить без Украины,
И Украине – без Руси!

Сбываются, как в страшной сказке,
Адольфа Гитлера мечты, –
И тут же сбрасывают маски
Гаранты лжи и клеветы!

Где ваши милые улыбки,
Благоразумный мягкий тон?
Где демократий голос зыбкий,
Где твой, продажная ООН?

Оскалы, окрики, угрозы!
Из Франции, из США!
Поляков вычурные позы!
Ганзейцев наглые слова!

Нас разорвать не удаётся?
Не верите? Докажем вновь!
Во мне самом на четверть льётся
Малороссийских предков кровь!

Не злите нас! Побойтесь Бога!
Святых не трогайте границ!
На свете есть ещё немного
Не взятых русскими столиц!

* * *

Предупредительны и чётки
Передвижения частей.
Идут с фронтов сухие сводки,
И в них – количество смертей.

Лицо войны дневным кошмаром
Заглядывает к нам в окно,
Металлом плавится от жара
И искажается оно.

Идёт невиданная схватка
По силе взрывов и огня.
В оружии нет недостатка,
Трещит метровая броня.

Но новая война гибридна,
И фронт – на фронте и в тылу,
И ничего уже не стыдно,
И спрятаться нельзя в углу.

Как умертвить детей и женщин,
Добить последних стариков,
Зачистить нацию, не меньше –
Вот замысел войны каков.

К России ненависть влить в души,
Наполнить ею каждый взгляд!
Лжецы, предатели, кликуши
В рядах с фашистами стоят.

И возвращены уже убийцы
На пропаганде палачей,
Невиданные кровопийцы
С безумной наглостью речей.

Их чёрной вере нет предела.
Убийство – пища их души,
Что высохла и омертвела,
Покрывшись коркою парши!

Вот, что доступно, что возможно
Слепить из юношеских сил,
Когда учение безбожно,
И Бог заблудших не простил.

Наш главный бой за поколенья,
Что нам на смену притекут!
Ни на единое мгновенье
Нельзя оставить этот труд.

Пусть в души юношей вольётся
Язык великий и простой.
И в этой битве полководцы –
Есенин, Пушкин и Толстой.

Растворено России знамя
В просёлках, в трепете осин.
Всё в нас, вокруг, доступно, с нами,
Так к матери прижмётся сын...

Часовней лики в небе хмуром
Не видят Родины враги,
Вернётся русская культура:
Зрю Богородицы шаги...

ГЕРОЯМ ДОНБАССА

Который год идёт Бессмертный Полк,
Лелеют память люди год от года,
И не возьмут никак буржуи в толк –
Зачем всё это русскому народу?

Как все смеялись: «Прошлогодний снег!
В далёком прошлом русские победы!
Не может современный человек
Так душу рвать за славу дедов!»

Нет, слава эта на века!
Смотрите, вот и новые герои!
Они ростки Бессмертного Полка,
Шагнувшие из дедовского строя.

Герой России – Старостин Антон*,
Российского оружия во славу
Нанёс врагу существенный урон,
На танке защищая переправу.

Как в сорок первом завязался бой,
Из-под обстрела выносила снова
И закрывала раненых собой
Военный фельдшер Катя Иванова**!

Ну, кто б ещё помыслить только мог,
Чтобы фашизм взошёл на Украине!?
Как попустил такую мерзость Бог –
Дахау повторенье и Хатыни!?

Мы справимся, любой посилен труд!
Нам звёздами великий путь начертан!
И в мире все почувствуют, поймут,
Что новым героизмом Полк Бессмертен!

**Танк командира роты отдельной бригады береговой обороны, старшего лейтенанта Антона Старостина в ходе захвата переправы в числе первых ворвался на мост, чем обеспечил прорыв основных сил для захвата и удержания района дамбы Северо-Крымского канала. Утром 25 февраля танковый батальон противника предпринял попытку отбить переправу. Экипаж Антона Старостина уничтожил восемь БТР и десятки солдат противника. По танку Старостина ударила американская ракета комплекса «Джавелин». Антон получил контузию, но из боя не вышел, напротив, сжег ещё два атакующих танка.*

*** В одном из боевых столкновений Екатерина, не жалея себя, выносила раненых с поля боя. Собрав группу бойцов, она повезла их в госпиталь, и по дороге санитарный автомобиль попал под обстрел, один из снарядов взорвался рядом с машиной. Тогда фельдшер накрыла собой тяжело раненного военнослужащего, который не смог самостоятельно укрыться от огня противника. Благодаря самоотверженному поступку Екатерины Ивановой жизнь раненого военнослужащего была спасена. Сама она получила осколочное ранение. Санитарный автомобиль своевременно добрался до госпиталя, где всем пострадавшим была оказана помощь. За этот подвиг она награждена медалью «За отвагу».*

НАША ИСТОРИЯ

А.С. Петряшин

ПЬЯНСКОЕ ПОБОИЩЕ

2 августа 1377 года на берегу реки Пьяны ордынцы напали на объединённое русское войско. В ходе сражения русские были наголову разбиты. Это позволило татарам взять Рязань и разграбить Нижегородское княжество. Факт прискорбнейший и хорошо изученный историками. Но у нас есть основания утверждать, что освещается он в значительной степени однобоко, с откровенным нажимом на расхлябанность воинов и разгильдяйство их командиров. Наша цель – внести в анализ сражения некоторые акценты, способствующие более объективному пониманию случившейся трагедии.

Поначалу ничто не предвещало катастрофы. Разведка вовремя донесла, что ордынский царевич Араб-Шах переправился через Волгу и со своим войском стоит в мордовских лесах. Важно указать, что поход татар был своего рода ответной мерой, карательной акцией. За год до того московский князь Дмитрий Иванович (будущий Донской) и Дмитрий Константинович Суздальский организовали совместный поход на Волжскую Булгарию, являвшуюся улусом Золотой Орды, и получили от эмира булгар крупный денежный откуп. Вряд ли мы ошибёмся, если предположим, что этого нападения ждали. Поэтому достаточно быстро князь Дмитрий Иванович, собрав полки, двинулся в нижегородские пределы, чтобы на рубежах Русской земли дать отпор врагу. Каким путём двигалось его войско, летопись, к сожалению, не сообщает. Однако с большой долей уверенности можно предположить, что оно шло по суше: петлять на лодках по извилистым рекам Клязьме и Оке было некогда. Прямой, а значит и самый быстрый путь – Москва – Муром – Павловский Перевоз – Нижний Новгород, по правому берегу Оки, по Берёзополью. По левому берегу Оки находились топи и болота, низинный берег Оки и пойма Клязьмы, где пройти было невозможно.

Войско прибыло в Нижний Новгород, готовое биться, но противник где-то «потерялся». Месяц прошёл, а сведений о его продвижении к нижегородским пределам всё не поступало. Вот тут, по всей видимости, и допустил Московский князь серьёзную стратегическую ошибку. Он оставил за собой из Нижегородцев, Суздальцев, Владимирцев, Муромцев и воинов других смежных княжеств, а сам с главными московскими силами ушёл в Москву. Командовать объединёнными отрядами были оставлены сын Суздальского князя Иван Дмитриевич и его родственник Симеон Михайлович. Надо полагать, что в этот момент татары переиграли русских тактически. Они выждали паузу и осуществили вторжение, узнав об уходе основных сил.

Дадим теперь слово летописцу: «И бысть рать велика зело, и поидоша за реку Пиану, и прииде к ним весть, поведоша им царевича Арапшу на Влчии воде (*Волчьи воды за рекой Сурой – А.П.*), они же оплошишася и небрежением хожаху, доспехи свои въскладоша не на телеги, а иные в сумы, а у иных сулицы ещё и не насажены бяху, а щиты и копья не приготовлены, а ездят, порты своя с плечь спущав, а петли ростегав, аки распредели, бяхше бо им варно, бе бо в то время зноино. А где наехаху в зажити мёд или пиво и испиваху до пиана без меры и ездят пианы, поистине за Пианою пиани (*за рекой Пьяной сами сделались пьяные – А.П.*). А старейшины или князи их, или бояре старейшии и велможи, или воеводы, те все поехаша ловы деюще (*поехали на охоту – А.П.*), утеху си творище, мнящеся, аки дома. А в то время погани князи Мордовстии подведоша а таю рать Татарскую из Мамаевы Орды на князей наших, а князем не введущим, и про то им вести не было, и доидоша наши пару (*река Пара возле Сергача – А.П.*), абии погани разделишася на 5 плъков (*полков – А.П.*) и внезапно из невести удариша на нашу рать в тыл, биюще и колюще и секуще без вести. Наши же не успеха ничто же, что бы им створити, побегоша к реце к Пиане, а Татарове после, биюще, и ту убиша князя Семёна Михайловича и множество бояр, князь же Иван Дмитриевич побежа въторопе к реце к Пиане, гоним напрасно, и вержеся (*упал – А.П.*) на коне в реку и ту утопе и с ним истопоша в реце множество бояр и слуг и народа бесчисленно. Си же злоба сдеяся месяца августа 2 день, на память святого мученика Стефана, в неделю в шестый час дне, о полудне».

Это трагическое событие, произошедшее на Нижегородской земле, довольно тщательно разобрано историками и краеведами. И все авторы, комментируя текст, вторят летописцу, который

пишет о беспечности, граничащей с глупостью, и низкой дисциплине русских воинов, которых порубили как капусту и потопили как слепых котят. Выделим основные обвинения, высказываемые в их адрес:

- Русское воинство заняло заранее проигрышную военную позицию, имея в своём тылу достаточно полноводную реку;
- Воины разделись донага и напились пьяные в стельку. Разомлев от вина, купались в реке, а их начальники разъехались по соседним лесам гонять оленей;
- Воины поразбросали где попало оружие и наивные, как дети, доверились каким-то мордовским обманщикам.

Как результат, битва была проиграна, «открылась» дорога на Нижний Новгород, который вместе с близлежащими сёлами был разграблен, при этом были сожжены 32 церкви, множество народа погибло и было угнано в рабство.

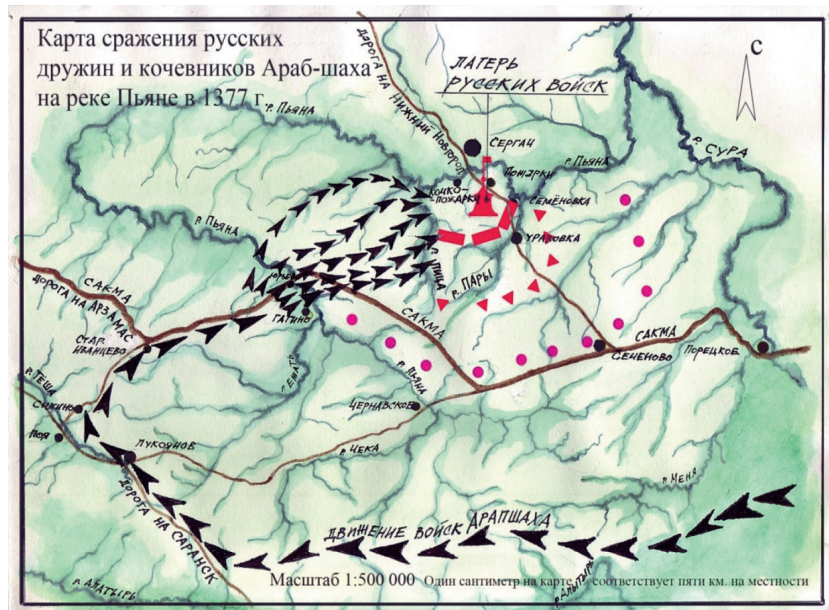
Конечно, небрежности и беспечности, а также дружбе с хмельным зельем русским не занимать. Однако невольно возникает вопрос: неужели воеводы, не раз и не два водившие войска на большие и малые сражения, а с ними и профессиональные воины, не выпускавшие оружия из рук, так позорно опростоволосились?! Разберём ситуацию последовательно по выдвинутым «пунктам» обвинения.

1. Выбору позиции и искусству передвижения в бою русских не надо было учить. Они учились этому сызмальства, и оценки за учёбу ставила им сама жизнь: не выучил урока – погибнешь. И если посмотреть на географическую карту места сражения, а не от руки нарисованную схему, то высветится ряд неожиданных деталей.

Относительно места сражения были споры, но сейчас оно считается точно установленным. Это Сергачский район, где сегодня располагаются такие деревни как Семёновка, Пошатово, Акузово, Вязовка, Овечий Овраг, Рыбушкино, Кузминка, Уразовка, а если двигаться в сторону Нижнего, на север то – село Кочко-Пожарки и через реку, на левом берегу Пьяны, город Сергач (см. карту), известный по летописям ещё с XIV века. Русское войско расположилось на правом берегу Пьяны рядом с уже тогда существовавшей, большой посольской дорогой, называвшейся Царской Сакмой и проходившей из Мурома в Заволжье.

Сакму пересекает дорога, идущая на северо-запад, на Сергач и далее через Пьяну на Нижний Новгород. Если двигаться в обратную сторону, на юго-восток, то через Сеченово попадёшь в Курмыш. Значимость этих городов подчёркивает важность этой дороги как стратегической магистрали. Очевидно, что для неё существовала переправа или оборудованный брод через Пьяну, который вёл в тыл русского войска, к его обозу.

В летописи говорится: «и доидоша наши пару...». Куда наши дошли? Если раскрыть «двухкилометровую карту», то легко находится небольшая река Пары, которая на протяжении 32 километров течёт с юго-запада на северо-восток и впадает справа в Пьяну недалеко от деревни Вязовка. В свою очередь, в реку Пары слева впадает небольшая речушка (на карте безымянная) по довольно глубокому с крутыми берегами оврагу. Кроме того, от истока этой безымянной речушки, возле деревни Трёхозёрки берёт своё начало другая небольшая речка Пица, текущая с юго-востока на северо-запад и впадающая возле деревни Яново также в Пьяну. Таким образом поле, на котором расположилось русское

войско, было прикрыто естественными преградами со всех сторон, образуя замкнутый круг. Войско контролировало: перекрёсток – большую посольскую дорогу Царскую Сакму и пересекающую её дорогу на Нижний Новгород, брод через реку Пьяну, за которым на левом низком берегу находился, очевидно, обоз. Во второй половине лета царила жара и, следовательно, был самый низкий уровень воды в реке Пьяне и на переправе, что существенно упрощало возможность её преодоления.

Окраина нижегородского княжества в то время проходила по рекам Суре, Пьяне и Серёже. Его границы обозначались и укреплялись с помощью устройства засечных полос. Вдоль них на ключевых высотах прокладывались тайные тропы и наблюдательные пункты, а на дорогах оборудовались охраняемые ворота. Засечная «пьянская» полоса проходила по правому высокому и лесистому берегу, создавая дополнительную линию обороны с юга.

Вот позиция сборных дружин. Чем она плоха? С точки зрения военной науки – грамотная и очень хорошая! Другое дело, что татары напали не со стороны Сеченово, по наиболее короткому пути, а с западного направления. Но здесь подвели дозорные...

2. Летописец, по-видимому, монах, язвительно обвиняет воинов в чрезмерном потреблении хмельного зелья, и вроде бы он прав. Пьяный человек на ровном месте сам себе лоб расшибёт и может утонуть в любой луже. Да, три русских мужика могут выпить очень много, а несколько тысяч мужиков? Нужно много медовухи, очень много, чтобы напоить допьяна столько народу. Откуда бы раздобыли столько винного зелья воины, находившиеся в чистом поле? Разве стояли вокруг винокуренные заводы? Не было их, да и не брали с собой столько хмеля в поход, всё-таки на войну ехали, а не бражничать. В местных мордовских селениях, через которые проходило войско, тоже вряд ли могли наготовить столько мёда и пива. В общем, про повальное пьянство говорить не стоит. А вот то, что мордовские князья, находившиеся в сговоре с татарами, могли организовать пьяный «пикник» на Пьяне – очень даже вероятно. Не верите?

Сражение состоялось 2 августа (по старому стилю). А 1 августа Православная церковь совершает празднество Всемиловитому Спасу и Пресвятой Богородице. Этот праздник установлен по случаю знамений от икон Спасителя, Пресвятой Богородицы и Честного Креста во время сражений святого благоверного князя Андрея Боголюбского (1157-1174) с волжскими болгарами. В народном календаре он ещё известен как Медовый Спас (также Маковый Спас, Первый Спас). В этот день совершались крестные ходы и водосвятия на реках, купание в освящённой воде людей и скота. Для русских людей это

Поле при впадении реки Пары в Пьяну – место битвы русских с татарами

был большой праздник! В деревнях и посёлках Сергачского района – до сих пор один из самых почитаемых дней в году. Нет никаких сомнений, что в русском войске в тот день был и молебен, и священные омовения. Понятное дело, ближе к вечеру был накрыт стол и состоялся пир. И вот здесь, думается, и таится главная интрига праздничного дня. Мордовские князья, хозяева здешних мест, подвезли в большом количестве пива и медовухи и, наверняка, преподнесли это в виде дара. Ну, а уж там пошёл разгул. Ясно также, что ни о какой охоте воевод в тот день не могло идти речи. Да, обхитрила мордва русских, воспользовалась нашей доверчивостью.

Жадность, глупость и предательство – три человеческих порока, от которых случилось много бед. Жадность – со стороны мордовских князей, которые хотели чужими руками загрести жар. Глупость – со стороны русских князей, поверивших мордовским князькам. И как же надо было обмануть и распалить при этом русских незлопамятных мужиков, чтобы они в ходе карательного похода

по мордовским зимникам, зимой того же года, на льду Оки травили собаками и топили предателей в проруби!

3. Как же всё случилось? «Абии погани разделишася на 5 плъков и внезапно из невести удариша на нашу рать в тыл...» Выражение «в тыл», кажется, здесь ключевое. Необходимо было очень хорошо знать местность и тайные тропы в засечной полосе для того чтобы обойти скрытые наблюдательные посты русских, быстро, что называется, без пыли и шума провести большое войско кружным путём и сходу сокрушительно ударить им в тыл. К сожалению, летопись не сообщает, каким путём прошли татарские отряды, и откуда был нанесён удар, но топография местности подсказывает, что, вероятнее всего враг наступал с юго-запада. Со стороны всё той же Сакмы (см. карту).

Последние сообщения о войске Арапши пришли с места «Волчьих воды». Это за рекой Сурой. После этого враг затаился, и долгое время о нём не было вестей. Значит, передвигались татары с опаской, чувствуя силу русских дружин. И для них здесь нужен был мордовский проводник. Пройти в обход можно было следующим образом. С Волчьих вод обогнуть район города Алатырь, Мансыров угол, пройти до нынешней Пузской слободы, перейти здесь реку Алатырь, выйти в пойменные заливные луга реки Тёши и под прикрытием высокого правого берега дойти до нынешнего села Сирино. Далее, обязательно ночью, выйти на Сакму, в районе Юрьево переправиться через Пьяну, а рано утром ударить по спящему русскому войску.

Была бойня, безоружных русских воинов рубили, гнали к реке и топили в давке и суматохе. Нападали на ещё спящих людей. Летописец пишет: «Си же злоба сдеяся месяца августа 2 день <...> в шестый час дне, о полудне» В какой половине дня? Во второй половине дня обычно говорилось – пополудни, т.е. после полудня. В тексте же употребляется предлог «о», его значение в данном случае «около». Но есть ещё указание на «шестый час дне». Нам представляется, что вся эта хитрая «конструкция» обозначает 6-й час утра.

В качестве сопоставления здесь уместно вспомнить 12-часовую систему отсчёта времени, используемую в английском языке. Наше «пополудни» эквивалентно используемому англичанами латинскому выражению «Post Meridiem», а до полудня – «Ante Meridiem». Летописное «о полудне» мы склонны трактовать во втором значении (иначе стояло бы «по»). Тогда всё сходится.

Татары вместе с мордовскими князьями осуществили в высшей степени коварный план. Первую скрипку в нем играла мордва, которая, скорее всего, и придумала всю эту хитроумную комбинацию: под видом друзей втереться в доверие к русским, прийти с дарами на их священный праздник и незаметно провести татар скрытыми тропами во фланг русского стана. Важную роль, по-видимому, сыграл и впечатляющий (многокилометровый) манёвр ордынского войска для того чтобы ударить с западного направления. Русские, похоже, не ждали наступления с этой стороны и не выставили здесь надёжные дозоры. Татаро-мордовская спецоперация схожа с историей Троянского коня. И там и тут возобладало коварство врага. Но ведь Гомер не стал укорять троянцев за их ошибку, а восславил их героизм!

– Так и нам, вопреки летописцу и его многочисленным последователям, хотя бы через 600 с лишним лет обелить очернённые летописцем имена русских воинов. Легко свалить вину на мёртвых – они оправдаться и ответить не могут. Воины погибли на поле сражения, за родную землю.

– На поле брани бывают как яркие победы, так и горькие поражения. В Лаврентьевской летописи приводится рассказ о подвиге звенигородского князя Фёдора Андреевича, который, в отличие от Ивана Дмитриевича, сумел организовать оборону брода и тем самым спас часть муромских и суздальских дружин. Примечательно, что Звенигородский удел не подчинялся ни Москве, ни Нижнему, а был подконтролен Великому княжеству Литовскому, но это не повлияло на решение князя Фёдора помочь русским полкам в битве с монголами. Данные о дальнейшей судьбе князя противоречивы: по одной версии он погиб на Пьяне, по другой – был ранен, потерял зрение, но сумел уйти (зрение ему потом вернул митрополит Алексей, святитель Московский).

Русский историк и писатель, белоэмигрант Михаил Дмитриевич Каратеев (1904-1978) художественно описал битву на Пьяне в романе «Русь и Орда». Посмотрите, почитайте. Русские дрались, умирали, но дрались!!! Вот чего не передал летописец...

Да, обыграл, обманул Арапша русских князей на реке Пьяне в 1377 году. Но через три года объединённые русские дружины под командованием князя Дмитрия Ивановича на Куликовом поле

отомстили ненавистным ордынцам и за Пьянское побоище, и за годы унижения под монгольским игмом. Возможно, кто-то из рядовых воинов, спасшихся на Пьяне, сражался с кочевниками на Куликовом поле, плечом к плечу со своими братьями. Как сообщает нам летопись: «Сказал после битвы князь великий Дмитрий Иванович: «сосчитайте, братья, сколько воевод нет, сколько служилых людей». И оказалось: «50 бояр Новгорода Нижнего <...> да 35 бояр владимирских, да 50 бояр суздальских, да 40 бояр муромских».

В русле нашего подхода всплывает ещё одна, как нам кажется, самая важная причина поражения в битве на Пьяне. Это возвращение князя Дмитрия Ивановича вместе с главными московскими силами в столицу. Обмануть великого князя мордве было бы в тысячу раз труднее, да и войско было бы многочисленней. Может, чувствовал эту свою промашку князь Дмитрий Иванович, выступая на Куликовскую битву?..

А. Малышев

О ПРЕДЫСТОРИИ КУЛЕБАК

Деревня Кулебаки впервые упоминается в документах в 1678 году. Есть, правда, также свидетельство, что в 1655 году мордвин Ченбас сдал бортное ухажье (участок леса с деревьями, содержащими пчелиные улья) вблизи речки Кулебаки Андриюшке Силину. На этом основании можно предположить, что к тому времени здесь уже существовало поселение. Но мы хотим заглянуть ещё далее в глубь времён и показать, что есть основания связать основание деревни Кулебаки с последним походом Ивана Грозного на Казань в 1552 году.

Этот поход – одно из важнейших событий в древней истории Кулебакского края. Известны народные предания, что войско Ивана IV, не доходя нескольких вёрст до места, где теперь расположен город, вышло к болоту, которое царь велел пересыпать, после чего это болото стало известно как Пересыпное. Стоит признать такого рода предания достоверными. Город Кулебаки расположен на одном из самых древних сухопутных транзитов Среднего Поволжья. Царские отряды, следовавшие из Муром на Среднюю Волгу, не могли миновать речку Кульбаку (Кулебаку): сейчас это небольшая речушка, протекающая по территории современного города. По речке, как считается, получила своё название и деревня.

Следовавшая на Казань армия царя нуждалась в проводниках, поскольку путь лежал через густые Выксунские и Салавирские леса (продолжение знаменитых Муромских лесов). Народная память сохранила имена этих проводников. В записанной П. Мельниковым легенде говорится, что проводниками русских отрядов были мордвины Ардатка, Кужендей и Торш. За свою службу они получили «дачи», в которых основали деревни Ардатово, Кужендеево и Тоторшево. Выксунский писатель Н. Ключарев в романе «Работные люди» привёл другую версию этого предания. Согласно ей были четыре местных татарина: Ардатка, Тоторша, Кужендей и Ризадей, которые провели царские полки до «самой степи». Н. Миролюбов в качестве проводников упоминает мордвина Калейку, мордвина Ардатку и Ичалку, а также мордвина Ивашку Кильдяева по прозвищу Гольцо.

Предания об Ивашке Кильдяеве находят своё подтверждение в документах. «Временник Императорского Московского общества истории и древностей Российских» хранит текст жалованной грамоты от 8 марта 1564 г. Ивашке Кильдяеву, гласящий: «Государь-Царь и Великий Князь Иван Васильевич <...> служивого своего мордвина Ивашку Кильдяева, он же по ево, цареву слову наречён Дружина, и его, Ивашку, пожаловал вотчинами, лесами с бортными угодьями, и со звериною ловлею, и со бобровыми станами, и водяными угодьями, и с рыбною ловлею, которые в ево дачах имеются, воды от Протомоища вверх по Оке до устья реки Железницы, за великую ево, Ивашкину службу». (Хранилась эта жалованная грамота в селе Выксунского завода). Из документа видно, что проводники щедро награждались земельными владениями. Это подтверждают и предания. За помощь царь платил «вотчинами, лесами с бортными угодьями, санными покосами, водяными угодьями» и другими «дачами». Пожалованные становились крупными землевладельцами, при этом земли отдавались им в «вечное потомственное владение». Такие дары подтверждались письменной грамотой называемой «царской крепью». В Ардатковском уезде, к которому принадлежали раньше Кулебаки, наиболее яркими воспоминаниями об этом являются: народный сказ о мужике Калейке, записанный в окрестностях села Шилокша, а также быль об Ивашке Кильдяеве «Гольце», потомки которого звались Гольцовыми. Они получили от царя щедрое пожалование в виде многих десятин лесных угодий.

После вхождения края в состав Русского государства, большинство местных земель вместе с жителями поступило в ведение Приказа Большого дворца. Тем не менее, право на владение царскими подарками сохранялось за потомками получивших эти подарки. Недаром П. Мельников, первым в XIX в. решивший описать путь Ивана Грозного через Нижегородские пределы, указывал, что: «<...> здесь найдёте вы семейство, идущее по прямой линии от царского вожатого, и в этом семействе покажут вам образ, царём жалованный, или расскажут, что предку их дал государь земли и пожаловал на них свою грамоту с красной печатью, но что землю ту у их дедушек соседи утягали, а грамота в судах запропастилась». Замечание П. Мельникова говорит о том, что и через 300 лет воспоминания о дарах царя хранились в памяти местных жителей.

Прошли десятилетия после Казанского похода, на Руси сменялись цари, отбушевали события Великой Смуты, но уклад жизни в левобережье реки Тёши не менялся. Бортный и пушной промыслы, позже заготовка леса и в меньшей степени земледельческие работы и скотоводство составляли основу хозяйствования местного населения. Покрытые густыми лесами, бедные на урожай песчаные почвы малонаселённого края были не интересны московским боярам, и, очевидно, до самого начала XVIII века управлялись потомками тех самых проводников и помощников Ивана Грозного. Безусловно, поташное производство (изготовление поташа – карбоната калия) затронуло Кулебакский край, однако на структуру местного землевладения, очевидно, не повлияло. В краю до настоящего времени сохранились крупные лесные массивы, в то же время они были вырублены именно в тех районах, где поташное производство шло особенно активно. Дворцовые земли и бортные ужожаи местных жителей в конце XVII века сохраняли свою неприкосновенность, хоть и представляли «лакомый кусок» для производителей поташа. А в начале XVIII века император Пётр I и вовсе запретил поташное дело.

Перемены пришли в Окско-Тёшское междуречье в середине XVIII века, и связаны они были с братьями Баташевыми. В 1753-1754 гг. вышел указ Сената о закрытии промышленных предприятий в радиусе 200 вёрст от Москвы, и тульские заводчики Баташевы вынуждены были перенести центр своей деятельности в Приочье. В правобережье Нижней Оки они столкнулись с тем, что многие лесные участки, богатые железной рудой, принадлежали местным жителям, причём на правах «вечного» владения, дарованного как раз Иваном Грозным. И хотя с тех событий прошло уже почти два столетия, и у Баташевых были серьёзные связи в правительстве и при дворе с такими вещами, как царские дары, шутить было нельзя, и ушлым промышленникам необходимо было соблюсти, как минимум, видимость законности изъятия земель.

В свою очередь, и местные хозяева не собирались отдавать свои лесные владения за бесценок, да и вряд ли вообще хотели их продавать. Но Баташевы использовали все доступные им методы. Н. Морохин, собравший сказания выксунских старожилов, писал: «Первые владельцы выксунских заводов оставили о себе непростую память <...> в народе передаются рассказы о том, какой по-настоящему каторжной была жизнь крепостных у Баташевых, об их коварстве и любви к роскоши, о тёмных историях...»

По свидетельству Н. Миролюбова потомки Кильдяева «Гольца» владели своими владениями до 1766 года, до прибытия в Ардатовский уезд заводчиков Баташевых. Промышленники, узнав, что у потомков Гольца есть дарственные бумаги, подкупили ардатовского чиновника, который изъяв эти бумаги для удостоверения, больше уже не вернул их владельцам. Наследники напрасно добивались правды в борьбе с могущественными и богатыми братьями Баташевыми, и даже решились на вооружённое нападение во время освящения начальных работ на Велетьминской заводской плотине. В результате генеральное межевание оставило все их земли за Баташевыми, а сами Гольцовы вместе с остальными жителями села Кужендеева были пожалованы в 1792 году тайному советнику Соймову...

Через сто лет нечто подобное случилось и с кулебакскими угодьями. Ещё в 1786 году «деревня Колюбаки» с окрестностями находилась в совместном «вотчинном и дворцовом» владениях. Жившие на дворцовых землях крестьяне не знали крепостной зависимости. Но в 1797 году Павел I учредил так называемое Удельное ведомство «для удовлетворения происходящих от крови императорских родов всем нужным к непотыдному их себя содержанию». Это «нововведение» сделало всех крестьян удельных владений и царских вотчин практически крепостными (пусть и императорской фамилии). Для управления такими владениями назначались дворяне, жившие за счёт местных крестьян.

До поры до времени крестьяне терпели их притеснения. Но настоящий произвол начался после того, как кулебакские поместья в 1833 году купил ардатовский дворянин – коллежский асессор Николай Фёдоров. В начале 50-х годов XIX века он совместно с выксунским купцом А. Бородачёвым решил использовать залежи местной железной руды для выплавки чугуна, и в 1852 году начал отчуждение лесных угодий, находившихся «в общем владении казны с частными лицами». Под «частными лицами» имелись в виду те самые потомки проводников Ивана Грозного. С казной затруднений не возникло, правительство поспешило избавиться от невыгодных активов, но с частной землёй начались проблемы. Жители Кулебак не собирались расставаться со своей собственностью.

Кулебачане и до этого смиренным нравом не отличались. Н. Фёдоров знал, что на них лежало клеймо грабителей и воров, так что проезжающие молились о благополучном проезде села Кулебаки. Когда дело коснулось их лесных владений, жители Кулебак вспомнили свои былые права. Сначала

они дважды пытались подать прошение губернатору, а в 1852 году, ровно через триста лет после похода Ивана Грозного, кулебакские крестьяне послали трёх ходоков к императору со словами: «Предки наши были вечно свободны, и при блаженной памяти для нас государя царя всероссийского Ивана Грозного, нам пожалованы все угодья в пользу нашу за участие во взятии в то время Царства Казанского <...> но при Павле I были они пожалованы в награду тогдашнему московскому коменданту и <...> с сего времени находимся в рабстве». Текст прошения указывает на то, что кулебачане и через девять поколений сохранили память о том, как им досталась окрестная земля, и передача ею в управление Удельного ведомства была воспринята ими как акт беззакония.

Безусловно, масла в «огонь возмущений» подлило и общее незавидное их положение. Новый владетель заявил жителям, что может творить с ними все, что захочет, и «не ардаатовское городское и земское начальство, ни военный губернатор, даже и сам император не может указывать в подобных делах». Ходоки добрались до столицы, и, возможно, при дворе рассмотрели бы обращение челобитчиков, но барин «сработал на опережение». В своём письме к императору он сообщил, что предпринял все меры к улучшению положения крестьян, но «когда вследствие забот и попечения помещика» их положение улучшилось, крестьяне затеяли бунт. Просьбы ходоков не удовлетворили, и была дана команда к «полицейскому исправлению». В Кулебаки прибыли экзекуторы и началась порка, да такая, что двадцать человек забили до смерти. Вдобавок на содержание местных крестьян была оставлена команда солдат. Кулебачане дали подписку о полном послушании помещику, но продолжали жаловаться губернатору, дополняя свои жалобы тем, что если губернское ведомство не примет меры, то они продолжают обращаться к царю.

Царю они жаловались ещё несколько раз, и в пятое своё обращение их делегация в количестве 12 человек явились в Москву с жалобой на помещика. Самодержец остался глух к их просьбам и приказал всех делегатов по возвращении отдать в рекруты. И здесь кулебачане опять проявили свой крутой нрав. Когда вернувшихся ни с чем ходоков, обращённых в рекруты, стали отправлять в Нижний Новгород «целое село (Кулебаки – авт.) с семействами и дрекольем явилось на выручку: разбили контору, двери и окна и освободили их». Беспорядки были подавлены, а над Кулебаками был назначен полицейский надзор.

Предки кулебачан, получившие право владения местными угодьями из рук самого Ивана Грозного, бережно хранили память об этом, передавая из поколения в поколение предание о царском даре. Зная историю борьбы крестьян с властными органами по поводу данного вопроса, трудно отрицать, что был подлинный царский документ на владение поселением на речке Кулебаки. Но это значит, что оно существовало на момент похода или возникло сразу после его окончания.

В 2022 году исполняется 90 лет со дня придания поселению Кулебаки статуса города. Нам представляется, что эту памятную дату можно дополнить ещё одной – 470-летием с момента основания на его месте деревни Кулебаки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чицова И.А. История Кулебак (XVII-XIX вв.). Кулебаки, 1997.
2. Миролюбов Н.К. Сказание о последнем походе Иоанна Васильевича Грозного против Казани через Ардаатовский и Арзамасский уезды Нижегородской губернии (Россия XVI века: Казанский поход Ивана Грозного). Учебное пособие под ред. Ю.А. Курдина. Арзамас, 2005.
3. Мельников П.И. Путь Иоанна Грозного/Незнакомый Павел Мельников (Андрей Печерский). Сост. Н.В. Морохин, Д.Г. Павлов. Н. Новгород, 2011.
4. Ключарев Н.П. Работные люди. Горький, 1984.
5. Временник Императорского Московского общества истории и древностей Российских. Кн. VII. М., 1850.
6. Народные сказания: Сборник (Сост. Н.В. Морохин). Н. Новгород, 2010.
7. Гераклитов А.А. Арзамасская мордва по писцовым и переписным книгам XVII-XVIII веков. Н. Новгород, 2013.
8. Ябловский Е.Ф. Российская статистика. СПб., 1842.
9. Ульянов Н.С. Изучаем историю родного края. «Кулебакский металлист» № 25, 2013.
10. Приокские зарницы. Очерки истории завода 1866-1966 гг. Горький. 1972.

А. Малышев

ПОХОД ИВАНА ГРОЗНОГО НА КАЗАНЬ И НАРОДНАЯ ЭТИМОЛОГИЯ ТОПОНИМОВ НИЖЕГОРОДСКОГО ПОВОЛЖЬЯ

Решающий в казанских войнах поход Ивана Грозного 1552 года для истории современного юга Нижегородской области имел ключевое значение. Этот поход разделил прошлое края на «до» и «после». Окончательное присоединение региона к Московской Руси открыло новую страницу в его истории. События, предшествовавшие походу, заставили Ивана Грозного двинуться к Казани самым коротким сухопутным путём, проходящим через Волжско-Окско-Сурское междуречье. Русские военачальники решили использовать старинные сакмы известные, очевидно, ещё и золотоордынцам и их «наследникам» [1].

Поход Ивана Грозного от Оки к Суре был настолько значимым для местного населения, что о нем сложились легенды, навсегда оставшиеся в народной памяти. Причём как предания русских, так и предания мордвы и татар одинаково хранят эту память. Большое количество легенд связано с так называемой «народной» этимологией топонимов Нижегородского Поволжья. Авторство названий многих географических объектов местные жители приписывают лично царю. Обитатели многих сёл и деревень, приурочивают возникновение своих селений к походу 1552 года. Если судить по легендам, Грозный царь по пути давал названия, повелевал строить церкви, мосты, дороги, насыпать курганы (мары). Он крестил, награждал, карал, миловал.

В народной песне об Иване IV – «грозном Мурзе московском», говорится: «Где он бросит горсточку – там быть градичку, где бросит щепоточку – там быть селеньицу» [2]. Несмотря на то, что от Оки до Суры Иван Грозный прошёл за 11 дней, этот небольшой по времени период врезался в людскую память на века. Если судить по легендам, то может создаться впечатление, что поход продолжался несколько месяцев – настолько бурную деятельность приписывает народная молва московскому царю. До сих пор любой курган, любой овраг или холм (мар) приурочивают или как-то связывают с походом Ивана Грозного, причём, с обязательными подробностями, вроде сломанных колёс, потерянных рукавиц, солдатских шапок, которыми насыпали курганы и т.п. . .

Интересно, что такого рода предания записывались этнографами по всему Нижегородскому Поволжью, даже там, где Иван Грозный никогда не бывал. В Заволжье, жители многих деревень утверждают, что именно через их селенья шёл Грозный царь на Казань. Например, название деревни Черномуж Шарангского района Нижегородской области, согласно легенде, произошло от того, что Иван Грозный встретил здесь «чёрного мужика» – марийца [3]. Разумеется, царь никогда не был в лесном Заволжье, но тем яснее и отчётливее ощущение важности и актуальности привнесённых им перемен.

Большинство легенд включает в себя «народную» этимологию происхождения названий селений, в которых они были зафиксированы. Местные жители убеждены, что имена их сёлам давал непосредственно царь, при этом иногда даже явно нерусские топонимы толкуются с позиций русского языка. Жители, пытаясь осмыслить непонятные названия, подбирают похожие по звучанию русские слова и привязывают их к значимому событию. Например, название Дудина монастыря, произошедшее от расположенного рядом села Дуденево, связывают с тем, что здесь по повелению Ивана Грозного был убит некий послушник, игравший на дуде и мешавший отдыхать царю. Раскаявшийся в своём поступке Иван Грозный на обратном пути из Казани основал в этом месте обитель [4].

Царю Ивану IV приписываются отдельные названия сёл во Владимирской области [5]. В Навашином правобережье Нижней Оки их количество увеличивается. Местные предания утверждают, что после переправы у царской кареты лопнул железный обод на колесе, называемый «шиной», и царь потребовал «нову шину». Отсюда, утверждается, и возникло Навашино. Здесь же государь решил избавиться от всех лодырей и бездельников («сонь») в своём войске, и выселил их в лежащую рядом деревню, названную из-за них Сонино; в Позднякове царь «припозднился», а в Волосове «на волоске» висела судьба кого-то из его подданных; в Горицах поселил всех «горюнов» – неимущих крестьян, а в Дедове встретил седобородых старцев-монахов «дедов», а в селе Венец государь кого-то «отдал под венец» [4].

Есть предания, что название села и речки Велетьмы произошло от того, что Иван Грозный, оглядевший свою армию после того как она расположилась на берегах этой речки, произнёс: «Велия (великая) тьма ратников». По другой версии Иван Грозный, обозрев бескрайние леса, лежащие перед его войском, сказал: «Велия тьма леса» [6]. На пути от Велетьмы, за шесть вёрст до Кулебак, путь царскому войску преградило болото, которое царь повелел «пересыпать» (засыпать). С тех пор это место зовётся «Пересыпным» [7]. Рядом с Кулебаками находится селение Мурзицы, название которого, по мнению местных жителей, связано с тем, что его основал союзный Ивану Грозному татарский мурза [8]. В окрестностях Шилокши, где располагался второй стан государя, впоследствии была записана знаменитая песня о царском проводнике – мужике Калейке [2]. Между Шилокшей и Саконами (второй и третьей остановками царя), можно сказать, все наполнено памятью о царском походе. Здесь расположены села Ломовка, Теплово и Гремячево: в первом сломалась царская карета, затем царское войско попало под дождь и в селе Теплово (до конца XVIII века называлось Тёплый стан) отдохнуло и согрелось под вышедшим солнцем [9]. А в легендах, записанных в XIX в. говорится, что проводник царя мордвин Кужендей обещал отвести войско царя к месту ночлега, которое он назвал «тепло». И на этом месте теперь стоит Теплово [7]. Между селами Ломовка и Теплово расположено возвышение Козляки, на котором по легенде стояли царские стрельцы, складывавшие оружие в «козлы». После Козляков – болотистое урочище Лихое, где царская карета застряла в непролазной грязи. Выбравшись, царь назвал урочище Лихим [9].

На этом приключения царя не кончились. Вскоре она, в точности там, где сейчас село Гремячево, загрела. По другой легенде в этом месте гремело оружие солдат или знаменитые местные родники [10]. Жители Гремячева настолько уверены в закладке своего села царём Иваном IV, что в 2002 году при поддержке местных властей торжественно отметили 450-летие со дня основания посёлка.

Ночь на 22 июля, застала московского государя возле Саконского городища на левом высоком берегу Теши. Саконы и Гремячево по преданиям роднит между собой то, что церкви в этих сёлах были построены по царскому повелению [10]. В Саконах предания о походе хранились до последнего времени. В 1980-х годах их жители показывали собирателям фольклора место, где стоял шатёр Ивана Грозного, а в местном школьном музее хранилась притолока двери местной церкви, об которую приближенный царя – воевода Шеин, разбил себе лоб, после чего собственной кровью оставил на ней автограф. К сожалению, этот ценный артефакт погиб при пожаре [11].

К югу от Сакон расположен целый «куст» топонимов связанных с легендами о походе царя. В записанном здесь предании говорится, что проводниками русских отрядов от Саконского городища до Иржи были мордвины Ардатка, Кужендей и Торш. За свою службу они получили земли, в которых основали деревни Ардатово, Кужендеево и Тоторшево [2]. Ныне это посёлок Ардаатов, село Кужендеево, и Тоторшево – историческая часть Ардаатова. У И.А. Милотворского речь идёт уже о проводниках Ардатке-мордвине и Калейке-мужике, награждённых царём за службу «дачами», ставшими впоследствии селениями Ардаатов и Кавлей. Проводник-мордвин Ичалка получил «дачу», на месте которой стоит село Ичалково [12]. Название деревни Молякса, означающее в переводе с мордовского «Свиной брод», связано с казусным случаем при переправе войска через речку Леметь: когда проводник сказал «моляксо», его спутники решили, что пора молиться [7, 12].

У жителей деревень Надежино, Юсупово и Онучино сохранились воспоминания о станах армии Ивана Грозного поблизости, о церквях, построенных царём и о марах (курганах), насыпанных его войском. В месте слияния Теши и Иржи находятся древние села Большое и Малое Туманово, известные с 1582 года как единое село Туманово. Этот топоним местные жители связывают с легендой о тумане, преградившем путь войску [4]. Через два перехода от Сакон царь достиг устья реки Акши (Автечь) в предместьях Арзамасова городища. Название города Арзамаса тоже связывают с участием царя. Самая распространённая версия гласит, что в названии соединены два мордовских имени Арзя и Маса, а затем уже следуют варианты. Говорится, что были два брата Арзай и Масай [12] или два князя Арза и Маза [13], или даже муж с женою Ерзя и Масья [7]. Именно их царь пожаловал окрестными землями. Впрочем, здесь же расположено селение, действительно основанное Иваном Грозным. Царь для наблюдения за местными инородцами учредил Арзамасскую выездную казацкую слободу, ставшую со временем посёлком Выездное.

Расположенное на правом берегу реки Тёши село Ивановское получило своё название «в память переправы войска Иоаннова через Тёшу» [12]. В Вадском районе сохранилась легенда, связанная с

названием поселения Беркин городок. Согласно ей, здесь укрывался разбойник Берки. Иван Грозный разгромил его становище, а сам Берки утонул в Пьяне [14]. У места шестого стана царя на речке Кевзе – левом притоке Пьяны, сохранился курган называемый «Царёв кабак». По преданию, на этом кургане Иван Грозный угощал своё войско [12].

Дальше царское войско продолжило движение к озеру Дубровка, переночевав у озера предположительно в 30 верстах от села Паново-Леонтьево [12]. К югу отсюда, в Большеболдинском районе, сохранилось следующее предание В.Н. Морохина. Мордва, жившая в деревне, узнав, что к ним приближается Иван Грозный, решила его погубить. Но одна девушка-мордовка предупредила царя, за что потом была убита односельчанами. Узнав об этом, Иван Грозный велел похоронить её «с великими почестями», насыпав над могилой большой курган. А село стали с этого момента называть Девичьи Горы [13].

От Пьяны войско царя отвернуло к верховьям рек Медяны и Медянки. Местные легенды также хранят память о царском походе. Название села «Тёплый Стан» (ныне Сеченово), как и в случае с названием села Теплово, связано с отдыхом царя [14]. Севернее Сеченова есть село Ясное, народное прозвище которого «Свинуха». Такое прозвище связано с тем, что там располагался заготовительный пункт по забою свиней для армии Ивана IV, и из-за множества забитых животных речка Медянка несколько дней текла кровью [15].

А вот записанное в присурском селе Мурзицы предание гласит, что местные татары оказали царю сопротивление, после чего Иван Грозный приказал закопать их предводителя-мурзу живьём. Отсюда и название села. Речка Киша, на которой стоят Мурзицы, была красной от пролитой крови [14]. В лежащем ниже по Суре мордовском селе Наваты главная улица зовётся Казанка, и любой местный житель скажет вам, что по этой улице Иван Грозный шёл на Казань [16]. За Сурой авангард царя встретил татар и повернул назад. Но местные чуваша и марийцы обещали русскому отряду помощь, и отряд вернулся и разгромил татар. Место, от которого авангард вернулся, названо Воротынец [4].

Разумеется, наше исследование не претендует на полный охват всех «топонимических» легенд и преданий, связанных с походом Ивана Грозного. Мы лишь хотели указать на то, каким важным событием был этот, без преувеличения сказать эпохальный поход, если оставил о себе такую память. Практически каждый из упомянутых здесь топонимов получил толкование в научной литературе. М. Горбаневский в частности указывал, что «легенды (предания) не имеют ничего общего с действительным происхождением названия поселений. Все стихийные переосмысления значения топонима (связь с Петром I, Екатериной II) – не более чем досужий вымысел, лишь иногда имеющий косвенную связь с настоящим событием» [17].

В этой фразе слишком много пренебрежения по адресу народных преданий. Но, совершенно очевидно, что «привязки» к походу русского войска являются весьма значимым указанием на коренное изменение хозяйственного и культурного статуса этих земель в то время. Присоединение к России дало толчок массовому заселению русскими земледельцами Среднего Поволжья, что способствовало созданию последнего по времени и самого мощного слоя местной топонимики – русскоязычного. Во-вторых, обилие «топонимических» легенд, связанных с Иваном Грозным, более чем определённо свидетельствует о чрезвычайно активной роли русских переселенцев. В качестве аналогии можно привести историю Воронежского края, где очень многие «топонимические» легенды связаны с именем Петра Великого, в царствование которого русское государство окончательно закрепилось на границах «Дикого Поля». Так что, когда И. Горбаневский не разделяет легенды по времени и месту деятельности и не соотносит их с деятельностью конкретного политического деятеля, «сваливая» все в одну «кучу», становится немножко грустно за нашу излишне самоуверенную профессию...

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

[1] Курдин Ю.А., Курдин Я.Ю. Путь Ивана Грозного на Казань в пределах Арзамасского края. Россия XVI века: Казанский поход Ивана Грозного. Арзамас: АГПИ, 2005.

[2] Мельников П.И. Путь Иоанна Грозного. Незнакомый Павел Мельников (Андрей Печерский). Сост. Н.В. Морохин, Д.Г. Павлов. Н. Новгород: Книги, 2011.

- [3] Нижегородские марийцы. Сост. Н.В. Морохин. Йошкар-Ола, 1994.
- [4] Епанчин А.А. Топонимика Муром и его окрестностей. Муром, 2014.
- [5] Ершов В.Е. Топонимические предания, региональная топонимия юга и юго-востока Владимирской области. Н. Новгород, 2021.
- [6] Чернов В.Ф. Кулебаки, Велетьма, Тумалейка... Тайны географических названий. Кулебаки: МУ РИЦ Кулебакский металлург, 2009.
- [7] Миролюбов Н.К. Сказание о последнем походе Иоанна Васильевича против Казани в 1552 г. через Ардатовский и Арзамасский уезды Нижегородской губернии, с примечанием о походах его чрез другие уезды. Россия XVI века: Казанский поход Ивана Грозного. Арзамас: АГПИ, 2005.
- [8] Ульянов Н.С. Изучаем историю родного края. Кулебакский металлург, 2013, № 12.
- [9] Малышев А.В. Беседа 21 января 2014 г. с Фадеевым М.Е., жителем с. Теплово.
- [10] Малышев А.В. Беседа 19 сентября 2007 г. с Омельшиным А.М., жителем р.п. Гремячево.
- [11] Кирьянов И.А. По пути Ивана Грозного // Памятники отечества. Альманах № 1. 1988.
- [12] Милотворский И.А. Путь Иоанна Грозного через Нижегородскую губернию во время его похода на Казань. Россия XVI века: Казанский поход Ивана Грозного. Арзамас: АГПИ, 2005.
- [13] Нижегородские предания и легенды. Сост. В.Н. Морохин. Горький: Волго-Вятск. изд, 1971.
- [14] Курдин Ю.А. Образ Ивана Грозного в народной поэзии Арзамасского края. Россия XVI века: Казанский поход Ивана Грозного. Арзамас: АГПИ, 2005.
- [15] Малышев А.В. Сообщение от Толстоухова А., жителя Н. Новгорода (29.03.2022).
- [16] Малышев А.В. Беседа 2.10. 2009 с Феклистовым В.Ф., уроженцем с. Наваты Пильнинского р-на.
- [17] Горбаневский М.В. В мире имён и названий. М.: Знание, 1987.

ПОЭЗИЯ

А. Тремасов

ПАМЯТИ АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО

НЕВСКАЯ БИТВА

Борис и Глеб свои явили лики
Перед вторженьем шведских кораблей...
Тревожно птицы разносили крики,
Пророча пламя стрел и звон мечей.
Князь православный во главе дружины
Обрушил гнев небесный на врага.
Победу эту сохранят былины
Потомкам на грядущие века.
Сын Ярослава, Александр Невский,
Он наложил на Бюргера печать
Своим копьём, я видел сон, на фресках
За ним стоит его святая рать!

ЛЕДОВОЕ ПОБОИЩЕ

Ливонский орден, осквернив мечи,
Пошёл войной на Новгород и Псков.
Устала Русь от западных врагов –
И только в ровном пламени свечи
Предстал заступник страждущей земли
В пластинчатом доспехе, со щитом
И на коне могучем, вороном.
Вороний камень в водяной пыли,
Дождь, мокрый снег, побоище, апрель,
Лес копий, оцетинившийся вдруг.
Колчан со стрелами и русский лук,
Что бьёт сквозь шлемы рыцарские в цель...
Лёд треснул – и студёная вода
Поглотит воинство тевтонского креста.

СХИМА

Неблизкий путь из Золотой орды,
Туманные, размытые мечты...
И тяжкий, неразгаданный недуг,
Молитвенник не слушается рук.
Пропитанный отравой ярлык,
У колокола вырванный язык –
Все предвещало князю смертный сон
Но князь есть князь – и в вещем Городце
Улыбка промелькнула на лице...
Князь принял схиму и монахом стал –
Он жизнь свою как книгу пролистал...
И смертью смерть поправ, свои дела
Он завещал Руси, чьи купола
Сияют вновь,
В них доблесть и любовь!

Г. Коваль
(перевод с украинского
А.М. Коломийца, А. Абрашкина)

ЗА МИГ ПЕРЕД АТАКОЙ

* * *

Тяжёлая над полем тишина,
Блиндаж наш в два наката надо мною.
Фашистский танк, разбитая стена
И согнутый ствол пушки под стеною.

Вчера лишь под разрывами гранат
Топтали мы и васильки, и маки,
Упрямо шли в свинцовый звездопад,
Где можно не вернуться из атаки.

Ещё с утра во мгле седой пыли
Все измерялось мерою одною:
Как не отдать врагу клочок земли,
Всего лишь триста метров поля боя.

Крестилось небо пулями вразлёт,
Несла в зубах своё «ура» пехота...
Казалось, мир с ума вот-вот сойдёт,
И тьма накроет амбразуру дота.

Я и сейчас, сдаётся, где-то там,
Где танк, ощерившись, глядит
в пространство хмуро
Себя я поверяю только сам,
По-прежнему глядя сквозь амбразуру...

Все движется, увы, в небытие,
Но вечна связь воспоминаний слоя:
Осталось меркою на все моё житьё
Коротких триста метров поля боя.

* * *

Земля мертва? Нет, нет, мой друже...
Нет, не мертва, земля живёт!
Ей нипочём ни жар, ни стужа:
И там, где холод, вьюга кружит,
Под снегом семя прорастёт...
Когда на пепелище боя,
Лежал, от боли чуть не воя,
Внезапно рядом тихо-тихо
В окопах, бомбами разрытых,
Вдруг обнаружился сверчок

И перепёлки голосок
Разлился по ночным полям...
И вот, во тьме у той траншеи
Почувствовал в своей душе я,
Что дышит талая земля.

ВОДА БОЛОТ

Зелёную, болот угрюмых воду
Я пил не раз. Горька – да, это так...
Но там, где даже зверь не ведал броду,
Мы прорывались пламенем атак.

Смерть за победу требовала плату,
Живущим выставляя рубежи...
И уважительно глядели вслед солдатам
Захваченные ими блиндажи.

О, грозных дней зловещие зарницы,
Земля и кровь у павшего в горсти.
Вода болот все снится мне и снится,
И никуда от снов тех не уйти...

* * *

В ночном лесу лишь тишины родник.
Бойцу перед атакою не спится.
А коль задремлет, что ему приснится
За миг перед атакою, за миг?

Ему волненья не стряхнуть вериг,
Он знает, можно поседеть за сутки,
И что не надо верить в предрассудки,
Когда до боя остаётся миг...

Здесь на войне солдат давно постиг,
Что в мыслях сжечь, что спрятать поукромней,
В который раз родные лица вспомнить
И докурить, покуда длится миг...

Уж перед боем кровь привычно не кипит,
Но тишина не выскажет, святая,
Продлится ль жизнь, удачу обретая,
Или навеки в этот миг сгорит?

Геннадий Ёмкин

**КЛАНЯЮСЬ ТЕБЕ И ВЕРЮ,
РОДИНА**

ПОСЫЛЬНЫЙ

Здравствуйте, Георгий Константинович!
Разрешите, маршал, доложить:
Без такой, как Вы, сегодня личности
Нам в России долго не прожить.
Извините, если беспокою.
Но уверен, примете меня,
Потому что Родиной больною
На доклад сегодня послан я.
Тёмная сомкнулась коалиция.
Захватили, завладели, завлекли...
Встали на рубежную позицию
В шеломах последние полки.
Мой доклад вполне документален.
Вот пакет. В нем Родины приказ –
Синяя печать и подпись «Сталин»,
Что народу доложить о Вас?

Подошёл. Тепло пожал ладонь:
– Эх, добро задумали велико!
– Маршал Жуков! Вот Ваш белый конь.
Вот наш враг. А вот – Святая Пика!
Маршал. А в седло взметнул орлом!
И к земле умчал по небосклону.
Громыхало эхо: – Бей поклон
Минину и Дмитрию Донскому!

* * *

А ты – такая же краса!
В твоё берёзовое платье
Пришёл сегодня зарыдать я,
А небом высушить глаза.

Вернулся я тебя обнять.
Мне чужедальные дороги
Избили душу в кровь и ноги.
К тебе пришёл я помолчать.

К тебе вернулся песни петь
И песни тихие услышать.
Вернулся я, родная, слышишь!
Так дай мне золото и медь

Твоих дубрав. Я всю до капли
Казну развею, словно мот.

Но почему так грустно цапли
Взлетают с призрачных болот?

Ужели поздно песни петь
И позднее аукать счастье,
А это золото и медь –
И есть последнее причастье?

Ну что же, ветви всех берёз
Меня оплачут, слава Богу.
А небо высушит дорогу
И лица, мокрые от слёз...

А ты – такая же краса!

* * *

А апрель сегодня синий-синий,
Ясный, как у ангела глаза.
Оттого ли ты меня спросила:
– Что печальны песен голоса?

Оттого сегодня звонких песен
Не пою, что больше не люблю,
Оттого, что с Родиной вместе,
Может быть, я замер на краю.

Оттого сегодня голос грубый,
Что закат над Родиной моей
Горько сжал растресканные губы,
А под сердцем умер соловей.

Оттого совсем лишён покоя
И бреду, как будто в стельку пьян.
Выйдет месяц в небе надо мною
И нависнет, словно ятаган.

Пусть апрель и завтра будет синий!
Красоты его не умалю.
Только песни, песни о России
Я всё чаще грустные пою.

* * *

А птицам тоже Родина нужна –
И соловью, и маленькой синице.
Любая ветка песне не годится.
Для песни птице Родина нужна.

И я, влекомый к дальним берегам,
Хотел им петь. Но в сердце мне звучали
Берёзовые тихие печали
И поклоненье веющим снегам.

И понял я: какого мне рожна
Далёких гор угрюмые отроги?
Верните мне туманы у порога.
Для песни птице Родина нужна.

Всегда твой сын, люблю и понимаю
Летящий лист, у образа свечу
И журавлей...
Я с ними зарыдаю,
Но никуда уже не улечу.

* * *

Вспоминая всё, что в жизни пройдено, –
Видно, годы делают мудрей, –
Я всё чаще думаю о Родине,
О земле единственной моей.

Может быть не очень и заметная,
Как неброский за окном пейзаж,
Родина – понятие конкретное,
А не поэтическая блажь!

Кланяюсь тебе и верю, Родина!
Скромной жизни подводя итог.
Вспоминая, сколько было пройдено
По тебе, любимая, дорог.

Но любая к дому приводила
Сквозь огонь, и лёд, и зелена,
Потому что матушка крестила
В спину уходящего меня.

Вспоминаю всё, что в жизни пройдено,
И шепчу заветные слова:
– Слава Богу, есть на свете Родина!
Слава Богу, матушка жива.

ПАНАМА

Я оставил той войне
Сам себя на память.
Жарко было мне в огне,
Жалко, не исправить...

Знаю, плакали навзрыд
И отец и мама.
Им привёз мой друг Фарид
Со звездой панаму.

Фотографию мою
Он привёз родимым –

Я в панаме той стою
Целый, невредимый.

Он панаму им привёз
Из Афганистана.
Неужели все всерьёз,
Неужели, мама?

СЕРЁГА

Я себе не придумывал бога.
А чего огород городить?
Вот он – рядом идёт по дороге,
Нам одну сигарету курить.

Он хромает на левую ногу –
«Так – цапнуло...» – здесь го-
ворят.
На задании – просто Серёга,
А в казарме – «Товарищ сер-
жант».

Он шагает по пыльной дороге.
Вместо нимба повязка в крови.
И не знает, не знает Серёга,
Что сегодня он будет убит...

У Серёги такая накладка!
Синий с крыльями парашют!
Мы «За речкою в командировке».
И сегодня Серёгу убьют...

А пока матерится Серёга,
Проверяя свой боекомплект.
Мне другого не ведомо бога
В девятнадцать неполные лет,

У ВЕЧНОГО ОГНЯ

Несут цветы. Огонь горит.
Про жизнь и про победу
«Афганец» с дедом говорит
И спрашивает деда:

– Скажи мне, дед, поведай мне,
Как было на большой войне?
У нас хреново было –
Ко всем чертям носило,
И пуля пролетала,
Бывало – попадала.

И говорит ему в ответ
Седой, как время, старый дед:
– На нашей всяко было:
Без курева, без мыла,
Шинельку продувало
И тоже – попадало.

И закурили.
Старый дед
И тот, кому немного лет.
Дымят.
Считают раны.
И оба – ветераны!

И старого и малого
По всем огням носило.
И до конца до самого,
Спасибо, не убило.

Посередине улицы,
Как будто бы одни,
Стоят и не накурятся,
Господь их сохрани!

СО СВИДАНЬИЦЕМ

Сидит на облаке солдат
Чуть-чуть левее Бога.
Ну, здравствуй, брат!
Ну, как ты, брат?
Обнимемся, Серёга!

А я в санбате, я в бреду
Лежу, наверно, с пятницы,
Давай-ка, думаю, зайду
По-свойски на свиданьице.

Давай-ка двигайся, солдат,
Я так устал с дороги.
Поклон тебе от всех ребят
И курева немного.

Ты не смотри, что вся в пыли,
Открой, Серёга, фляжечку.
Давай, чтоб крылья проросли
Не больно сквозь тельняшечку!

Да вместе с Богом не гляди
В глаза мне виновато.
Сегодня сам смогу дойти
Без ног до медсанбата.

Сидит на облаке солдат
Чуть-чуть левее Бога.

Ну, что же, брат! До встречи, брат!
Обнимемся, Серёга...

МЛЕЧНЫЙ ПУТЬ

Сегодня всё не так,
А всё наискосок.
И клинит автомат,
И дёргает висок.

Он тульский, я саранский
В глазах песок афганский.
Серёга! Так обидно,
Что Родины не видно.

Серёга мне кричит:
– Давай держись, земля!
Но автомат молчит
И «духи» бьют прицельно.

Он тульский, я саранский
На стороне афганской.
И пули бьют в песок,
И дёргает висок.

Сегодня всё не так,
Сегодня всё иначе.
И клинит автомат
Серёга! – это значит,

Что к тульской и саранской
Со стороны афганской
Нам к Родине идти
По Млечному пути.

Стряхни песок с груди
И камушки.
По Млечному пути
Тут рядышком...

ТЕЛЬНЯШКА

Я перестал её носить –
Повыцвела, поизносились,
Уже на вечность покусилась,
И в ней она достойна быть.

Мне возразят: – Какая прить!
Такое и не обсуждается!
Скажите, вам случалось быть
В горах, где жизнь вот-вот кончается?

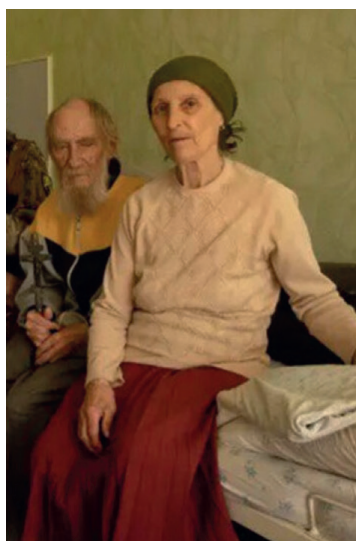
Когда тельняшечка к спине

Смертельным потом прикипает,
И лишь мгновенья не хватает,
Чтоб уцелеть на той войне?

Когда до смерти жить охота.
Но командир кричит:
– За мной!
В тельняшках взвод,
В тельняшках рота
Встают и жертвуют собой!

Мне до сих пор любой – брательник,
Полковник он или солдат,
Кто свято чтит военный тельник
И ставит выше всех наград.

А вы предательскую прыть
С демократической услугою
Оставьте.
Быть тельняшке, быть
В едином звании с кольчугою.

В начале апреля 2022 года украинские СМИ распространили видео с бабушкой, которая вышла к военным с красным флагом СССР. Пожилая женщина перепутала украинских солдат с российскими, решив, что территория перешла под контроль России. Действие происходило в селе Дмитриевка Харьковской области. Солдаты в украинской форме подарили старушке еду, но взамен забрали красное знамя. После этого один из военных встал на флаг ногами. Увидев это, старушка отдала пакет с продуктами и сказала, что за этот флаг воевали её родители.

В Мариуполе появился памятник храброй украинской бабушке, которая вышла к солдатам Вооружённых сил Украины со Знаменем Победы (фото справа).

ФЛАГ

Без заслуг сидят, без званий.
Подхожу на разговор.
– Что такое это, Маня?
– Это, Зина, триколор!

Та, что справа, баба Маня
Так сказала мне: – Сынок!
Эти нонче не обманут? –
И поправила платок.

– Эти?.. Может, не посмеют.
Я отвёл от крыши взор.
Там белеет и синеет,
И краснеет триколор.

И вздохнула баба Зина,
Как свидетель славных вех,
И сказала: – Знаешь, сына,
Прежний, красный, – краше всех!

* * *

Вот-вот загорится звезда
На бархатно-синем и тёмном,
Которую мне никогда,
Никто не опустит в ладони.
За то, что, скитаясь, не мог,
Презрев суету и беспечность,
Ступить на одну из дорог,
Которые тянутся в вечность.

Где та, голубая звезда
Вот-вот засияет в короне,
Которую мне никогда,
Никто не опустит в ладони.

Стою у незримых ворот
Под сводом небесного сада.
Звезда загорится вот-вот
На небе, как Божья лампада.

* * *

В жестокий век, в глухие времена
Я память сохранил о лучших годах.
Тогда сияло солнце в русских водах!
Тогда сияло слово в письменах!

Я жизнь принёс, Отчизна! Не отринь.
Она для тех, кто говорит не всуе,

Она для тех, кто истины взыскует
И не хулит отеческих святынь.

А вот душа.
Её возьмите те,
Кто на краю, потерян и страдает.
Пусть она свечою тонкой тает,
Но светит всем, кто брошен в темноте.

Вот кровь моя.
Возьмите, Времена!
Я кровно перед Родиной в ответе.
Быть может, ей напишут наши дети
Святые на знамёнах имена.

Вот кровь, душа и жизнь моя, и память.
Возьмите всё! Мне нечего добавить.

Евгений Эрастов

ГДЕ ОСТАВИТЬ МНЕ РУССКОЕ ГОРЕ?

* * *

Снова голые ветви, и эта осенняя хмарь,
Равнодушное небо, упрямая грязь под ногами.
Мир до нитки промок и листает земной календарь,
Приглушенные дни невесомыми меря шагами.

Но когда поседеет пожухлая эта трава
И застынет земля, вдруг надломится что-то в пространстве,
И от первого льда посвежеет моя голова –
Вот и вспомню тогда о своём стиховом государстве.

И уже не поможет в несчастье пейзаж горевой.
Только русская речь, коренное её первородство –
Этот посвист разбойничий, горестный звук горловой,
Воедино объяввший тщету, нищету и сиротство.

РУССКИЙ ЯЗЫК

Молодой, коренастый, зелёный,
Как ты быстро прорвал перегной -
Голубой глубиной окрылённый,
Слишком дикий и слишком родной.

В чернозёме по самые плечи,
Рвёшься в небо упрямой листвою,
Отстранив иноземных наречий
На корню одичавший привой.

Как ломали тебя и давили!
Прижимали листвою к земле.
Шевелил ты ветвями тугими,
Выпрямлялся в поруганной мгле.

Каждой веткой – погнутой, побитой
Первозданные ловишь струи,
И вплетаются в землю санскрита
Праславянские корни твои.

Литераторов бойкие стайки
Реют в кроне твоей дотемна.
Так в саду одряхлевшей хозяйки
Разрастётся порой бузина...

* * *

Всё суровой родимая мгла,
Дни настали смурные такие...
Если правда в России была,
Значит, звали её Евдокия.

В Новодевичьем – сумрак икон.
У святых отрешённые лица.
И кладёт за поклоном поклон
Неприметная с виду черница.

Две берёзки склонились к окну.
Пахнет воском и ладаном росным.
Не нарушит она тишину
Тайным умыслом, помыслом злостным.

Растворяется суетный звук,
Просочившийся в храмины эти.
Ряса, чётки да чёрный клобук –
Это лучшая доля на свете.

И пускай целый день напролёт,
Обезумев от пьяного гнева,
В кабаке развлекается чёрт,
Повернувший Россию налево.

Свищут флейты, проходят полки,
Реют флаги голландского флота,
И не снятся ему мужики,
Утонувшие в финских болотах.

И куда это нас занесло!
Все смешалось под пологом млечным!
Пусть всесильно вселенское зло,
Но и вера в добро бесконечна.

Вырастают в тиши купола.
Золотая цветёт Византия.
Если вера в России была,
Значит, звали её Евдокия.

* * *

Сверкнёт надо мною стозвёздный чертог
И в тёмном дыму растворится.
И темной России загадочный срок
Не ведаю, сколько продлится.

Я помню, в кулак задувала зима,
Мы ехали во поле чистом,
И нас охмуряла раскосая тьма
Татарским заливистым свистом.

Калёные стрелы туда и сюда
Летали в ночи бестолково,
На крыльях совы трепетала беда,
А поле звалось Куликово.

Покуда Иванушка, весел и горд,
Пел песню о русской зевоте,
В немецких ботфортах явившийся чёрт
Построил дворцы на болоте.

И пенное кружево в кружки лилось
На радость учёному миру.
Свинцовое море кололось и жглось
Об острые шпили ампира.

Но тёмную землю нельзя превозмочь.
Среди мирового кошмара
Колючею тьмой занавесила ночь
Зеркальную гладь Светлояра.

И все тяжелей, все безвыходней мгла.
Но глядя в притихшую воду,
Какой-то прохожий узрел купола,
И сказка явилась народу.

С тех пор и тревожит заблудший народ
Какая-то тайная дума.
Сверкает в ночи ледяной небосвод
И в зеркало смотрит угрюмо.

* * *

Воют волки и ухают совы,
Что ни день – то пронзительней вой.
Отпирает в амбаре засовы
Бородатый старик домовой.

В бороде его сено с соломой,
И косит настороженный глаз,
И с улыбкой, как старый знакомый,
Он застенчиво смотрит на нас.

Всё-то руки в курином помете,
Всё-то звуки не знаю о чем,
Но в яичном дворце-развороте
Сводит скулы с утра кирпичом.

То не ветер свистит по просторам,
Рассыпает в амбаре зерно,
Курам на смех, тем курам, которым
Целый век там прожить суждено.

То не хрипая музыка смерти
Закрутилась на Лысой горе –
Это скачут косматые черти
И в два пальца свистят на заре.

И с насада, с разлада, с распада,
С невесёлой какой чепухи
Под свистящий мираж снегопада
Забормочешь шальные стихи.

И невнятное то бормотанье,
Что понятно цветку и звезде,
Превратится в цветное сиянье
И кругами пойдёт по воде.

* * *

Чёрный камень на сердце ношу.
Мне бы бросить его на просторе!
Я пойду да у Волги спрошу:
«Где оставить мне русское горе?»

Ничего не ответит река,
Лишь волной мои ноги замочит.
Видно, слишком тоска глубока,
Раз ни с кем поделиться не хочет.

Тихо тлеет звезда вдалеке,
Ворох листьев роняют берёзы.
И плывут по угрюмой реке
Безымянные тёплые слезы.

Там, где Астрахань спит на жаре,
Где бормочут платаны и клёны,
Где гюрза притаилась в норе,
Там становится Волга солёной.

В тех краях невесёлый вопрос
Родился на равнине широкой:
«Сколько в Волге потопленных слёз?»
Да не меньше, чем волжских притоков.

Как родная река солона!
Не с того ль в прикаспийской пустыне
На волну набегают волна
Не воды, а солёной полыни?

* * *

Жизнь песка в Аравийской пустыне,
Золотого немого песка,
Не опишешь словами простыми –
Бесконечна она, как тоска.

Глубока, как солёное море.
Но дано тебе знать искони –
Только вечное русское горе
Бесконечности этой сродни.

* * *

Вечный узник печали вселенской,
На какой-то забытой реке
Тонкой палочкой пишет Флоренский
Золотые слова на песке.

Все выводит неясные знаки
Мановеньем легчайшей руки.
А в деревне бранятся собаки
И вповалку храпят мужики.

Здесь твоя поселковая проза
Ходит-бродит в рубашке цветной
Да хмельной председатель колхоза
Прославляет свой день выходной.

В луже плещется нимфа нагая,
Утомляя взыскательный слух.
Византия моя дорогая!
Дом культуры, пырей да лопух.

Посреди совнархозных развалин
Загулял гармонист молодой.
Ах ты, царь-государь, Ленин-Сталин,
Награди золотою звездой!

Как мне по сердцу эти длинноты –
Запах ивы и звук от весла.
Но обители Божьи – как соты.
Несть границ им и несть им числа.

В жаркий полдень в тени вертограда
Чуть шевелятся крылья стрекоз.
Видишь башенки Горнего Града?
До свиданья, постылый колхоз!

До свидания, быт деревенский,
Плоскодонка, ветла да коза.
Улыбнётся печально Флоренский
И увидит, поднявши глаза,

Как тончайшею гранью играя,
Первозданное чудо чудес –
Невесомая Лествица Рая
Протянулась с земли до небес.

КАРТИНА В.Д. ПОЛЕНОВА «БАБУШКИН САД»

Помнишь бабушку с ветхой клюкой?
Тихий сад, на виденье похожий?
Таёт в воздухе чистый покой,
Каждый кустик я чувствую кожей.

Я ведь тоже был в этом саду!
Я бродил по тенистым аллеям.
Помнишь, звезды тонули в пруду,
Перемазавшись облачным клеем?

Вот он, вот он, потерянный рай!
Что скрывать – я узнал его сразу -
Этот звонкий сияющий май,
Эту гордую белую вазу.

Эти клумбы... Какая беда
Развела меня с ними навеки?
О, как пахла тогда резеда –
В золотом девятнадцатом веке!

Этот запах смогу ли забыть,
Эту вазу с её белизною?
Но порвалась тончайшая нить
Между сказочным садом и мною.

Что осталось? Ни запах, ни звук
Не спасут обнажённые нервы.
Слишком поздно родился ты, друг.
Прозябай же в своём двадцать первом.

МУРАНОВО

Осеннего дождика всхлипы.
У озера – шаткий настил.
Я видел столетние липы,
Которые он посадил.

Я видел дрожащую стаю
Берёз на пологом холме.
Какая-то строчка простая
Вертелась в усталом уме.

Казалось, что все это снится –
Усадьба, где нет ни души.

На ветке свистела синица
И кто-то ей вторил в тиши.

Здесь кроется день мой вчерашний
И то, что случится со мной.
Не будут мне звёздные пашни
Милей, чем суглинок родной.

Другими не станут святыни.
Не стоит на время пенять.
Судьба наша – в сумрачной глине.
И как мне его не понять,

Когда, ни о чём не жалея,
В усадьбу он прибыл, как в скит,
Где тёмная эта аллея
Классическим ямбом звенит.

* * *

В селе Григорове, отважны и лихи,
Горланят гордые цветные петухи,

И звуки комкая, вразбивку, на скаку,
Трезвонят громкое своё «кукареку».

А рядом курицы и выводки цыплят
По мокрой улице привычно семят.

Где память русская и тёмная вода,
Тропинка узкая петляет у пруда

И поднимается, летит на высоту,
Где обнимается черёмуха в цвету

С двумя берёзами, где ветер бунтовской,
Где старец бронзовый с поднятою рукой.

Тропинка узкая, зелёный косогор.
О память русская! Какой в тебе простор!

О, тьма поморская, сквозная кутерьма,
Мгла пустозёрская, хрустальная зима!

Что лёд нетающий и пухлый снегопад!
Огонь пылающий страшнее во сто крат.

Пространство ширится, колеблется, парит,
Смола пузырится, сосновый сруб горит.

Шипит владыка на тишайшего царя.
На козни Никона он гневался не зря.

На ложь подкожную, на патриаршью ложь,
Восстав с острожных усмирительных рогож,

Мир осенив двуперстием своим.
«Горим, Петрович?» «Марковна, горим!»

* * *

Боже мой, я всё на свете слышу!
Не унять постылую тоску.
Мелкий дождь царапает по крыше –
Каждая дождинка – по виску.

Как же тошно в ямине монгольской
Собирать постылые рубли,
В пустоте украдчатой и скользкой,
На спине загаженной земли.

Не страна, а пышное кладбище,
Вымокший вишнёвый пирожок,
Душный запах второсортной пищи –
Чизбургер и гамбургер, дружок.

Мир экрана – пошлый, прагматичный,
Где слова – как будто голыши.
Но со мной проточный, недвуличный,
Русский звук – родной, среднеязычный,
Непереводимый на гроши.

* * *

Снова мёртвое русское поле,
Снова вечный, безудержный снег.
В этом снежном, бескрайнем просторе
Потерялся чудак-человек.

Где же вы, соловьиные трели,
Майских дней золотая пора?
Здесь лишь снежные воют метели
Да хрипят кочевые ветра.

В том краю до скончания века
Темной ночью не видно ни зги.
Как же просто пропасть человеку
Средь безжалостной русской пурги!

Сквозь бескрайних полей опустелость
Было трудно по снегу идти.
Почему мне так сильно хотелось
Чудака-человека найти?

Окончательно сбившись с дороги,
На ветлужском крутом берегу
Я нашёл его в старом, убогом,
Запорошенном снегом стогу.

Черно-белый пейзаж деревенский.
Частокола сквозной лейтмотив.
Он представился: «Павел Флоренский».
Отвернулся, глаза опустив.

* * *

Сам не знаешь – зачем, почему,
Кровный сын лопуха и крапивы,
Погружаясь в заветную тьму,
Напеваешь родные мотивы.

Под шуршанье слепого дождя
Проберёшься в дрожащий ольховник,
Ежевика обнимет тебя,
Поцелует колючий шиповник.

Это было всегда тяжело –
Под ветшанье родимого крова
Меркантильному веку назло
Все созвучия брать под крыло,
Подбирать по звучанию слово.

Посвист флейты, скрипенье альта,
Стариковские стоны фагота.
Как несносна подчас немота!
Но несносней фальшивая нота.

Но несносней бездарная речь
На волнах – и коротких, и длинных,
Эта речь, как стальная картечь –
И виновных разит, и невинных.

А настойчивых гласных парад,
Что во тьме, словно искры, горят –
Это жизни народной основа.
Отстоим ли родной Сталинград
Полнозвучного русского слова?

ВСПОМИНАЯ АДАМА МИЦКЕВИЧА

1 .
О Matka Boska! Только цепи
И рабство видел ты вокруг.
И шире аккерманской степи
Россия мёрзлая, мой друг.

Её ты не окинешь взором –
Сугробы, избы, сучий лай.
И смотрит на тебя с укором
И называет котом, вором
Жандарм Европы – Николай.

Россию доброй и открытой
Так и не смог ты увидеть.
К чему ж о Речи Посполитой
И убиваться, и страдать?

Жизнь – это радость, а не битва.
Ты посвети её молитвам,
Фиалкам, бабочкам, стрижам.
Твой стон страдальческий «O Litwo!»
Шмелям понятен и ужам.

Услышать ангельское пенье
Порой мешает гордый нрав.
Жизнь – не борьба и не мученье.
И это польское шипенье
Сольётся с шумом диких трав...

2.

Сочинял свои вирши – и только,
Помогали мазурка и полька
Удержать мотылька на весу.
И смолистые гладил иголки
В придорожном сосновом лесу.

Почему этот юноша странный,
Что родился в литовском краю,
Так жестоко и так бездыханно
Ненавидел Россию мою?

Бедный шляхтич крестьянские страхи
Не познал и в посконной рубахе
Под конвоем не шастал в Сибирь.
Но мерещились царские плахи,
Соловецкий седой монастырь.

Этот зуд диссидентства подкожный
Вмиг вылечивал холод острожный,
Но Европа манила его.
Ну, а Польша – сосняк придорожный,
Las iglasty*, не больше того.

* Хвойный лес (польск.).

3 .

Белорус писал по-польски
О любви к своей Литве...
В мире плоском, мире скользком
Все стоит на голове.

И не вспомнить, сколько крови
Было пролито зазря.
Ждите, гордые панове,
Что взойдёт для вас заря.

Что по прихоти придурка
Вдруг забьют фонтаны тут,
Танцевать начнут мазурку
И черкес, и алеут.

В деревнях – кривые вилы,
Грош в мозолистой руке,
Шепелявит ксёндз унылый
На латинском языке.

И Станислав Понятовский,
Polski Krol и князь литовский
Смотрит в зеркало с утра.
Но прошла его пора.

Он и мухи не обидит.
В том зеркале он не видит
Нищету родных долин.
Лишь тебя он ненавидит,
Полунощный господин

Той страны, где только вьюги
Ночевали искони...
А родился б ты в Калуге –
Был бы Пушкину сродни.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА

Н.А. Бенедиктов

РУССКИЕ ОТВЕТЫ НА ЗАГАДКИ МИРОВОЙ ИСТОРИИ

Меня в основном интересуют загадки русской истории, судьбы русского народа, но в силу громадности занимаемой территории и мощи русских, приходится говорить и о мировой истории. Интерес всегда связан с переживаемым периодом истории народа и личной жизни. Либеральный соблазн оказался очень опасным для России. В результате ельцинского правления Россия со второго места в мире по экономическому развитию упала на седьмое. Буйный европоцентризм привёл к умалению национального достоинства. Это заметно и по словоупотреблению. Вместо «увлечения» стали говорить «хобби», вместо «представления» – «шоу», вместо «наличных» – «кэш» и т.п. Конечно, эти процессы прямо связаны с агрессивной политикой Запада. Однако нельзя сводить проблему только к ней. Ведь его политика всегда была такой. Эту агрессивность видно и по объявлению крестового похода на Русь в 1147 году, и по четвёртому крестовому походу 1204 года, когда вместо Палестины западные «христоролюбивые» крестоносцы захватили и разграбили Византию и Константинополь, которые смогли восстановиться только в 1261 году. Агрессивная нетерпимость Запада прослеживается и по всяким мелочам. Так, когда вышла книга Мауро Орбини, в которой он с уважением писал о древней славянской культуре, римская «инквизиция» включила её в список запрещённых книг. Всё это видно и сегодня. Загляните в книги по древней истории России. Вы легко обнаружите, что большинство современных, якобы научных изданий пишут о том, что от Рюрика до Ярослава все князья были скандинавами, а название Руси имеет иностранные корни (от финского «руотси»), что до VI века вообще не было никаких русских, и были они дикими племенами. Вот грубая и несправедливая картина, которую может видеть любой. Понятно, что подобная картина встречает и критику, и справедливые упреки, и сопротивление. Особенно отпор западоцентризму усилился с началом военной операции на Украине. Вот о некоторых теориях мы и поговорим.

К сожалению, последствия касаются не только теорий и отвлечённых рассуждений. В Одессе фашиствующие молодчики под взором телекамер сожгли десятки русских людей, и это не послужило причиной каких-либо потрясений. В Верховной Раде Украины в ходе разбора этих событий парламентарии откровенно радовались тому, что произошло. Европа же, в свою очередь, старательно не замечала восстановления фашизма на Украине. Разумеется, не всегда западоцентризм выглядит столь страшно. Так, Беринг вроде бы открыл море и пролив, которые назвали его именем; при этом он погиб сам и погубил половину экспедиции. Но за 80 лет до него Семён Дежнёв побывал и в Беринговом море, и в проливе, причём, он сумел перезимовать на побережье Северного Ледовитого океана, вернулся в Москву и привёз собранный в Якутии ясак, сохранив и людей, и имущество. Кто сделал раньше, лучше и больше? Безусловно, Дежнёв. Однако кто знает его в Европе? Берингово море и пролив Беринга знают, а мыс Дежнёва – вряд ли. Конечно, можно сказать, что русскому путешественнику повезло и только. Однако суть дела совершенно в другом. Пётр I приказал строить европейские корабли, и Беринг построил европейский корабль. А Дежнёв плыл на русском коче! Европейский корабль раздавило льдами, а русский нет – он имел полукруглое днище и льды выталкивали его вместо того чтобы сдавливать.

Как видим, европоцентризм привёл не только к господству французского и других европейских языков в России, но и губил совершенно напрасно жизни людей. Иными словами, отстаивая собственное достоинство, мы отстаиваем жизнь и её успешность.

Несколько слов о грамотности. Известно, что Анна Ярославна, королева Франции, удивляла неграмотное французское общество книжной премудростью, и французские короли после неё короновались в Реймсе на русском евангелии. Кто же принёс грамотность на Русь? Может быть, англичане? Вряд ли. На Британских островах в XII-XIV веках говорили на французско-нормандском наречии. Только в конце XIV века появляются «Кентерберийские рассказы» Чосера – первая книга на английском языке. Она не может считаться мировым достижением в литературе, поскольку едва ли не половина рассказов в ней являются переводом «Декамерона» Боккаччо. Чосер есть событие этнографи-

ческое – дремучие англичане только к этому времени собрались что-то читать! Про французов уже говорилось. Когда историю Франции рассматривали как прямую линию возвышения, время Ярославны казалось дремучим и неграмотным веком.

В 1948 году в России были открыты берестяные грамоты. Некоторое время европоклонникам казалось, что это чисто новгородский эффект: дескать, Новгород находился ближе всех к Европе, а потому живший там народ и был самым грамотным. Однако с тех пор берестяные грамоты нашли ещё в 10 русских городах (Москва, Псков, Смоленск, Старая Русса, Тверь, Торжок, Витебск, Мстиславль, Звенигород Галицкий), а их количество уже около тысячи. Значит, это не новгородский эффект, а общерусский! Более того, он не может быть объяснён влиянием Европы, к тому времени неграмотной.

И ещё одну сторону этого открытия сегодня стоит всемерно подчёркивать. Содержание грамот ясно показывает массовую грамотность на Руси. Ведь пишут и ребяташки, и женщины, и мужчины, а тексты грамот часто самого бытового типа: «пришли мне рубашку на косовицу», «пришли что-то почитать» и т.п. Здесь стоит вспомнить знаменитую надпись на горшке для гороха – «горухша». Ведь её сделал явно не князь и не епископ или книжник-отшельник. Её оставил хозяйственник и для хозяйства. Грамотность на Руси уже на рубеже тысячелетий была массовой. Следующий раз подобное явление в нашем Отечестве мы увидим только при Советской власти через много столетий! Это сравнение подчёркивает качание «маятника» в истории и показывает, что прямолинейное восприятие истории неверно, и каждый раз нужно точно придерживаться фактов.

Но вернёмся к русской грамотности. Можно ли говорить, что её обеспечили своими трудами Кирилл и Мефодий? Вряд ли. Ведь в жизнеописании Кирилла говорится, что в Корсуни (нынешний Севастополь) святой видел у русского купца евангелие, написанное русской грамотой. Уже из этого сообщения видно, что русская грамота была и до Кирилла. И второе: Кирилл знает, что это русская, а не какая-нибудь неизвестная ему грамота. Иными словами, русская грамота была достаточно широко известна: Кирилл и Мефодий просто приспособили её для передачи греческих текстов Священного Писания. Напомним, что «книга» есть русское производное от слова «знание». Это говорится в учебниках по истории книги, где подчёркивается, что при заимствовании было бы принято книгу называть «литера». Все становится ясно. Русская грамота известна давно и широко распространена. Отсюда и массовая грамотность, хотя борьба с татарами и с Европой препятствовали её повсеместному распространению во всей толще русского народа.

Видимо, правы те специалисты, которые пишут о происхождении русской грамоты от пеласгов (догреческое население Эллады). Греческое письмо произошло от пеласгийского и существует давным-давно. Эта точка зрения – единственная, которая не вступает в противоречие с фактами. Не случайно в XIX веке она была превалирующей!

Каково соотношение русской и финно-угорских культур? Ведь сегодня некоторые утверждают, что русские, якобы, были в «пристяжных» у финнов. Писать подобное можно лишь злонамеренно, пытаясь принизить русскую культуру. Возьмите карело-финский эпос «Калевалу», где одним из самых главных героев выступает Вяйнемейнен. Это и первочеловек, и колдун, и первоучитель. Но кто же он по этническому происхождению? Все специалисты прямо пишут, что Вяйне – венец, что это обозначение славянина. А ведь славянин в Карелии, конечно, не болгарин или серб, а безусловно русский. И если он для карелов и финнов выступает первочеловеком и колдуном, то видеть в нем обучаемого финнами или карелами пришельца смешно. Он живёт здесь давно, он опытнее и прозорливее, и потому именно он обучает и карелов, и финнов. И никак не получается записать его в представители пристяжной культуры!

Теперь несколько слов о влиянии шведов или свеев. О них сегодня тоже пишут как о коренных северных народах, обучавших русских и т.п. Взглянем на это с точки зрения фактов. Конечно, Святослав, Ярослав вовсе не скандинавские имена, ведь по-славянски, т.е. по-русски они естественны, а по-шведски явно чужеродны. И ещё одно соображение. Первая столица Швеции – Бирке. Это их первый город. В нем жило около 700 человек. Половина из них были женщины, а вообще стоит помнить, что среди этих семисот шведов были также дети и старики. Много ли остаётся на мужскую часть населения, которой пугают всю Европу? Получается, что эта самая подвижная и развитая часть столицы шведов вообще составляет всего от 150 до 200 человек. И это от них-то дрожала вся Европа? Сомнительно. Ведь всего один или два похода – и потери приведут к печальным последствиям, при-

дётся годами ждать увеличения населения. Кто же брал Лондон и Париж, пугал Европу до того, что приходилось читать молитву «От ярости норманнов спаси нас господи»?

Западники вынуждены писать, что варяги – это шведы. Явно неубедительно. Варяги имеют явно славяно-русское наименование, ведь Карловы Вары и Карловы Воды в Чехии это одно и то же. Иными словами, слова «вар» и «вода» – одно и то же слово. Отсюда «варить», «варево» и т.п. Получается, что варяги и северные люди (читай, норманны) есть славяно-русские люди. И если запаса сил у шведов Бирке для походов в Европу явно не доставало, то у наших предков их хватало в переизбытке. Ведь Русь в то время называлась Гардарикой, т.е. страной городов. Эти города известны, они раскопаны и описаны. Традиции варягов сохранялись в последующих столетиях ушкуйниками, казаками и им подобными воинскими формированиями.

Западники сегодня и вчера предпочитают говорить о славяно-русах, как о неизвестно откуда взявшихся варварах, появившихся в VI веке и не раньше. Удивительно, согласитесь, что такая махина, захватывавшая Царьград-Константинополь, Лондон и Париж, от которой задёргалась и стала читать молитву-оберег вся Европа, да ещё и обладавшая массовой грамотностью, сродни чуду. Иной взгляд недопустим! Вспомните судьбу книги Мауро Орбини, попавшей в индекс запрещённых книг.

Как же обстояло дело в реальной истории? Явно приходится предположить многовековую историю славяно-русов, их автохтонность. Они не пришельцы откуда-то, они были всегда, и в основном на той же самой земле. Культуролог С.В. Жарникова пишет об этрусках, указывает на одинаковость филигрании, кокошников, на массу культурных совпадений, на их самоназвания – русы и расена. Я добавил бы и бани, которые превратились в римские термы. Это наше исконное: на Западе, а затем уже у турок они выглядят явно привнесёнными. Конечно, приходится признавать и исходную базу у пеласгов, явно носивших славяно-русскую основу. Пеласги были доримским населением Италии. Там они превратились в этрусков, называвших себя расена. Этрусская волчица вырастила основателей Рима Ромула и Рема: первые римские цари были этруски. Относительно этнической принадлежности этрусков до сих пор нет единого мнения. Латинский язык и письменность в значительной степени произошли из этрусского корня. Однако Запад очень болезненно относится к попыткам найти у этрусков славянскую основу. Так, Тадеуш Воланский написал книгу с расшифровкой этрусской письменности как славянской. Но католическая инквизиция тут же включила её в список запрещённых книг, а сам Воланский не был сожжён на костре только потому, что его защитил император Николай I. И сегодня продолжают споры, и иногда можно даже прочесть, что этруски не индоевропейцы. И если же вы прочитаете этрусское слово «лар» как «ларь, ящик, гроб» или надгробную этрусскую надпись «retnui retnui ati» как «бедный, бедный отец», то в лучшем случае будете подвергнуты испытанию замалчиванием. То, что этруски-расены и пеласги-филистимляне носят разные имена, вряд ли является страшной проблемой. И то, что я являюсь русским и нижегородцем, а кривичи и вятичи одновременно были русичами, легко объясняет множество ярлыков. В то же время, восприняв идею тождества древних русских с этими народами, легко объяснить и происхождение нашей грамоты. Появилась она не неизвестно откуда, а унаследована нами, как и высокое чувство личного и этнического достоинства, от пеласгов. Появившиеся сегодня исследования в генетике подтверждают этот вывод.

Однако и отмеченной глубины веков недостаточно. Индоведы дают нам материал для проникновения в глубину веков. Когда индийцы приезжают в Россию, то для них становится удивительным сходство русского языка и санскрита – древнего, священного письменного языка Индии I-II тысячелетий до н.э. На этом языке написаны «Махабхарата» и «Рамаяна»⁸ и проч. Санскрит изучают в Индии, но на нем не говорят. Тем более удивительным кажется индийцам схожесть русского языка и санскрита. Мне довелось самому слышать подобные суждения от профессора-индийца, приехавшего в Институт востоковедения. Его впечатления и удивление были в том, что в России говорят на санскрите. Если индеец в гостинице слышит, что его номер «двести тридцать четвёртый», то он понимает фразу без переводчиков, поскольку на санскрите это звучит как «двасти тридасят чатвари» (пример Н.Р. Гусевой). Индийцу этот язык кажется дальше от современного хинди, чем русскому санскрит. Конечно, это достаточно удивительно, ведь мы говорим на современном языке. Схожесть языков заметна многим, поэтому появились даже особые словари в Индии и России, – словари совпадений в русском языке и санскрите.

Приведу особо нравящийся мне пример. Известен город Варанаси (Бенарес) на Ганге. Это священный город, в котором считается за честь сжигать трупы умерших, купаться для излечения и т.п.

Бенарес – его английское название, сегодня он носит имя Варанаси. По-русски оно легко переводится. «Вар» – это «вода», а «наси» значит «наши». Полностью «Варанаси» следует читать, как «наши воды». Другие истолкования явно связаны с пустыми мудрствованиями. Много выше по течению Ганга есть ещё один священный город Харидвар. По-русски его название тоже легко переводится как «дверь к богу». «Двар» – это «дверь», а «харя» есть «лик или лик божий». Многие помнят, как одно время кришнаиты на улицах у нас пели «Харе Кришна, Харе Рама». «Харя» у нас приобрела негативный оттенок, а у индусов совсем наоборот возвышенный и положительный. Подобные смены положительного значения на отрицательное известны лингвистам. Так, у нас «урода» есть указание на безобразия, а по-польски, наоборот, обозначает красоту. О схожести русского языка с санскритом сегодня много пишут. Можно посмотреть работы индолога Н.Р. Гусевой. И не только. Так, С.В. Жарникова не ограничивается абстрактным указанием на схожесть языков, но приводит большой список названий рек у нас и в Индии, совершенно одинаковых и по звучанию, и по написанию. Последнее замечание приводит нас к следующему размышлению.

В начале XX века учёный и один из руководителей индийского национального движения Б.Г. Тилак выпустил книгу об арктической прародине индийцев по описанию, данному в Ведах. Сегодня эта книга есть на русском языке. В ней книга Б.Г. Тилак написал о том, что индийцы в V-III тыс. до н.э. жили в Арктике: там ими наблюдалось северное сияние, и отовсюду была видна святая гора Меру, светившая на много вёрст. К этому сочинению учёные отнесли как к обычной сказке или мифу. Однако с тех пор климатологи установили, что на самом деле когда-то климат в Арктике был много мягче, среднегодовая температура была на 8 градусов выше, т.е. климат был примерно такой, как на юге Франции или на севере Испании. Для жизни же этот северный климат был ещё лучше потому, что солнечный день был длиннее, нежели во Франции или в Испании. Поэтому там не только были выше урожаи, но хорошо поспевал лен, из которого шили одежды и погребальные пелены для фараонов Египта.

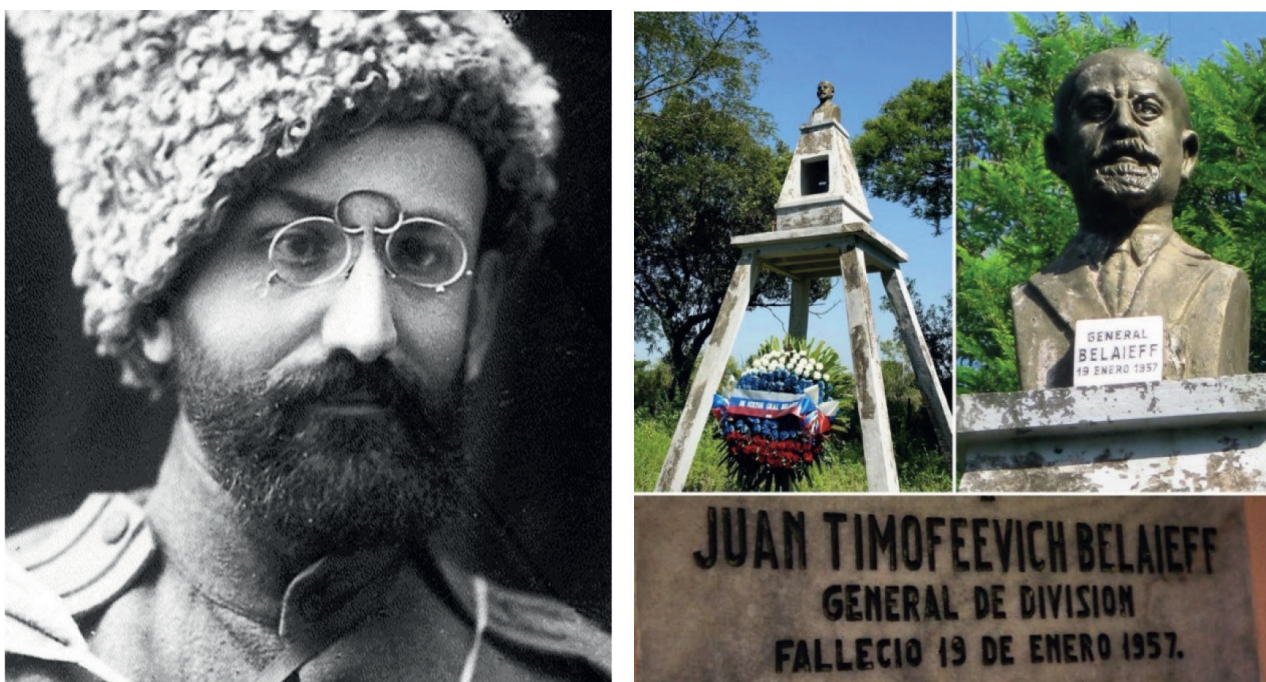
Более того, на рубеже II-III тысячелетия были сделаны принципиальные открытия советско-русским географом М.Г. Гросвальдом. Он доказал реальность и открыл механизм мировых потопов в истории. Причём, американские географы проверили его изыскания и подтвердили их истинность. К сожалению, он не стал ещё широко известным: этому мешали в том числе и «либеральные годы», разрушавшие всё – и экономику, и науку. М.Г. Гросвальд писал о том, что при изменении мировой температуры фактически закрывается для стока воды пролив Фрама. Это самый глубокий пролив, соединяющий Северный Ледовитый океан и Атлантический. Вода не успевает уходить из Арктики и превращается в лёд, а лёд нарастает и превращается в гору Меру высотой больше 3 километров. При потеплении вода не успевает уходить из Арктики, накапливается в громадное озеро под ледовой горой. Со временем ледяная гора обрушивается в озеро, и гигантский поток воды высотой не меньше 200 метров, включающий куски льда, а затем и камней, несётся с громадной скоростью и кавитацией по Русской равнине, уничтожая как наждаком все подряд и стирая цивилизации. Спрятаться и выжить удаётся лишь высоко в горах – за Памиром, Кавказом, Гималаями. Согласно М.Г. Гросвальду, начиная с XIII тыс. до н.э. было четыре (!) таких потопа. Ноев ковчег могли сотворить лишь те люди, которые могли предвидеть подобный ход событий, а это значит, что знания этой цивилизации были много выше послепотопного существования культуры.

Итак, все развитие науки XX века подтвердило ведические предания и их описания в книге Б.Г. Тилака. Единство индусов и русских подтверждается многими фактами, в числе которых и индийские мифы. Однако это родство и взаимосвязь нередко имеет оттенок взрослости-старости индусов и младости-незрелости русских. Ведь они помнят многие тысячелетия, а мы нет. И все же на севере мы явные автохтоны. И С.В. Жарникова настоятельно пишет о том, что мы исходные, мы старшие. Эта мысль подтверждается фактами из других областей, не мифологических. Вот одна сверхсерьёзная история.

Англичане старались не допускать никого, а в особенности русских, в свою богатейшую колонию – Индию. Первый раз британцы дали согласие на заход русской эскадры в индийский порт Бомбей лишь в 1879 году. И это событие привело к неожиданным последствиям. В Бомбей сбежалось 2 миллиона индийцев, а идущее в то время восстание Васудева Балванта Пхадке вспыхнуло с новой силой. Все британские политические агенты писали в своих донесениях, что мотивом, который привёл индийцев в Бомбей, является легенда о том, что это пришли старшие братья, которые помогут индий-

цам и спасут их от угнетения англичан. Здесь для нас особый интерес представляет вера в старших и именно старших братьев. Причём, подобное внимание к русским вспыхивало в Индии неоднократно. И до 1879 года вдруг начинали ходить слухи, что русские уже близко, что они уже заняли Среднюю Азию, вспоминали даже имя Скобелева как брата древних индийских героев. Стоит подумать над этими легендами. Ведь в то время не было интернета, телевидения, радио, газет для народных масс, однако настойчивость легенды о русских братьях и именно старших братьях – оказывается весьма живучей. И не просто живучей, но и весьма действенной! Два (!) миллиона сорвавшихся с мест! И это в то время, когда реальный вождь восставших В.Б. Пхадке не мог добиться своими действиями и агитацией большого числа последователей. Народные поверья, идущие из глубины веков, оказались удивительно сильны и прочны. Это сохранялось в народной памяти, и когда в начале XX века Б.Г. Тилак собирал народные предания и описывал в своей книге глубокой древности историю. Стоит, наконец, признать, что он оказался прав!

И ещё одна история из XX века. Закончилась гражданская война в России. Белоэмигранты старались найти место для жизни. И одна русская немногочисленная группа попала в Парагвай. Эта страна интересна тем, что не имеет выхода к морю. Интересна она ещё и тем, что это единственная страна в Латинской Америке, в которой в ходу не только испанский, но и индейский (язык гуарани), а сами индейцы не являются угнетёнными, но занимают весьма серьёзное место в структуре общества. В 30-х годах XX века была война между Парагваем и Боливией из-за возможных нефтеносных районов. Соотношение сил было в пользу Боливии, примерно десять к одному. Командующими армий были местные представители, но обе страны привлекли военных специалистов: Боливия – немцев, а Парагвай – русских. Парагвайцы выиграли войну, а русские стали героями Парагвая, многие улицы столицы носят русские имена, а самый знаменитый среди них генерал Иван Тимофеевич Беляев кроме того стал ещё и богом-героем нескольких индейских племён. Сегодня об этой истории появились публикации и телепередачи. Однако хочется привлечь внимание к следующему.

И.Т. Беляев в юности увлечённо занимался языкознанием и особенно санскритом. В Парагвае ему удалось составить словарь некоторых индейских племён, а заодно доказать, что их языки родственны санскриту, а индейские сказания ясно говорят о бывшем в древности переселении этих племён с изначальной родины. Пока, к сожалению, этому открытию уделяют малое внимание, а точнее – никакого. А ведь язык острова Пасхи тоже оказывается родствен санскриту и тем самым как бы отмечает длинный путь переселенцев. Иными словами, санскрит и русский след в языке и в помощи угнетённым вновь и вновь обнаруживается в истории. И он буквально требует к себе внимания, которое не должно перекрываться зарубежными «кэшами», «вау», «шоу» и т.п.

Все сказанное важно нам вот почему. Сегодня в эпоху разброда и шатаний нужно понять, что лежит в основе русской культуры. Тускнеющее православие, коммунистическая идеология, либеральные чаяния могут бледнеть, а на этом фоне все больше проясняться ценностная основа русского народа. Сегодня к этому основательно дополняются размышления теоретиков, например, генетический анализ, однако важны и лингвистические, и культурологические изыскания, все больше проясняющие основу наших святынь. Уже видно, что труд как основа жизни, коллективизм, высокое чувство достоинства, исключительный боевой дух, природная эстетика, жалость к угнетённым, чистота – все эти черты русского народа чётко рисуют нам мировоззрение и систему ценностей русского народа. Все же спорные моменты истории требуют дальнейшей и детальной проработки и повышенного интереса к прошлым векам русской истории.

А. Абрашкин

«ЛИШНИЙ» ЧЕЛОВЕК ВЛАДИМИР ЛЕНИН

В июле 1917 года Леонид Андреев в статье «Veni, Creator» («Гряди, победитель») писал: «Ты почти Бог, Ленин. Что тебе все земное и человеческое? Жалкие людишки трепещут над своею жалкой жизнью, их слабое, непрочное сердце полно терзаний и страха, а ты неподвижен и прям, как гранитная скала. Они плачут, – твои глаза сухи. Они молят и проклинают, но ты их не слышишь. Что тебе земное? Ты выше слез, выше проклятий, выше презрения, – ты сам есть великое презрение, ставшее над землёю». Наверное, не все согласятся с этим мрачным впечатлением писателя от титанической деятельности Ильича. Но, похоже, у Андреева был дар предчувствовать мировые катаклизмы и выделять их режиссёров. Ещё три месяца до Октябрьской революции, но писатель уже знает, что Ленин победит. Он ведёт себя настолько уверенно, что Андреев называет его «почти Богом». Андрееву страшно лицеизреть эту нечеловеческую мощь, этот надвигающийся смерч. «Густится мрак, клубятся свирепые тучи, разъяряемые вихрем, и в их дымных завитках я вижу новый и страшный образ: царской короны на царской огромной голове. Кто этот страшный царь? Он худ и злобен – не Царь-Голод ли это? Он весь в огне и крови – не царь ли это Вильгельм? Он с верёвочной петлёй поверх короны – не царь ли Николай это? Сгущается тьма. Мне страшно!»

Страшно и нам после прочтения этих строк. Уже в июле 17-го Андреев знает, что царь приговорён, что большевики «доят» немцев и сполна расплатятся с ними, и что грядёт страшный голод. Он видит в Ленине будущего диктатора и абсолютно уверен в его грядущем триумфе. И это не галлюцинация или писательские бредни. «Вон улица и красные флаги. Вон милиция. Вон министры. И все вообще ждут Ленина». Россиян, чьё историческое сознание возросло на почве исторического материализма, такого рода пассажи не могут не удивить. А как же сотни агентов «охранки», выслеживавших вождя? Как это могли министры Временного правительства и милиция содействовать приходу к власти большевиков? Да, ещё вопрос, который Андреев вроде бы не к месту напрямую задаёт Ильичу: «Гряди, победитель! Ещё недавно ты был никто, – ныне ты почти Бог, Ленин... ты знаешь это?» Богами не становятся, богами рождаются, поэтому андреевский вопрос можно перефразировать так: «Верите ли Вы в свою избранность, господин Ленин, или Вас мчит рок событий?» Действительно, что думал и чем жил Ильич в критические моменты своего восхождения к власти? Что творилось в тот момент в его душе?

Мы попробуем подобраться к этой теме с несколько необычной точки зрения, обратившись к истории выбора им своего политического имени – ставшего знаменитым псевдонима «Ленин».

Для начала немного истории. В 1940 году, отвечая на вопросы, поставленные Институтом Маркса-Энгельса-Ленина, Д.И. Ульянов писал: «...о происхождении псевдонима Ленин должен сказать, что с Владимиром Ильичем лично об этом никогда не говорил, но имею основание предполагать, что этот псевдоним происходит от названия реки Лена». Какая идея питала такое предположение, Дмитрий Ильич не открыл, но его объяснение стало хрестоматийным. Правда, оно подверглось сомнению, когда историк М. Штейн указал, что в данном случае Владимир Ильич ничего не выдумывал. Попросту в 1901 году он стал обладателем паспорта на имя потомственного дворянина Николая Егоровича Ленина. К Ильичу этот документ попал через Надежду Константиновну, по просьбе которой дочь Николая Ленина стащила из дома паспорт умиравшего отца.

Не будем обсуждать моральную подоплёку этой кражи, согласимся только, что она действительно имела место. Принимая эту историю, казалось бы, следует заключить, что причиной появления псевдонима послужило не пристрастие к сибирской реке, не женское имя Лена (версия большевика Н. Валентинова), а незаконное деяние, связанное с хищением паспорта. Однако так и остаётся неясным, почему же всё-таки Ильич «прикипел» к имени Ленин?

Майкл Коллинз в своём детективе «Страх» написал: «Псевдоним – интересная вещь. Любой специалист скажет, что псевдоним всегда выдаст человека, который его придумал, – нужно только знать побольше о том, что этот человек собой представляет. У каждого из нас, говорят специалисты, нет в голове ничего такого, что не имело бы места где-то в прожитой жизни. Псевдоним стрелкой укажет на какой-то отрезок жизни, если достаточно знаешь об этой жизни. Конечно, иногда многое зависит от того, насколько человек хитёр или встревожен в данное время. Большинство мелких преступников берут псевдонимы

настолько простые, что их кто угодно может вычислить – обычно это вариация настоящего имени или имя с такими же инициалами. Но и в сложных ситуациях человек не способен придумать ничего такого, что не было бы связано с его жизнью». Ильичу не пришлось выдумывать свой знаменитый псевдоним, но чем-то он оказался ему дорог и близок. Чем же? Что в его жизни могло быть связано с этим именем?..

В этой ситуации имеет смысл возвратиться к мнению Дмитрия Ульянова. Скорее всего, оно зиждется на некоторой интуитивной догадке. Припомним фамилии, происходящие от названий рек, какие нам не раз встречались. Самые известные из них – Онегин и Печорин из русской классики. В произведениях русских писателей обнаруживаются и другие интересующие нас фамилии – Бельтов (фамилия образована от названия пролива Бельт, расположенного на севере Европы), Ильменев, Волгин, Волохов (от Волхова), Висленев (от Вислы), Керженцев. Литературные персонажи с этими именами весьма непохожи друг на друга. Но у них есть одна общая черта – все они герои своего времени. Не выведет ли эта идея нас к тайне псевдонима вождя?

«Исторически и биографически имена знаменательны... Имя определяет личность и намечает идеальные границы её жизни... Не только сказочному герою, но и действительному человеку его имя не то предвещает, не то приносит его характер, его душевные и телесные черты в его судьбу...» (П. Флоренский. Имена). Посмотрим с этой точки зрения на нашу вереницу фамилий. Выделим вначале внутреннюю, объединяющую названные художественные образы символику. Река – живое начало. Не довольствуясь привычным руслом, она ищет новые пути, но вместе с тем размывает почву, подтачивает берега, а вырвавшись из их объятий, подчас творит разрушение. Эта двойственность присуща всем образам «героев нашего времени». «Что такое Печорин? Существо совершенно двойственное, человек, смотрящийся в зеркало перед дуэлью с Грушницким и рыдающий, почти грызущий землю, как зверёнок Мцыри, после тщетной погони за Верою» (А. Григорьев. Взгляд на русскую литературу после Пушкина).

Теперь о внешней или личностной символике «речных» имён. Она определяется географией, масштабом и характером реки. Так, герценовский Бельтов симпатизирует европейскому мироустроению, полон впечатлений, но бездействует, гончаровский Марк Волохов мелок и недалёк, а лесковский Висленев «погорел» на польском вопросе. Имена наших персонажей отражают также их относительную общественную значимость. В размере (протяжённости) реки, озера, пролива, связанном с именем героя, можно углядеть меру его влияния на современников. В этом отношении писатель и публицист Волгин из романа Чернышевского «Пролог» – тот, в ком отчётливо проступают черты самого пламенного революционера-демократа, – не знает себе равных.

Но вернёмся к Владимиру Ильичу. Он был большой охотник до псевдонимов и имел их в общей сложности более сотни. Он прекрасно ориентировался в отечественной классике и часто извлекал из неё прозвища для окружающих. Ко всему прочему он был осведомлён о слабости Чернышевского и Плеханова к «геройским» псевдонимам: первый из них написал автобиографический роман, в котором назвался Волгиным, а другой, используя герценовскую идею, выступал в печати как Бельтов. Так что глубинный смысл речных фамилий вряд ли остался загадкой для Ильича. Стоит подчеркнуть также, что самые разные литераторы, обращаясь к этой традиции русской литературы, пытались выдерживать сложившуюся иерархию общественной значимости персонажа, где «пальма первенства» отдавалась революционно настроенным личностям. В частности, яркий консерватор Василий Васильевич Розанов использовал для себя достаточно скромный по сложившимся меркам псевдоним – Ветлугин.

Река Лена по протяжённости превосходит все русские реки, и Волгу в том числе, поэтому в начале века псевдоним Ленин сулил своему обладателю взлёт, не снившийся Волгину-Чернышевскому. Тот же «закон сравнения» предсказывал Ленину восхождение куда более крутое, нежели Бельтову-Плеханову. Предсказания псевдонима завораживали. Превзойти Плеханова – значит стать первым теоретиком партии, безусловным лидером российской социал-демократии. Затмить же Чернышевского можно было, только осуществив главную мечту его жизни – мечту о социалистической революции. Таким образом, имя Ленин прочно соединилось с идеей грядущей революции.

Новый псевдоним был подарком судьбы, но явился неожиданно кстати – в тот момент, когда подспудно зрел план определяющей книги жизни «Что делать?». Издавая эту работу, Владимир Ильич написал её «Н. Ленин», как бы освящая этим символическим именем свой первый шаг к организации революции. Публикация книги – особая веха в жизни вождя. В это время Ленин решается открыто проповедовать абсурдную для всех остальных идею о скором пришествии социализма. Именно в 1902 году

он решительно заявил Н.А. Алексееву, что надеется дожить до социалистической революции, и при этом добавил «несколько нелестных эпитетов по адресу скептиков». Валентинов, близко общавшийся с Лениным в 1904 году, также свидетельствует: «Вера в духе Чернышевского и левых народолюбцев, якобинцев-бланкистов в социалистическую революцию и неискоренимая, недоказуемая, глубокая, чисто религиозного характера (при воинственном атеизме) уверенность, что он доживёт до неё – вот что отличало (и выделяло) Ленина от всех прочих (большевиков и меньшевиков) российских марксистов».

Естественно, не всегда огонь ленинской веры горел ровным пламенем. В первые годы после неудавшейся революции он еле тлел. «Удастся ли дожить до следующей революции?» – спрашивал вождь свою старшую сестру осенью 1911 года. Ленин одним из первых увидел восход русской революции, но он и тяжелее других переживал её закат. Вместе с угасанием революционных надежд у вождя меняется и отношение к имени Ленин. В период депрессии Владимир Ильич возвращается к использованию псевдонима Ильин. Это любимый псевдоним «доленинской» (до 1901 года) поры. В промежутке с 1902 по 1907 год вождь игнорировал его. Однако позже он был «восстановлен в правах», хотя и не получил права первенства. Фамилия Ильин, красовавшаяся на обложке «Материализма и эмпириокритицизма» – самой, наверное, воинственной в истории философии материалистической книги, являлась своеобразным противовесом романтическому с налётом мистицизма псевдониму Ленин. «Борьба» двух псевдонимов продолжалась вплоть до лета 1917 года, – времени всплеска новых революционных пророчеств вождя. Для нас крайне любопытен заключительный этап их противоборства. В начале 1917 года Владимир Ильич пишет работу «Новые данные о законах развития капитализма в земледелии» и подписывает её В. Ильин (Н. Ленин). Весной этого же года в Цюрихе он заканчивает очерк «Империализм как высшая стадия капитализма», но в его заголовке меняет псевдонимы местами. Автором работы значится Н. Ленин (Вл. Ильин). Точно так же подписана и книга «Государство и революция». Раньше псевдонимы-соперники никогда не употреблялись вместе. И это немудрено: один «звал» на площадь, в гущу событий, другой – в тишь библиотеки. Видимо, в силу того же противоречия оказался непрочным и их временный «союз». И если накануне революции псевдоним Ленин сумел вновь безраздельно завоевать симпатии вождя, то имя Ильина с тех пор уже навсегда исчезло из его арсенала.

Нет, похоже, не забывал Ильич о благой вести псевдонима и не шутил верил в неё. Косвенное подтверждение этому можно найти в его философском дневнике.

Конспектируя книгу Лассалья о философии Гераклита, Ленин сделал следующую выписку:

«Имена для него» (для Гераклита) «суть законы бытия, они для него – общее вещей, как законы для него – «общее всех»...

И Гиппократ-де именно гераклитовские мысли в ы р а ж а е т, говоря: «Имена суть законы природы».

Подобные мысли Владимир Ильич любил называть поповскими. Между тем, они не только переписаны (а значит, выделены как достойные внимания), но и снабжены отметкой на полях – «очень важно!» Мало того, что нематериалистическое утверждение не встречает с его стороны возражений, оно ещё признано очень важным. В чем тут дело? Да, наверное, в том, что Владимир Ильич искренне верил в предсказание псевдонима даже в те отчаянные для его духа периоды, когда революцией, как говорится, и не пахло. Ко времени написания «Философских тетрадей» (1914-16 гг.) мысль Гераклита не казалась ему чем-то туманным и чуждым, а многолетний собственный опыт был той практикой, которая доказывала её жизненность.

Ленин был скрытный человек. «В то, что он считал своей частной жизнью, никто не подпускался» (Н. Валентинов). Никому не доверил Ильич и тайну своего псевдонима, ибо с ней было связано то самое важное и сокровенное, что составляло его «подлинную душевную сердцевину», «действительный религиозный центр» (С. Булгаков) – вера в свою избранность и предназначённость. Этот островок религиозности, прятанный в ленинской душе, не удалось затопить никаким штормам воинствующего атеизма. Если мы правы, то вождь непосредственно ощущал иррациональное влияние имени на свою жизнь. Оно рождало мессианские предчувствия и удесятряло мощь ленинского гения, оно крепило дух и волю вождя. Это действительно было для него «очень важно!» И думается, что на вопрос Андреева в июле 1917 года: «Ты почти Бог, Ленин... ты знаешь это?», Владимир Ильич ответил бы: «Да, знаю!»

А. Абрашкин

ШИФРОВАННЫЕ ПСЕВДОНИМЫ ИОСИФА ВИССАРИОНОВИЧА

В постперестроечное время Иосиф Виссарионович стал, пожалуй, наиболее популярным персонажем исторической беллетристики. Сотни статей и десятки книг посвящены ему. Похоже, что наступило время, когда учёные самых разных взглядов решили по-настоящему разобраться в том уникальном явлении, которое окрестили «сталинизмом». Образ кровожадного диктатора с весьма ограниченными умственными способностями, который создали и всячески пропагандировали заправилы «жёлтой прессы», может быть сдан в архив за полной ненужностью. Сталин предвидел все это. Незадолго до гибели он говорил: «Я знаю, что после моей смерти на мою могилу нанесут кучу мусора. Но ветер истории безжалостно развеет её...»

Это предсказание сбывается. После почти полувекового периода тенденциозных оценок и крайне поверхностной критики вдруг обнаружилось, что и дело вождя, и его опыт заслуживают самого пристального и глубокого изучения. Для подавляющего большинства исследователей сегодня совершенно очевидны не только негативные, но и положительные стороны правления Сталина. Что было, то было: Сталин – колосс на «стальных ногах», выковавший сам себя и пришедший к власти за счёт своих недюжинных способностей. Такие люди рождаются нечасто, это в полном смысле сверхчеловек. Но ощущал ли себя таковым Иосиф Виссарионович? Включал ли сам себя в число избранных?

Не мы первые обращаемся к этой теме, и существуют сочинения, затрагивавшие эти вопросы. К их числу относится, в частности, исследование Вильяма Похлёбкина «Великий псевдоним», представленное в Интернете (www.stalinism.newmail.ru). Знаменитый автор кулинарных книг попытался заглянуть в душу Иосифа Виссарионовича.

«Как случилось, что И.В. Джугашвили избрал себе псевдоним «Сталин»? – пишет он. – Каждому должно быть понятно, что ответить на этот вопрос одной-двумя фразами невозможно. Но не каждый поймёт, что вопрос этот долгие годы представлял собой загадку. И раскрыть её тайну никому ещё не удавалось». Отчасти это было связано и с личным пожеланием вождя. В 1949 году в период борьбы с «космополитами», когда в газетах стали сообщать подлинные фамилии еврейских писателей, поэтов, журналистов, Сталин публично выступил на одном из совещаний и осудил тех, кто раскрывал литературные псевдонимы, подчеркнув, что это недопустимо. В этом «особом мнении» советские историки увидели намёк на то, что и вопрос о псевдонимах самого Иосифа Виссарионовича не должен обсуждаться никоим образом. Дисциплинированные советские учёные не посмели нарушить это «табу» и в более поздние времена, когда гнева тирана можно было уже не бояться. Похлёбкин первым предложил рассматривать вопрос о великом псевдониме великого человека как научную проблему, и в этом его несомненная заслуга.

Общее число выявленных в настоящее время сталинских псевдонимов равно 31. Среди них, безусловно, выделяются только два – Коба и Сталин. Под первым он вошёл в историю революционной борьбы на Кавказе. Традиционно считается, что этот псевдоним Иосиф Виссарионович заимствовал у героя романа «Отцеубийца» грузинского классика А. Казбеги, которого также звали Кобой. Литературный Коба был горцем-абреком и видел смысл жизни в борьбе за независимость родины. В связи с этим Похлёбкин замечает, что образ героя-одиночки вряд ли мог привлечь молодого Иосифа. Все известные факты его политической биографии говорят, что он старался выступать в роли организатора и координатора действий, но не был героем-«суперменом», вроде Камо. Сталин прославился своими методичными и продуманными действиями, его работа внешне не выглядела яркой и броской, но была внутренне содержательна. Его речи не зажигали, но околдовывали. Кроме того, Иосиф Виссарионович обладал имперским мышлением и ни о какой независимости или о привилегированном положении Грузии никогда не думал. Да и равняться на героя второсортного романа было не в его стиле, слишком мелко! У великих людей и причуды необычные. А псевдоним – это фирменный знак личности, её сущностное выражение. Сталин мыслил себя в ряду царей и пророков, а не ратных богатырей и героев-авантюристов. Поэтому нам более по душе другая версия относительно происхождения псевдонима «Коба», предложен-

ная самим Похлёбкиным и ориентирующаяся на прояснение глубинного смысла этого имени и его символизм.

«Так, если исходить из того, что Коба (Кобе, Кова, Кобь) взято из церковнославянского языка, то оно означает – волховство, предзнаменование, авгура, волхва, предсказателя...

Если же исходить из того, что это слово – грузинское и означает имя, то Коба – это грузинский эквивалент имени персидского царя Кобадеса, сыгравшего большую роль в ранне-средневековой истории Грузии.

Царь Коба покорил Восточную Грузию, при нем была перенесена столица Грузии из Мцхета в Тбилиси (конец V века), где она и сохраняется в течение 1500 лет неизменно.

Но Коба не просто царь из династии Сасанидов, он – по отзыву византийского историка Феофана – великий волшебник. Обязанный в своё время своим престолом магам из раннекоммунистической секты, проповедовавшей равный раздел всех имуществ, Коба приблизил сектантов к управлению, чем вызвал ужас у высших классов, решившихся составить против Кобы заговор и свергнуть его с престола. Но посаженного в тюрьму царя-коммуниста освободила преданная ему женщина, и он вновь вернул себе трон. Эти подробности биографии царя Кобы кое в чём (коммунистические идеалы, тюрьма, помощь женщины в побеге, триумфальное возвращение на трон) совпадали с фактами биографии Сталина. Более того, они продолжали совпадать и тогда, когда Сталин расстался с этим псевдонимом, ибо в 1904-1907 гг. Сталин не мог, конечно, предвидеть 1936-38 гг., но он знал, что его двойник, царь Коба, в 529 г. (за два года до смерти) зверски расправился со всеми своими бывшими союзниками – коммунистами-маздакитами...

Нет никакого сомнения, что исторический прототип, послуживший основой для псевдонима Коба, т.е. царь-коммунист Кобадес импонировал Сталину как государственная и политически сильная, значительная личность, и кроме того, обладал в своей биографии чертами поразительно сходными с биографией и психологией самого Сталина».

Согласимся, что гипотеза Похлёбкина задаёт совершенно иное настроение в восприятии фигуры вождя. Человек, выбравший для себя запредельные ориентиры, и ведёт себя по-другому. Помимо таланта и способностей для достижения успеха необходима ещё и психологическая устойчивость, уверенность в своём высоком предназначении. Здесь всего один шаг до разного рода мистических предощущений, но славу и известность действительно обретают только те, кто смолоду верил в свою звезду. С этой точки зрения и повороты в судьбе нашего героя следует воспринимать как последовательные шаги к осуществлению юношеской мечты.

К примеру, годы в семинарии были чрезвычайно важны для формирования личности вождя, его знакомства с духовными основаниями мира. Однако пребывание там носило для него вспомогательный характер: оно дало необходимое образование, и вместе с тем предопределило выбор будущей деятельности. Юноша решил не молиться за счастье своего народа, а ковать его совсем иными методами. Шаг решительный, поскольку броситься в море неизвестности не так-то просто. Но ведь он был продиктован каким-то внутренним переломом!

Имя Коба вдохновляло Иосифа Виссарионовича и настраивало на борьбу за утверждение лидерства в партии. Но у этого псевдонима была и отрицательная черта. Он имел восточные корни и был хорош для революционера только на Кавказе. В России же он выглядел нарочитым и непривычным. Кстати, в этом смысле очень неудачен псевдоним Льва Бронштейна. Фамилия Троцкий абсолютно неблагозвучна. Возникла она в голове неистового революционера, вероятно, как искажение слова «Троица» и связана с имевшимся у него опытом каббалистической практики. Говоря «Троцкий», русские люди, по мысли обладателя этой фамилии, как бы исполняли обряд глумления над святым для каждого православного словом. Иосиф Виссарионович же преследовал совершенно иные цели. Его псевдоним должен был помогать своему хозяину и внушать всем окружающим уважение. В качестве наиболее приемлемого заменителя Кобы он остановился на фамилии «Сталин».

В начале 20-х годов в партийной среде, и, особенно среди интеллигенции было распространено мнение, что «Сталин» это простой перевод на русский язык грузинского корня его фамилии – «Джуга», что якобы означает «сталь». Такое мнение бытовало всё советское время и было многократно упомянуто в литературе о Сталине. Вот почему вопрос о происхождении псевдонима «Сталин» был как бы автоматически «снят» заранее, поскольку считалось, что про-

исхождение его известно, и что оно вполне стандартно, тривиально. Однако это не только не так, но и является прямой выдумкой, не имеющей под собой никакого основания. Дело в том, что, как отмечает Похлёбкин, сами грузины просто не знают, что означает слово «джуга», ибо слово это очень древнее. Звучит оно вроде бы по-грузински, но вот значение его утрачено.

Другое распространённое толкование предполагает соотносить псевдоним вождя со словом «сталь». Так, Анри Барбюс, не скрывая восхищения, писал: «Это – железный человек. Фамилия даёт нам его образ: Сталин – сталь. Он негибает и гибок, как сталь». Конечно, можно, доверившись гипотезе французского писателя, остановиться на этом объяснении и перестать фантазировать на сей счёт. Но это будет в корне неверно. Да, для руководителя партии, призванного сплотить всех своих подчинённых в единый, стальной кулак, эта фамилия выбрана исключительно удачно. Только станет ли менять человек свой шифрованный, обладающий тайным смыслом, псевдоним на вполне заурядную фамилию, пусть даже порождающую широкие ассоциации? Нет, нет и ещё раз нет! В имени «Сталин» заключена тайна, не менее значимая, чем в случае с Кобой.

Иосиф Джугашвили первый раз подписался новым псевдонимом «К. Сталин» в январе 1913 года при публикации первой крупной теоретической работы «Марксизм и национальный вопрос». От старого псевдонима «Коба» Сталин сохранил только один инициал. Он как бы служил «связующим звеном» с предыдущим периодом его революционной деятельности, который можно назвать кавказским. В марте 1908 года Сталин был сослан в Сольвычегодск. Затем был побег и новая ссылка туда же.

Вильям Похлёбкин считает, что именно во время северных ссылок Иосиф Виссарионович «превратился» в того Сталина, который впоследствии триумфально взойдёт на вершины власти. Он пишет: «Здесь, на Севере, оторвавшись, наконец, от закавказской среды и интриг, Сталин впервые чувствует, что собою представляет Россия, какой огромный морально-политический потенциал для революции составляют здешние русские люди, глубоко чистые душой, кристально честные, искренне чуждые всяким капиталистическим соблазнам, готовые к самопожертвованию и беспредельному терпению. Сталин впервые, таким образом, сталкивается с русским коренным народом и осознает, что симпатии этого народа ему будет довольно легко завоевать, ибо народ этот доверчив, открыт и готов жертвовать собой ради светлой идеи и ради того, кто кажется ему умнее, сильнее и решительнее его самого. А это открывает совершенно новые перспективы и в революционной работе, и в революционной карьере самого Кобы».

Похлёбкину вторит Алексей Меняйлов, автор книги «Сталин: прозрение волхва», который в довольно раскованной манере пробует доказать, что в Сольвычегодске Сталин пережил инициацию (духовное преображение), то есть окончательно осознал свою принадлежность к числу избранных – хранителей тайного знания или, в меняйловской терминологии, волхвов. Если Похлёбкин не выходит за рамки рациональных марксистских категорий, то Меняйлов упирает на мистические переживания, изменившие Кобу. При этом писатель идёт существенно дальше своего предшественника и глубже вникает в суть сталинской метаморфозы. Он совершенно справедливо замечает, что «переход от «Кобы» к «Сталину» – вовсе не перпендикуляр в восприятии Сталина, как утверждает Похлёбкин, а именно уточнение, внутреннее развитие, углубление взаимоотношений с собственным подсознанием, возможно, и с разумом». В финале своего исследования Похлёбкин в самом деле сбился с правильного пути и написал, что имя «Сталин» – производная от фамилии какого-то безвестного переводчика Сталинского. Этот вывод в значительной степени снижает ценность его сочинения. Стоило ли «городить огород», чтобы заключить поиски такой откровенной глупостью? Это и имеет в виду Меняйлов, когда говорит о «перпендикуляре в восприятии Сталина». Правда, сам он также не сумел разгадать тайну великого псевдонима, хотя суть его обозначил идеально.

Не стоит забывать и про ещё один мистический момент: в декабре 1912 года Сталину исполнилось 33 года. Это возраст Христа. В 1912, решающем для себя году, он проявляет чудеса работоспособности. Его, безусловно, вдохновляет, что в январе по ходатайству Ленина он введён в состав Русского бюро ЦК РСДРП(б) и в ЦК в целом. Оказавшись в Петербурге, Сталин с конца февраля развивает кипучую деятельность по подготовке к выпуску первого номера «Правды», что и происходит 22 апреля 1912 года (ко дню рождения Ленина – тонкий ход хитроумного кавказца!) В тот же день Сталина арестовывают и ссылают подальше от Петербурга, в самую

глушь – Нарымский край. Но Сталин вскоре бежит оттуда, причём, осуществляет побег блестяще. Сам Иосиф Виссарионович так гордился этим побегом, что даже рассказывал о нём после революции, – Сталин настолько располагал к себе ямщиков на сибирских трактах, что ни один из них не выдал беглеца полиции.

Возвратившись в Петербург в середине сентября, Сталин вновь с головой окунается в работу. По указанию Ленина он готовит выборы от рабочей прослойки в IV Государственную Думу, в октябре пишет «Наказ депутату», одобренный Лениным, а в ноябре и декабре не только ведёт интенсивную переписку с Лениным, но и дважды выезжает на встречи в Австро-Венгрию и в Краков. Тогда же он по прямому заданию вождя начинает работать над статьёй «Марксизм и национальный вопрос».

Все эти достижения, конечно же, придавали особенную веру в себя и в свои будущие успехи. Естественно предположить, что псевдоним «Сталин» служил отражением этих ощущений, магическим словом, окружённым мистическим ореолом.

В связи с этим имеет смысл немного поговорить об отношении Сталина к мистике. Крайне любопытные сведения на этот счёт приводит Алексей Виноградов в книге «Тайные битвы XX столетия». Так, по личному распоряжению вождя, из Ленинграда в Москву в 1930 г. была перевезена некая Наталья Львова. Потомственная ведьма, она использовала в своей практике, по воспоминаниям Анны Ахматовой, огромный спектр колдовских принадлежностей – от ритуального кинжала атаме до высушенных лапок неведомых птиц. Этот набор для выполнения обрядов чёрной магии она всякий раз брала с собой, когда её вызывал Сталин. И всякий раз результатом этих таинственных визитов колдуньи были кадровые перестановки в руководстве большевиков. Известно также, что обращался вождь к экстрасенсу и «провидцу» Вольфу Мессингу.

Современный знаток оккультизма Б. Тулин-Шапиро сообщает другую, не менее интересную деталь из жизни «вождя народов». Сталин дарил на память гостям и знакомым только одну свою растиражированную фотографию, на которой он вполборота, сощурившись, раскуривает трубку. Почему Иосиф Виссарионович остановился на этом изображении как на подарочном? Все объясняется очень просто: фото не годилось для энвольтования (магический обряд воздействия на изображение или куклу конкретного человека при помощи иглы с целью пробить «ауру» реального прототипа, нанести ему физический вред, вплоть до смерти). Глаза Сталина (самое уязвимое в магическом смысле место у человека) на том снимке прикрыты, а «внешний энергетический контур» защищён огнём.

Вообще, у вождя проявлялись странные для лидера «воинствующих атеистов» интересы. Так, он штудирует книгу Анатоля Франса «Диалоги под розой», и, судя по многочисленным пометкам, игра с оккультным значением розы как символа тайны, ему явно импонирует. Он читает о «душе, флюидах, эфире» и прочих не соответствующих материализму вещах, обводит кругом – знаком солнца фразу о тайном солнцепоклонничестве Наполеона.

В одном из своих выступлений Сталин сделал весьма откровенное признание: «От звания ученика, через звание подмастерья к званию одного из мастеров нашей революции – вот какова, товарищи, школа моего революционного ученичества» (Сталин И.В. Сочинения. Том 8. М.: 1948, с. 175). В этой фразе Иосиф Виссарионович воспользовался масонской терминологией, обозначив тем самым своё знакомство с темой закрытых обществ и тайных союзов. В связи с этим напомним, что Сталин был знаком с Гурджиевым. Они оба закончили одну семинарию в Тифлисе. Затем молодой Джугашвили стал фактически «духовным учеником» Гурджиева и даже жил, «просвещаясь», у него на квартире. К тому времени «учитель» успел много пропутешествовать по Востоку, изучив там опыт тамошних мистических школ. В 1905 г. этот мистик окунается в революцию. Он участвует в деятельности боевой группы... опять же вместе с верным Джугашвили.

Связи «мастера» и «ученика», похоже, сохранились и после того как последний обосновался в Кремле. В 1922 году Гурджиев приобрёл старинный замок недалеко от Парижа. Откуда появились такие огромные деньги у нищего эмигранта? Кто помогал ему? Д.А. Жуков проясняет эту ситуацию, когда сообщает, что официально в этом замке «лечили пьяниц и наркоманов, а неофициально – продавали нефтяные промыслы в советском Азербайджане... и ещё кое-чем занимались». Это «кое-чем», на которое профессионально тонко намекает старый чекист, обозначает тайные операции советской агентуры. Прикрытием её и выступал гурджиевский «Институт гармоничного развития человека».

Итак, мы теперь вполне готовы приступить к расшифровке великого псевдонима. Идея, заключённая в нём, весьма проста, но ведь все гениальное просто! Давайте запишем слово «Сатанаил». На древнееврейском оно означает «Сатана-бог». А теперь будем из букв, образующих это имя, составлять всевозможные слова. Обычное каббалистическое упражнение, только среди различных вариантов обнаружится слово «Сталин». Вот и разгадка псевдонима. Сталин – это Сатанаил или Сатана-бог. Неожиданно, не правда ли? Но ведь мы же с самого начала предупреждали, что Иосиф Виссарионович – личность необыкновенная. Ученик Гурджиева, в личной библиотеке которого было 15000 книг. Увлёкшись в своё время историей ранних коммунистических движений (помните про царя Кобадеса и маздакитов?) Сталин, разумеется, прочитал и про их более поздних последователей – богомилов

Богомилство (по имени вождя Богомила) – еретическое движение, возникшее на христианской почве. Оно зародилось и развивалось на Балканах в X-XIV веках, а в более позднее время, вплоть до XVII века существовала как секта. Злое и доброе начало богомилы считали порождённым от высшего, особого верховного Существа и притом так, что носитель зла Сатанаил был старшим его сыном, а добрый Иисус – младшим. Все вместе они составляли Троицу, над которой, как предполагалась, витает ещё вторая, явно гностическая, из Бога, Слова и Духа Святого. Троица столь же духовна, как и само Существо, которое пребывает бестелесным, но человекоподобным. Сатанаил властвует над миром видимым. Полный гордости, он возмутил ангелов против Бога, отца их, и последний принуждён был низвергнуть дерзких с неба. Сатанаил только этого и ждал.

И вот он, довольный видимым успехом своих замыслов, основывает из новых подданных новое царство, мир телесный. Из материи, при помощи земли и воды, он создаёт Адама. Первый человек опёрся ногой в землю, и из ноги его истекла влажность, принявшая форму змея, затем потёк духовный эфир, но свойства нечистого; Сатанаил думал обратить его на человека, но он попал в змея. Тогда Сатанаил обратился с молитвой к верховному Богу и просил Его дать ему одну из запасных душ. Потом понадобилась ещё одна для Евы. Но прежде чем допустить Адама до Евы, Сатанаил сам совокупился с ней. Сын Евы Каин и дочь Каломена были плодом этого совокупления; в них семя великого нечестия. От Адама Ева родила Авеля. Если тело людей губительно, то в душах наследственно продолжает присутствовать часть небесного эфира, как ни старается мрачный Сатанаил ввести род человеческий в гибельное падение.

Чтобы пресечь происки Сатанаила, Господь послал на землю другого своего сына, Христа, чьё имя Слово или архангел Михаил. Он вселился в одного из ангелов, в Марию, и, пройдя через её ухо, остался чист и свят по-прежнему, с тем же небесным, призрачным телом, чуждым земным ощущениям. Он погиб ради спасения людей, долго гонимый и, наконец, убитый своим могучим братом. Снизойдя в ад, Иисус приковал Сатанаила, но не избавил род человеческий от его происков. Отныне людям, дабы достигнуть спасения, необходимо бороться с плотью. Совершив свою спасительную миссию, Иисус вернётся к пославшему его, с которым Он и святой Дух сольются воедино, зло исчезнет, никакого иного Бога не станет, кроме бестелесного, но человекоподобного Существа.

Вот такое любопытное перетолкование христианских мифов. Особенно популярным это учение было в славянской Болгарии. Отсюда оно проникло в западные страны, где было почти дословно перенято альбигойцами. Мы можем лишь предполагать, как Сталин относился к мистическим положениям богомилства, но роль Сатанаила ему была явно по душе. Он сам, начиная с конца 20-х годов, единолично руководил возведением прекрасного нового мира, он предопределял путь развития мировой цивилизации и решал её судьбу после победы в войне. Будучи лидером мировой сверхдержавы, победившей фашизм, он предстал для простых смертных в роли человекобога. В этом смысле можно утверждать, что внутренние ожидания, связанные с выбором псевдонима в 1912 году, сбылись на все сто. Сыграть роль старшего брата Христа – это, как говорится, круто, «высший пилотаж». Эту роль не играл никто в мире, кроме Иосифа Виссарионовича, конечно. И это «ключ» к разгадке его личности и его этапа проявления страной! Выступать для всех олицетворением злых начал, но не быть выше Творца и Зиждителя, ощущать себя старше, опытнее и практичнее своего младшего брата Христа – самоощущение, достойное вождя всех времён и народов! С этой точки зрения совсем по-другому следует оценивать

сталинское «ха-ха!» на полях уже упоминавшейся книги Франса по поводу следующей фразы: «Воздают благодарность богу за то, что он создал этот мир, и воздают ему славу за то, что он создал другой мир, совершенно отличный, где вся неправда этого мира будет исправлена». Здесь в вожде была затронута отнюдь не атеистическая, а богомильская струнка!

Вследствие своей склонности к скрытности и лицемерию, богомилы, всегда обладавшие тактом, умели искусно прятать свой политический цвет, который ничем не обнаруживали, пока не рассчитывали на верный успех. Не напоминают ли эти их этические установки сталинскую линию поведения? Целью земного существования еретиков являлось высшее духовное совершенство. Отказ от собственности и аскетические опыты были для них богоугодным делом. Можно, конечно, махнуть рукой на эти наши параллели, но отрицать, что в быту Сталин решительно отличался от большинства советских руководителей, никто не будет.

В 1927 году, по воспоминаниям начальника охраны, дача Сталина не имела ни удобств, ни прислуги, и он с семьёй приезжал туда на выходные с приготовленными бутербродами. И впоследствии его пренебрежение к быту сохранилось: он не имел практически никаких личных вещей, даже лишней пары обуви или какой-то одежды. Единственным его богатством была огромная библиотека. Не выглядит ли это сознательное пренебрежение бытовыми удобствами как некий ритуал, стремление обрести статус «совершенного» в рамках богомильской или какой-нибудь другой дуалистической традиции? Кстати, в письме Надежде Аллилуевой, написанном во время лечения на Кавказе 14 сентября 1931 года, Сталин ласково называет свою дочь Светлану Сатанкой, то есть дочерью Сатаны. Да и самый первый псевдоним Иосифа Виссарионовича – Бесошвили, если только считать его корень русским, а суффикс грузинским, означает «сын беса». Круг замкнулся: что первый псевдоним, что последний – все едино! Удивительно легко и просто объясняется и страсть Сталина работать по ночам – когда ещё трудиться сыну Дьявола?

Сталин не был атеистом. Он категорически запрещал выписывать в свою личную библиотеку атеистическую литературу, брезгливо называя её «антирелигиозной макулатурой». Как и всякий теист (то есть не атеист) он думал и о посмертном существовании. В книге Франса он отчеркнул на полях фразу: «Есть люди, которые больше боятся небытия, чем ада». Что в ней затронуло Иосифа Виссарионовича? Ад страшен, но это всё-таки существование, жизнь после жизни. Но небытие – это абсолютное Ничто. Сталин хотел победить Ничто. Проект постройки Мавзолея, который приписывают волеизъявлению народа, на самом деле придуман им! Придуман с единственной целью: оказаться впоследствии внутри этого Мавзолея и гарантированно победить это Ничто. Остаться в этом мире, который, по его мнению, создал вовсе не Бог...

А. Завьялов

ЕДИНЫЙ МНОГОНАЦИОНАЛЬНЫЙ НАРОД РОССИИ: МИФ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ

С первых дней своего создания Нижегородское отделение Международной общественной организации «Русское Собрание» занимается историей Народного ополчения под руководством Кузьмы Минина и Дмитрия Пожарского. Вместе с тем мы организуем конкретные мероприятия, акции, чтобы «освежить» память потомков, провести параллели между днём сегодняшним и нашим героическим прошлым.

Так, на протяжении последних лет нами проводится культурно-просветительская акция «Дорогами единства». В рамках акции проложен маршрут к месту кончины народного героя, нижегородского земского старосты Кузьмы Минина, которое находится в селении Шобашкаркасы (Чувашия), в бывшем имении князя Буртаса. Чувашский князь Буртас был давним соратником Кузьмы Минина и Дмитрия Пожарского, «третьим человеком» в Нижегородском ополчении, как уверяют чувашские предания и местные энтузиасты-исследователи. Совместными усилиями мы смогли найти и вернуть из небытия национального героя чувашского народа, с которого можно брать пример и которым может гордиться подрастающее поколение.

Каждому нашему посещению Чувашии предшествуют многочисленные публикации в печатных (как республиканских, так и центральных) и электронных СМИ. Нас поддерживает творческая чувашская интеллигенция и её общественные организации. Достаточно сказать, что в прошлом году председатель Нижегородского отделения «Русского Собрания» Сергей Скатов был удостоен Всечувашской Национальной премии имени Ивана Яковлевича Яковлева, известного общественного деятеля, знаменитого просветителя.

Данный опыт мы планируем распространить на другие соседние национальные образования России – Татарстан, Башкирию, Мордовию, республику Марий-Эл, чьи боевые отряды приняли деятельное участие в освобождении Москвы 400 лет назад... Формировалось Нижегородское ополчение не как рядовой «народный сход», а путём прибытия князя или воеводы со своей дружиной, как многонациональное объединение, союз исконных народов России, каждому из которых была до боли близка мысль о будущем общей нашей Родины.

В то же время необходимо признать: объединяющим началом Руси в то Смутное время, да и по нынешний день, был и есть Русский народ, его непреходящая Православная вера! Ведь многонациональный состав Нижегородского ополчения шёл на Москву под православными знамёнами и иконами.

На протяжении всей истории нашей страны многонациональный народ России в минуту опасности собирается, становится одним народом – русским. И этот многонациональный народ имеет такую духовную силу, что готов на любой подвиг во имя Родины. И всё-таки – РУССКИЙ! Мы признаём, что есть факт: не будет русских – не будет и России!

Но где же мы, русские? Де-факто – мы вроде бы есть на этом свете. А де-юре? В Конституции нашей родной страны русские не упоминаются! В статье третьей записано: «Носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является её многонациональный народ». А слово «русский» упомянуто лишь в отношении государственного языка, на котором ведём делопроизводство.

Ни в каких юридически значимых документах мы не найдём понимания, что такое «народ». Некоторые политики предлагают понимать под народом этносы, народности, языковые группы, проживающие на территории той или иной страны. Но правильно ли это? Куда, например, отнести в этом случае детей от смешанных браков, – а их у нас большое количество?

Понятие «народ» не может быть абстрактным, потому как власть, основанная на этом понимании, станет бессмысленной. Реальный народ – это действенная сила, мощь, а значит – реальная власть! Тесное переплетение этих понятий должно показать нам источник власти, её суть, способы получения и передачи.

Понятие «народ» также коренным образом отличается от понятия «гражданское общество». Народ имеет свою этническую составляющую, единство культуры и языка, историю предков и

традиции. Он имеет внутренние связи, своих героев, духовных авторитетов. Нельзя отрицать, что многонациональный народ России имеет какую-то общую (духовную!) составляющую, при которой никому не обидно быть «русским татаринном», «русским якутом» и т.п. Наш народ также отличается тем, что мирное существование различных национальностей и верований позволяет народу развивать свою культуру, науку и самобытность. Как сказал Президент В.В. Путин: «Сила России – в свободном развитии всех народов, в многообразии, гармонии и культур, и языков, и традиций наших, во взаимном уважении, диалоге и православных, и мусульман, последователей иудаизма и буддизма».

Можно попытаться определить народ как население, проживающее в данный момент времени на данной территории. Но это тоже неправильно, так как народ существует гораздо дольше, чем один человек; имеет свою память, историю и общее мировоззрение. Народ, как общность, часто противопоставляется одному человеку и на Руси всегда знали, что выжить проще вместе, чем врозь. А ещё есть пословицы: «Брат брату сосед», «Близкий сосед лучше дальней родни» и другие. В нашей стране соседи были разные и по вере и по национальности.

Понятие «национальности» может вызвать недоумение в Европе, так как во всех европейских языках этим термином обозначают граждан самостоятельных национальных суверенных государств. Если применить это к России, то термин «многонациональный народ» следовало бы понимать как «народ, включающий в себя одновременно граждан нескольких национальных суверенных государств». Именно такую ошибку совершили советские руководители при формировании Советского Союза. Вводя понятие «советский народ», они пошли на поводу у националистических элит и создали союз самостоятельных национальных республик. Это, как нам представляется, и привело в конечном итоге к распаду страны.

И самое страшное, что может стать логическим развитием такого подхода – это продвижение идеи об исключительном превосходстве одной нации над другой. Именно этот сценарий и осуществился на современной Украине. Сегодня коллективный Запад обвиняет нас в нацизме, поясняя это тем, что мы нарушили целостность суверенного государства. Но мы никогда не ставили свой народ выше украинского, более того, мы всегда говорили, что мы один народ. И как раз наша главная цель – это борьба с нацизмом. У понятия «нацизм» очень много составляющих, и каждый пытается трактовать его по-разному. Сейчас мы столкнулись с непониманием нашей позиции в мире. Неважно, сколько татуировок со свастикой мы покажем, сколько книг Гитлера мы найдём у украинских националистов, Запад никогда не поверит, что мы боремся с нацизмом.

Есть лишь один выход – надо взять один из ключевых признаков нацизма и поставить его во главу нашей аргументации, а именно ненависть к представителям другой нации. Никто не будет спорить, что на Украине процветает ненависть ко всему русскому, то есть русофобия.

Необходимо прописать в российском законодательстве, что открытая ненависть к русским и построение на этом государственной политики, осуществление действий по запрету русского языка, культуры и искусства является русофобией и преследуется по закону в любой части света. В современном мире государство Израиль и еврейские организации обладают своего рода монополией на то, что считать «антисемитизмом». Что мешает нам иметь монопольное право определять русофобов среди политических деятелей и даже целых государств. И здесь никто не сможет сказать, что мы даём неправильное определение. Как содержание «антисемитизма» определяют евреи, так и вопрос «что такое русофобия?» касается только русских. Ничто не должно мешать России вести с этим борьбу различными методами, включая военные.

И что ещё очень важно: мы должны искоренить русофобию внутри России. Давайте сконцентрируем внимание на самом главном сейчас для нас, а это – Русский народ! Где графа «национальность» в наших паспортах? В стране нас, русских, более 80 процентов. Такой графы в наших паспортах нет.

Где Русские театры в современной России? Ни одного такого театра у нас нет! А кто поёт, играет в фильмах на наших центральных телеэкранах? Какие-то странные, иноязычные имена, фамилии, лица. Нередко и сексуальная ориентация этих самых певцов и певуний, актёров, кино- и прочих режиссёров – странная.

Русский народ сегодня – это прицел! Русский народ – это смысл всего и вся! Мы, русские, приговорены «объединённым» Западом.

И сейчас мы вынуждены реагировать на русофобию на Украине, половина населения которой является её прямой жертвой. Мы не можем этого терпеть – не потерпели с Крымом и Донбассом, не потерпим и на остальной территории Украины. Денацификация означает полное искоренение русофобии. И теперь то, за что мы сражаемся и то, что мы будем считать достигнутой целью, станет ясно всему миру. Мы кладём конец русофобии в соседней, близкой нам исторически и культурно, братской стране. И точка. И не будем с ней мириться ни в какой другой стране, нигде в мире.

Было это и 400 лет назад, когда «объединённый» Ватиканом Запад двинул свои войска на Православную Россию, однако получил отпор в лице Патриарха Гермогена и Нижегородского ополчения. Православие, какие бы на нас напасти не насылали, испокон веков – главная скрепа России!

В.В. Путин вполне определённо высказался в этом смысле: «Мы обязаны жёстко противодействовать любым проявлениям экстремизма и ксенофобии, беречь межнациональное и межрелигиозное согласие. Это историческая основа нашего общества и российской государственности».

Идея законодательного закрепления государствообразующей и всеобъединяющей роли русского народа неоднократно высказывалась различными политическими и общественными деятелями, но до сих пор ничего так и не сделано.

Основываясь на объединяющей роли русского народа, мы должны начать бескомпромиссную борьбу с русофобией, как внутри страны, так и за её пределами. Неоценимую роль в этой борьбе может оказать федеральный закон о русофобии, который необходимо инициировать патриотической общественности. Без искоренения русофобии погибель грозит не только русским по национальности, но всем исконным народам России...

А. Дугин

РУСОФОБИЯ – ЭТО И ЕСТЬ НАЦИЗМ (газета «Завтра», май 2022 г., №19)

История с высказываниями Сергея Лаврова, за которые извинился Президент России, заставляет нас обратить внимание на то, как воспринимает внешний по отношению к России мир тему денацификации. Мы настаиваем на том, что СВО направлена против украинского нацизма и приводим новые и новые доказательства повального распространения нацистских идей, символов и террористических практик среди украинцев, в рядах ВСУ, тербатов и украинских политиков. В ответ Запад привычно парирует, выдвигая два тезиса:

1. Как может быть нацистским государство, президент которого еврей?

2. Как может быть нацистским государство, где политические партии и организации, открыто исповедующие нацизм, представлены на выборах и в парламенте довольно маргинальными группами?

С попыткой ответить итальянской публике на первый вопрос и были связаны не совсем удачные реплики Лаврова. Но дело не только в том, что Министр Иностранных Дел России был вынужден приводить несколько странные и запутанные аргументы, вызвавшие бурную реакцию в мире и в Израиле. При этом сам Путин, видимо, нашел эту реакцию отчасти оправданной, поэтому и высказал свое отношение. Это – следствие более серьезной проблемы: на данные два вопроса убедительно Россия ответить не сможет, как бы мы не старались.

Толкование того, что является «нацизмом», а что нет, имеет сложный политологический контекст, где информационным и пропагандистским преимуществом, вне всяких сомнений, обладает Запад, а он настроен жестко против нас и будет толковать «нацизм» по-своему, как ему выгодно. А ему выгодно обвинять в «нацизме» нас, начавших СВО и нарушивших принцип суверенитета соседнего государства, сравнивая наше поведение с Германией Гитлера в отношении соседних с ней государств.

Точно также, кто является антисемитом, а кто нет, определяют сами евреи – прежде всего, государство Израиль, а также еврейские организации Запада, которые обладают своего рода монополией на то, кого считать «антисемитами», а кого нет. Так, в частности, противостоящий либералу и глобалисту Макрону консервативный кандидат в Президенты Франции Эрик Земмур, будучи евреем, неоднократно обвинялся в «антисемитизме» своими противниками. Хотя такое утверждение и было не особенно убедительно, в него еще можно было хоть как-то заставить поверить европейцев – и то под диким напором либеральной пропаганды. Москва же точно не в том положении сейчас, чтобы продвинуть в этой сфере свои собственные дефиниции.

Настаивать вовне – «нет, все же они нацисты» – не слишком продуктивно. В самой России все это поняли и согласились, а вот на Западе не согласились и не согласятся, сколько бы татуировок со свастиками мы ни показывали или книг Гитлера, отобранных у украинских нацистов, не предъявляли бы. Их не покажут, а если и сделают это, то в сочетании со лживыми и циничными комментариями, переваливая все с больной головы на здоровую.

Надеяться на то, что мы своим упорством пробьем информационную брешь, наивно. Скорее, запутаемся, как Лавров.

Из этой ситуации, тем не менее, есть один вполне достойный выход. Чтобы пояснить, что мы имеем в виду под «нацизмом» в современной Украине и обосновать денацификацию как цель СВО, необходимо отождествить украинский нацизм с русофобией. И вот тут никто не сможет сказать, что мы даем термину неправильное определение. Как содержание «антисемитизма» определяют евреи, так и вопрос «что такое русофобия?» касается только русских.

Русофобия есть ненависть к русским за то, что они русские, построение на этой ненависти политики и осуществление тех или иных действий, в том числе насильственного характера.

В этом смысл данного явления. Можно – нужно! – расписать данную идею подробнее, по пунктам, и придать полученным выводам юридический статус: и вот это всё решит. Никто не сможет сказать: нет, это не правильное определение, так как русофобия касается прежде всего русских, поэтому русские знают лучше, чем она является, а чем нет.

То есть нам нужен специальный закон о русофобии, категорически запрещающий это явление.

А вот дальше мы делаем следующий шаг и отождествляем «украинский нацизм» и русофобию, то есть обвиняем Украину в русофобии, ставшей государственной политикой и криминальной практикой. И это мы также имеем полное право сделать, так как мы просто пояснили – намного более ясно и убедительно – в чем состоит цель СВО и какие претензии у нас есть к Украине, к ее руководству, к ее властям, к ее политикам, к ее войскам, к части ее населения, в конце концов. А они у нас есть, иначе бы нас там не было.

В русофобии повинны и Зеленский, и украинское правительство, и Верховная Рада, и самые различные украинские партии и политики, и националисты, и ВСУ, и конечно же, украинские нацисты, которых тоже не мало, но дело не только в них. Если мы понимаем денацификацию как русофобию, то больше нет необходимости доказывать, что на Украине «нацисты все», а Зеленский «антисемит». Ну пусть не все, и пусть Зеленский не антисемит, зато и он, и большинство политических сил, и само украинское государство являются в полной мере открытыми и последовательными русофобами. А раз так, мы вообще ничего никому не должны доказывать: СВО – наш ответ на критически высокий уровень русофобии в соседнем государстве, на который мы просто не можем не реагировать.

Русофобия присуща практически в равной мере нацистам из «Азова»*, еврею Зеленскому или прозападным либералам. Русофобия присуща сегодня НАТО и Евросоюзу, американским неоконам и администрации Байдена.

А раз так, мы вынуждены реагировать. Вначале на то, что ближе всего и опаснее всего – на русофобию на Украине, половина населения которой является ее прямой жертвой. Мы не потерпим этого – не потерпели с Крымом и Донбассом, не потерпим и на остальной территории Украины. Отменить свастику и сохранить русофобию не выйдет. Денацификация означает полное искоренение русофобии. И теперь то, за что мы сражаемся и что мы будем считать достигнутой целью, станет ясно всему миру. Мы кладем конец русофобии в соседней, близкой нам исторически и культурно, братской стране. И точка. И не будем с ней мириться ни в какой другой стране, нигде в мире.

Мы не оскорбляем другие народы и категорически запрещаем любые формы национализма, шовинизма и неравенства на этнической или расовой почве в своей стране. И требуем, чтобы и другие к русским относились в своих странах с уважением. Это не просьба. Иначе мы предпримем ответные меры. При этом в самой России мы никогда и ни при каких обстоятельствах не станем уподобляться тем, кого категорически отвергаем: в ответ на русофобию не ответим ни украинофобией, ни американофобией, ни франкофобией, ни исламофобией и т. д. И это тоже следует прописать законодательно.

Объявив войну русофобии, мы можем не строить сложных схем для пояснения того, что мы делаем под Харьковом, на острове Змеиный или в Херсоне. Мы искореняем русофобию и в этом вопросе дойдем до конца – то есть до Львова, западных границ, если Украина и киевский режим не откажется от неё добровольно. Но этот режим полностью построен на русофобии, и Путин совершенно верно отождествил Украину с Анти-Россией. Значит, враждебный режим должен капитулировать. Россия не потерпит Анти-Россию.

Что мешает нам пойти по этому пути и снять одним жестом всю возможную двусмысленность в обосновании нашей СВО на Украине? Ведь это все вещи поставило бы на свои места. Я полагаю, только то, что в самой России существует влиятельное лобби русофобов, что Анти-Россия есть и внутри нас самих. Приняв положение о русофобии, мы подорвем позиции целого сегмента российской элиты. И не только тех, кто уже сбежали и русофобствуют на безопасном расстоянии, но и тех, кто пока остались и явно ждут, что мы остановимся, запутаемся, пойдем на попятную.

Здесь есть логическая формула: победить Анти-Россию вовне можно только победив Анти-Россию внутри. Для этого есть один прямой и недвусмысленный жест: необходимо законода-

* запрещён в РФ

тельно решительно и однозначно осудить – не просто осудить, криминализировать! – русофобию. В этом случае будут полностью оправданы и логичны любые наши трибуналы над нацистскими преступниками, любые наши дальнейшие действия по денацификации. Русофобия касается нас, вот мы и дадим ее определение, а потом будем действовать на его основании. Тогда трибунал будет оправдан – и никакая этническая, политическая, идеологическая и религиозная принадлежность не спасет русофобов от ответа. Особенно за тяжкие преступления. Судить можно только тогда, когда ясно и четко определено, в чем состоит вина. Если тут есть двусмысленность и мы зависим от какой-то внешней экспертизы, то даже видимости легальности в подобном трибунале не будет. Мы будем осуждать нацистских преступников, а Запад или, например, Израиль с этим категорически не согласятся. И мы будем вынуждены как Лавров строить сложные и не особенно убедительные конструкции.

Ответ один: приравнять нацизм к русофобии, то есть пояснить, что под «нацизмом» мы понимаем русофобию (а идеология нацизма была однозначно русофобской), а под «денацификацией» – ее искоренение. И далее уже совершенно спокойно, обосновано и ответственно мы обвиним в этом сегодняшнюю Украину в целом, ее правящий режим и нацистов из «Азова» и других экстремистских террористических организаций, являющихся открыто и радикально русофобскими и на словах, и в преступных делах.

ПАМЯТЬ РОДА

С.И. Родионов

ФАМИЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ ТРЁХ ПОКОЛЕНИЙ

Два чувства дивно близки нам,
В них обретает сердце пищу:
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.

А.С. Пушкин

Биография каждого человека – это, в том числе и история его Родины. Мои первые впечатления, удержавшиеся в памяти, – глаза бабушки и няни: родные, тёплые, заботливые... Безмятежное, счастливое детство в городе Калязине... Статная и красивая бабушка – Надежда Васильевна Андреева, к которой не только я, но и все жители города относились с почтением и обращались только на «вы».

В шестидесятых годах прошлого века я, ещё ребёнок, пребывавший в советской реальности, наблюдал какие-то странные несоответствия:

– колокольня высотой в 78 метров находится на середине реки Волги. Зимой, когда Угличская ГЭС спускала воду из реки, мы с мальчишками прыгивали внутрь ледяной лунки на дно ушедшей реки и гуляли среди руин старой, затопленной части города. А над головой был голубоватый ледяной свод;

– Библия, обнаруженная в шкафу у бабушки. В книге хранилась квитанция об оплате её учёбы в женской Мариинской гимназии... Первые прочитанные главы Евангелия, которые я пытался осмыслить, сидя у воды и

слушая плеск волн, когда-то затопивших великие храмы города... Города, в котором останавливались все русские цари;

– фамильная икона Казанской Божьей Матери. Бережно завёрнутая, она лежала в чулане. Икону увидела на берегу Волги моя прабабушка – Верещагина Лидия Петровна. Она велела достать её, украсить драгоценными камнями и повесить дома;

– старинный альбом с фотографиями моих предков, людей особой породы: статных, просветлённых, красивых. Прекрасные дамы, уланы, драгуны... Я часто представлял свою бабушку юной гимназисткой, поднимающейся по мраморной лестнице в огромный зал с зеркалами от пола до потолка, где играл полковой духовой оркестр, приглашённый моим прадедом... Танцы в зале и во дворе нашего родового дома, увы, сегодня уже разрушенного. Он и по сей день стоит за оградой в центре Калязина, охраняемый как памятник архитектуры. Бабушка говорила: «Серёженька, это тоже мой дом»...

Про дедушку по линии мамы, Андреева Макария Семёновича, к сожалению, у меня мало информации. Известно, что дом Андреевых расположен на центральной улице (имени Ленина) в го-

роде Калязине. После революции 1917 года дедушка работал главным инженером на заводе, который ранее принадлежал ему. Бабушка признавалась: «Он красиво ухаживал: приезжал на свидание в карете, которою правил кучер в белоснежных перчатках; дарил огромное количество цветов и дорогих подарков. Был галантен, учтив, умён, воспитан, красив, умел хорошо танцевать». Этих качеств достаточно, чтобы увлечь любое дамское сердце, и бабушка не оказалась исключением. Из мадемуазель Пановой она стала госпожой Андреевой – так к ней обращались в письмах и открытках.

В чулане также хранился веер из слоновой кости со страусовыми перьями, а с ним китайский летний зонтик и платье со шлейфом из струящегося шелка, белые лайковые бабушкины перчатки и другие старинные вещи. А по соседству невероятным контрастом стояли мамины фронтовые сапоги, висела женская военная форма и иные вещи военного времени.

В Калязине я рос обычным дворовым мальчишкой, ходил с ватагой уличных пацанов, интересы у нас были общими. Нам часто попадалась на глаза смешная фигура старушки с экзотической фамилией Блюм. Дети часто цепляются за внешность, и часто это бывает безжалостно. Старушку порой сопровождали злыми шутками, кидали в неё камни. Ещё более раззадоривало детей, когда она угрожающе поднимала вверх палку, на которую опиралась при ходьбе. Однажды я увидел мою бабушку, очень вежливо разговаривающую с этой странной Блюм. Дома бабушка мне объяснила, что эта женщина – одинокая немка, образованная, знающая много языков и с очень сложной судьбой. Мне стало стыдно, и уже следующим утром я с младшим братом пилил и колол дрова во дворе старушки Блюм.

Это моё детство. Это удивительные поездки на пароходах-колёсниках, на которых бабушка раз в год возила меня до города Горького и обратно, чтобы показать родителям. На протяжении первых моих одиннадцати лет...

Следующие 9 лет я провёл в специальном детском доме для одарённых детей, учась в художественной школе, а потом в художественном училище. Это было специальное учебное заведение, куда собирали (подбирали) после войны детей-сирот, имеющих, музыкальное или художественное дарование. Такие дома были созданы по особому Постановлению Молотова, и это было прекрасной попыткой Советской власти создать подобие Царскосельских лицеев. Мне с младшим братом очень повезло учиться в одном из них. Мы были на полном государственном обеспечении, нас обучали лучшие педагоги города Горького. В стенах этого уникального учреждения всегда звучала музыка, пел хор. Дети постоянно рисовали, а их общий настрой был стать сродни тем гениям, портреты которых висели в кабинетах и спальнях комнатах. На нас со стен смотрели Репин, Суриков, Пушкин, Бах, Моцарт и другие классики. Почти все воспитанники писали стихи или картины, сочиняли песни и музыку. Мы ходили на все концерты классической музыки и на балет в филармонию и оперный театр. М.Л. Ростропович, давая концерты в консерватории, выводил нас на сцену, сажал на пол вокруг себя, и мы, замороженные, слушали его игру. В то время в город Горький приезжали самые выдающиеся композиторы и музыканты-исполнители: Д. Шостакович, Д. Кабалевский, Т. Хренников, С. Рихтер, квартет Бородина и другие.

Вот маленький факт моей жизни: защита дипломной работы в художественном училище. Я представляю картину «Бетховен». На защиту пришли мои родители: папа, полностью незрячий с детства человек, и мама-фронтовик, прошедшая всю войну. Сейчас трудно представить, как познакомились и прожили в любви, казалось бы, такие разные люди, давшие жизнь троим детям. Моя мама в 20 лет ушла на фронт добровольцем и служила в должности сержанта медсанбата. На её фронтовом пути были Сталинград, Курская дуга и Кёнигсберг. Мама выносила с поля раненых, оказывала им первую медицинскую помощь. Как и все фронтовики, она очень мало рассказывала о

Дедушка и бабушка со стороны мамы

войне. Как-то я спросил: «Мама, а как ты относилась к Сталину?» Она ответила: «Я не могу предать ребят, которые умирали на передовой у меня на руках с его именем».

Моя мама – Родионова (Андреева)
Людмила Макарьевна.

После войны мама вернулась в родной город Калязин, а через год поступила на филологический факультет педагогического института им. Герцена в Ленинграде. Приведу романтический эпизод знакомства мамы с моим папой. На углу реки Мойка и Невского проспекта находилось общежитие института. Весной, ранним утром, мама услышала красивую мелодию, – кто-то играл на трубе. Этим музыкантом был слепой студент физико-математического факультета, Родионов Иван Георгиевич – мой будущий папа. Так родители познакомились, полюбили друг друга и прожили в любви всю жизнь, родив и воспитав троих детей.

Интересна биография моего отца, его родословная по крестьянской линии. Родина отца – село Кочкурово Починковского района Нижегородской области. Его папа, т.е. мой дед – Родионов Георгий Гаврилович был призван на службу в летнюю резиденцию царя в город Ораниенбаум и дослужился до инструктора пулемётного полка. Высокого роста, статный, красавец, к тому же владеющий грамотой, он был отобран для охраны Его Величества.

Правда, у жизни свои законы, и так получилось, что деду пришлось принимать участие во взятии Зимнего Дворца. Однажды я спросил у бабушки: «А как это происходило? В фильме С. Эйзенштейна революционные матросы перелезают через ограду...» Дед, улыбаясь и как бы оправдываясь, ответил: «Всё было

не как в фильме. В Ораниенбауме нам дали приказ идти на Питер и взять Дворец. Иначе, говорили офицеры, «матросики» нас постреляют в спину. Мы ничего не понимали в происходящем».

Позже дед вступил в ряды коммунистической партии. После гражданской войны, где он потерял здоровье, дед вернулся в родное село, женился и работал председателем колхоза «Красный пахарь», а потом директором знаменитого конного завода в Починках. В его избе всегда висели иконы. Деда регулярно вызывали в партком, предупреждали, ставили «на вид», но отпор со стороны бабушки Анны Дмитриевны перевешивал все требования «сверху». Она защищала «красный угол» в избе, стоя с вилами. Так и прожили родители отца с намоленными родовыми иконами. Брат моего папы, Владимир, дошёл до Берлина и расписался на здании Рейхстага. Там есть фамилия Родионов.

Мой отец был воплощением русского интеллигента. Ему были присущи добрый ум, профессионализм, эрудиция, жертвенность, прозорливость и скромность. На отце держалась семья из 5 человек. Папа решал все бытовые вопросы, помогал маме в её педагогической работе и увлечениях – таких как, например, игра на пианино и виолончели. Меня всегда поражало и удивляло, как незрячий человек мог этому учить, не имея при этом профессиональных знаний. «Виной» тому, думается, абсолютный музыкальный слух и необыкновенная чуткость в восприятии другого человека. Меня, брата и сестру он научил играть в шахматы, развивал в нас музыкальные способности. Папа прекрасно знал математику, физику и астрономию. Он преподавал эти дисциплины в школе рабочей молодёжи для слепых и слабовидящих, воспитав много способных учеников.

Бабушка и дедушка со стороны отца: Родионовы Георгий Гаврилович и Анна Дмитриевна

История моей семьи стала одной из программ для моего творчества. Многие из воспоминаний нашли отражение в моих полотнах.

Мне повезло – на протяжении жизни меня окружали люди творческих профессий: музыканты, поэты, художники. Мне всегда хотелось соединения всех этих направлений. Отсюда родилась идея создания ежегодных встреч под названием «Союз трёх муз». Эти творческие встречи проходят регулярно с 2015 года в библиотеке им. В.И. Ленина и в выставочном зале (ныне Нижегородский художественный музей) с неизменным интересом и успехом. Считаю, что такие встречи особенно необходимы именно сейчас, в период духовного возрождения России.

Я и мои родители

Ю.Ю. Куликов

ИСТОРИЯ ДОМА НА БОЛЬНИЧНОЙ, 35

Улица Нестерова (бывшая Больничная).

Там, где стоят машины, находился дом Яковлевых, №33.

Дом №35, где жили Жевакины, на левом фото и на дальнем плане фотографии справа

Это повествование посвящено деревянному двухэтажному дому, расположенному на улице Больничной. Не могу привыкнуть к её теперешнему названию – улица Нестерова. Наверное, это потому что я прожил здесь почти 80 лет – от момента рождения 21 февраля 1942 года – и живу по сей день.

Улица Больничная – одна из старейших в Нижнем Новгороде. Такое официальное наименование она имеет с 1839 года. Описание её застройки в 1859 году дал Н.И. Храмцовский¹: «Больничная улица идёт от Ковалихи до Верхней набережной; она пересекает Тихоновскую, Большую Печерскую и Жуковскую; на ней между Ковалихой и Тихоновской направо находится Александровская богадельня, а налево рабочий дом. Строение, как в Больничной, так и в Мартыновской улицах почти всё деревянное, но чистое и довольно красивое». Для ориентировки читателя сообщу, что бывшая улица Жуковская ныне именуется улицей Минина.

Название улицы, по-видимому, связано с наличием на ней двух больниц – первой в городе градской (на месте Александровской богадельни) на спуске к Ковалихинскому оврагу (построена в 1799 году) и Мартыновской вблизи Откоса (построена в 1825 году). В настоящее время от последней уцелели несколько построек и бывший хирургический блок, который был возведён в 1899 году. Это здание знаменито тем, что хирургическое отделение в нём было оборудовано самой современной на тот момент медицинской техникой, в том числе рентгеновским аппаратом, может быть, на тот момент единственным в городе. Оно неоднократно запечатлено на фотографиях нашего знаменитого земляка Максима Дмитриева.

Наш дом был построен уже в советское время. В середине 1920-х годов ещё допускались кооперативы. И вот Семён Антипович Новиков, Михаил Васильевич Бударин, Алексей Михайлович Горбачев и некто В.В. Ефремов организовали кооператив «Зодчий», который, получив 10 июля 1925 года ссуду, заключил договор со Строительной конторой «Нижстрой». Выписка из этого договора гласит:

«Зодчий» сдаёт, а «Нижстрой» принимает на себя подряд на выстройку нового деревянного рубленого четырёхквартирного двухэтажного жилого дома, крытого железом на пустопорожнем месте в городе Нижнем Новгороде по Больничной улице».

К строительству дома приступили 25 июля 1925 года. С большими трудностями и хлопотами, с остановками в мороз и непогоду работы все же были закончены весной 1926 года. Акт о приёме дома был подписан 31 июля 1926 года. Это число и можно считать днём его рождения. Выписка из акта:

«Комиссия признаёт произведённую работу удовлетворительной, в соответствии с чертежами и допускает дом и службы к эксплуатации».

Первыми вселились Бударины, за ними Новиковы, затем Горбачёвы. Когда дом был выстроен, В.В. Ефремов передал свои права на квартиру Жевакину Александру Сергеевичу (1888-1971). Жевакины въехали в дом через год и стали на долгие годы его жителями.

Больничная, 35: дом с разных ракурсов.

Надписи на доме – тексты Августина Блаженного (работа художников Стаса Доброго (Москва) и Тимофея Радя (Екатеринбург) в рамках фестиваля уличного искусства «Новый город: древний» в 2015 году). Фото справа: четыре окна на первом этаже – квартира Жевакиных

Отец Александра Сергеевича – Сергей Иванович Жевакин – родился в крестьянской семье (в селе Выездное под Арзамасом). Во времена Екатерины Великой предки Жевакиных были вывезены из Запорожской Сечи и переданы в крепость помещику Салтыкову, владевшему Выездным. Но все они были настолько активны, что скоро выкупились из крепости. Сергей Иванович подобно им обладал предприимчивым характером и сумел «выбиться в люди». В Арзамасе находилась кошмовальная фабрика тюменского миллионера Н.М. Чукмалдина. Сергей Иванович дослужился в ней до приказчика, а после смерти Чукмалдина, согласно его завещанию, стал её владельцем. Сын Александр унаследовал от отца фабрику в 1910 году, но в 1917 году он лишился как своего предприятия, так и всего имущества. После окончания НЭПа он стал «лишенцем» – гражданином, лишённым избирательных прав. Восстановлению в правах Александру Сергеевичу помог начальник по службе.

В доме на Больничной, 35 «бывшие» составляли большинство. Бударина (1883-1953 гг.) арестовали и отправили в лагерь в 1930 году. Горбачёв, как говорили, был меньшевиком, его репрессировали в 1937 году. Из четырёх хозяев квартир на Больничной, 35, только Семён Антипович Новиков сделал успешную карьеру при Советской власти. До революции он окончил Институт гражданских инженеров в Петрограде и в звании гражданского инженера-архитектора был приглашён в Нижний Новгород на строительство особняка купца Сироткина (ныне в этом здании расположен Нижегородский художественный музей). После революции он остался в городе, работая губернским инженером. С 1935 г. член Союза архитекторов. В 1950–1953 годах занимал должность главного архитектора Горького. Избирался депутатом городского Совета народных депутатов. Как и Новикову, судьба благоприятствовала Александру Сергеевичу: оба они прожили до глубокой старости. Но проживание в одном месте трёх «бывших» давало основание власти рассматривать дом как потенциально опасный с идеологической точки зрения.

Женой Александра Сергеевича была Гали Николаевна Кравченко (1890-1967). Она приходилась праправнучкой декабристу Иосифу Викторовичу Поджио². В роду у Гали Николаевны были итальянцы, поляки, сербы и восточные славяне. В семье родилось трое детей – Сергей, Ольга и Ирина.

Жевакин Александр Сергеевич, Жевакина Гали Николаевна и их сын Сергей

В доме № 35 было всего 4 квартиры, общий парадный вход с улицы Больничной и два черных входа со стороны двора, в котором был сооружён огромный двухэтажный сарай и разбит сад. Холодильники в то время были редкостью, и в сарае было четыре глубоких каменных погреба, которые весной набивались снегом до самого верха. Кроме того, в сарае хранились дрова. Дом имел печное отопление. В каждой из квартир были че-

тыре голландских и русская печь. Помню до сих пор большие пироги с разной начинкой (особенно хороши были с капустой), а также каши и щи в чугунных горшках. И, конечно, сад-цветник около дома, который был создан руками жильцов, и являлся украшением их жизни. Период расцвета сада пришёлся на 1950-е годы. К числу его диковинок относились «гудковские» красные махровые тюльпаны, которые имели запах. По легенде семейство Гудковых жило также на Больничной улице в квартале между улицей Минина и Откосом. Дмитрий Андреевич Гудков (1918-1992) – российский математик, достигший серьёзных успехов в вещественной алгебраической геометрии. Тюльпаны были подарены матерью Д.А. Гудкова моей бабушке. В этом саду были и редкие растения, часть которых со временем навсегда исчезли. Мне удалось пересадить в мой деревенский дом лишь медуницу, очень крупные ландыши и маньчжурский белокопытник – высокий (средний рост человека) «клопук» с диаметром листа около метра. Бабушка Гали Николаевна называла его канадской примулой. Почему, я не знаю.

В 1927 году начали строить соседний двухэтажный деревянный дом, его заселили в 1928 году четыре семьи: Пискуновы, Яковлевы, Гуляевы и Ципровские³. Его адрес – Больничная, 33. Расскажу о соседях, живших там. Их дом стоял торцом к улице Больничной (в начале нынешнего века он был сожжён с целью захвата земли). Дом имел асимметричную планировку квартир. Квартиры Пискуновых (2 этаж) и Яковлевых (1 этаж) были существенно больше по площади помещений Гуляевых и Ципровских, занимавших другую часть дома.

Семья Яковлевых въехала в дом № 33 в 1928 году. Она состояла из отца с матерью и четырёх сыновей. Отец – Александр Александрович Яковлев (1879-1951), известный нижегородский архитектор, окончил архитектурное отделение Петербургской Академии художеств в 1903 году. Член Союза архитекторов СССР с 1933 года. Уже в студенческие годы он был замечен мэтром отечественной архитектуры профессором Александром Никаноровичем Померанцевым, с которым связана пора его профессионального становления. По приглашению А.Н. Померанцева он уехал в Болгарию, где они вместе работали на постройке собора Александра Невского в память о двухстах тысячах русских воинов, погибших при освобождении славянского народа от османского ига. Этот собор возводился в Софии по проекту Померанцева, а Яковлев в качестве помощника занимался де-

тализацией проекта и осуществлял контроль за строительством. По его проектам в Нижнем Новгороде (Горьком) построено большое количество жилых и общественных зданий: «Чернопрудинский небоскрёб», жилой квартал на углу улиц Грузинской и Алексеевской, киноцентр «Рекорд», памятник героям революции 1905 года на площади Свободы, ну и, конечно же, Чкаловская лестница, которая спускается к реке от Георгиевской башни Нижегородского Кремля.⁴

Жевакины и Яковлевы въехали в свои квартиры почти одновременно. Они познакомились и подружились. В результате моя будущая мама – Ольга Александровна Жевакина (1917-2006) вышла замуж за Михаила Александровича Яковлева. Об этом событии изложено в воспоминаниях Ирины Михайловны Яковлевой – дочери Михаила Александровича от второго брака:

«Лёля ещё раз вышла замуж, но хранила о моём отце самые тёплые воспоминания. От второго мужа – Юрия Фёдоровича Куликова – у неё родился сын Юрий. Недавно (04.07.08) жена его, Елена Хусаиновна Рахматулина, прислала мне хорошее

Михаил Александрович Яковлев и Ольга Александровна Жевакина

письмо. Хочется здесь привести её слова в точности. Она пишет, что о моём отце «очень много слышала от ...свекрови, Ольды Александровны Жевакиной, чьим первым мужем был Ваш отец. И только хорошее! Миша Яковлев для неё «был образцом человека порядочного, благородного и доброго». Вышла она за него замуж очень рано и как она мне говорила: «не по любви, а по молодости, и так как он меня с раннего моего детства очень любил и всегда опекал. Не мужчина, а мечта любой женщины. Жаль только, что я была глупа и его не любила. Но я всегда ценила его». «И даже в день развода с ней, – продолжает Елена Хусаиновна, – он подарил Ольде кольцо с бриллиантом, чтобы в случае нужды она могла его продать и тем самым поддержать себя. Согласитесь, что редкий мужчина способен на такое в день развода!»⁵

Мне кажется необходимым рассказать легенду-быль, которая характеризует Михаила Александровича. Он фактически спас брата Лёли, Сергея, у которого случился приступ гнойного аппендицита. Жевакины-Яковлевы были вместе на отдыхе в Кадницах (дачное место на Волге). Действовать надо было незамедлительно. Он разыскал грузовик и на руках в кузове, чтобы не трясти Сергея, вывез его в город. Врач, делавший операцию, сказал, что ещё бы небольшое промедление, – и тогда результат мог быть любым. Это событие произошло перед войной.

Но вот ещё одна история, уже послевоенная. Я в 1959 году готовился в разгар лета к вступительным экзаменам на радиофизический факультет горьковского университета, и во дворе наших домов встретил Михаила Александровича, который уже давно жил и работал в Ленинграде. По-видимому, он изредка приезжал в Горький по делам и зашёл проведать Гали Николаевну Жевакину. Он слегка приобнял меня и сказал: «Не посрами русскую интеллигенцию».

Наверху, на втором этаже, жила семья Пискунова Павла Ивановича (1890-1988) – доктора технических наук, профессора, заслуженного деятеля науки и техники РСФСР. Родился он в Нижнем Новгороде, в семье землемера. Брат революционера Пискунова Александра Ивановича, имя которого носит одна из улиц (бывшая Осыпная) в центре Нижнего Новгорода.

Павел Иванович окончил Петроградский политехнический институт. С 1917 по 1930 гг. Пискунов – начальник гидротехнической изыскательной партии, технический директор треста «Водоканализация», главный инженер Нижегородского губкоммунотдела. В эти годы он также преподавал (по совместительству) в Нижегородском государственном университете, а позже работал

уже в Горьковском инженерно-строительном институте (ГИСИ), пройдя должности декана санитарно-технического факультета, заведующего кафедрой водоснабжения и канализации, проректора по научной работе. Вошёл в историю ГИСИ как создатель лаборатории по водоснабжению, канализации и гидрохимии.

Однажды во двор на Больничной явилась комиссия и стала настойчиво предлагать согласиться на строительство в нашей «зелёной зоне» здания детского сада. Главный посыл властей был предельно прост – детям здесь будет хорошо. Почти все жители обоих домов при этом растерялись и не знали, что делать. Тогда Пискунов вышел к «народу» и предложил написать письмо к властям с просьбой повременить, либо вообще не строить ничего. Сам же он обещал отнести письмо, куда следует. А куда – знал только он. И представляете, – его действия помогли, и зелёные сады уцелели! Теперь о соседних домах, которые находились рядом и поэтому хорошо запомнились.

Профессор С.А. Жевакин. Справа – сцена из балета «Бахчисарайский фонтан». В роли Марии – Галина Уланова, Зарема – Ирина Жевакина.

Дома-соседи под номерами 33, 35 на улице Больничной были своеобразным «Ноевым ковчегом», на котором очутились интеллигентные и образованные люди, хранившие память о дореволюционной России и пытавшиеся сохранить «связь времён». Скоро дому исполнится 100 лет. Я живу с ощущением, что наш дом служил (и до сих пор служит!) особой точкой, в котором живут яркие и талантливые люди. Мой дядя – Сергей Александрович Жевакин (1916-2001) был известным физиком-теоретиком⁶, создавшим теорию пульсаций переменных звезд – цефеид. Эта работа вошла в золотой фонд мировой науки. Моя тётя – Ирина Александровна, была солисткой Горьковского оперного театра и танцевала с самой Галиной Улановой, приезжавшей на гастроли в наш город.

Наш дом на Больничной хранит дух его обитателей. Это место наших общих встреч и источник вдохновения, питающий всех, кто с ним связан. Живи, мой Дом, ещё много-много лет!

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Храмовский Н.И. Краткий очерк истории и описание Нижнего Новгорода. – Нижний Новгород: «Нижегородская ярмарка», 1998.

² Поджио Иосиф Викторович – декабрист, отец его итальянец, переселился в Одессу и вместе с герцогом Ришелье, Ланжероном и де Рибасом был одним из первых устроителей города. Иосиф Поджио служил в Преображенском полку и был обвинен по делу декабристов, но в Сибирь отправлен был не сразу. Причина заключалась в том, что тесть его, генерал Бороздин, хотел во что бы то ни стало развести его. Целых 8 лет Поджио содержался в тюрьме, ничего не зная о своей семье, а жена в свою очередь ничего не знала о муже. Только после

того как жена Поджио вышла замуж за другого, он был отправлен в Сибирь, но приехал туда с надломленным здоровьем, страдая скорбутом. Умер в 1840-х гг.

³ Рукавишникова И.С., Рукавишникова Т.С. «История нашего дома», рукописные воспоминания.

⁴ Орельская О.В., Яковлева И.М. Архитектор Александр Александрович Яковлев (ст.). Нижний Новгород: Кварц, 2018.

⁵ <http://sundry.vmsite.ru/mojagenealogija/papa-rodnoj-moj/>

⁶ Куликов Ю.Ю., Троицкий Р.В. Разгадавший тайну цефеид. Природа, 2006, №8.

М.Н. Бочкарев

ИЗ КНИГИ «ВОСПОМИНАНИЯ»

ГОДЫ ВОЙНЫ

Мои первые воспоминания относятся к поздней осени 1941 года, мне не было ещё трёх лет. Темно, холодно, слабый свет тусклых лампочек, темно-зелёные стенки вагонов поезда, кругом какие-то люди в шинелях с мешками за плечами, рядом с ними женщины в тёмных пальто, некоторые с детьми. Рядом мама и отец в такой же шинели. Гудок паровоза, поезд трогается, движется все быстрее, а мама машет ему вслед, другой рукой сжимает мою руку, и не плачет. Мама никогда не плакала, я такого не помню. Уже будучи взрослым, сопоставив даты и события, понял, что это мы с мамой провожаем отца на фронт.

Дальше – уже отчётливые воспоминания нашей квартиры, занимавшей почти половину второго этажа в двухэтажном каменном доме в верхней части улицы Большая Покровская. Тогда она называлась улица Свердлова. До революции оба этажа принадлежали моему деду Фёдору Гордеевичу, отцу моего отца. Он и его жена, моя бабушка Надежда Дмитриевна, имели образование акушеров и были владельцами частного родильного дома, который занимал первый этаж. После революции родильный дом был закрыт, помещения реквизированы. Семье деда, имеющего пять человек детей, оставили одну квартиру на втором этаже, правда, довольно большую: четыре комнаты и большой широкий коридор с отростком. В коридор выходили двери всех комнат и дверь в туалет – почему-то с двумя ступеньками. В самой большой комнате жила жена младшего брата отца с сыном – мальчишкой немного младше меня. Этого моего дядю я совсем не помню. Он ушёл на фронт так же, как и отец, в конце 1941, и уже через несколько месяцев погиб. В ещё одной комнате жила жена старшего брата отца – Дмитрия, тоже с сыномевой на год старше меня. Этот мой дядя прошёл всю войну, вернулся, работал начальником планового отдела на заводе «Теплообменник» и пережил отца на десять лет. Мы с мамой занимали две самые маленькие комнаты: обе в виде пеналов с одним окном, выходящим в большой двор. В коридоре стоял большой квадратный стол у окна, на котором помещались три керосинки. Один раз, играя с братомевой, я нечаянно опрокинул на себя кастрюлю с кипящей водой. К счастью, обварился не очень сильно. Мама была дома и сразу приняла меры, так что следов на коже не осталось. А вот в другой раз, в другой игре в коридоре я упал и сильно ударился лбом о лезвия лежащих на полу коньков. Ранка получилась довольно глубокая, шрам от неё остался на всю жизнь.

Но самым ярким в прямом и переносном смысле воспоминанием из того времени остался пожар. Из наших двух комнат одна была спальней. Там стояла кровать родителей и моя маленькая, детская. В другой комнате вдоль одной стены стоял буфет и диван с откидными валиками и непременно фарфоровыми слониками на полочке. Напротив, вдоль другой стены, стоял стол и книжный шкаф. Между мебелью от окна к двери оставался узкий проход, по которому можно было пройти только боком. В те годы магазинов, набитых одеждой всевозможных фасонов и качества, в стране не было. Купить даже самое простое пальто было большой проблемой. Пальто, костюмы, платья люди шили у знакомых портных из материалов, которые удавалось где-то раздобыть. У мамы была задумка сшить зимнее пальто, и большой, мягкий пук ваты, купленный у подруги, лежал на книжном шкафу, занимая всё пространство до потолка. В тот вечер отключили электричество, как это нередко случалось в те тяжёлые годы. Все привыкли к этому и имели на такой случай свечи. Вот и у нас была такая свечка. Мама ставила её, приклеив расплавленным парафином на блюдечко, на верхний угол книжного шкафа так, чтобы освещалась вся комната. Вот и в тот раз она зажгла свечку и поставила её на шкаф, забыв, что там лежит вата. Весь огромный ком сразу вспыхнул. Чтобы потушить этот пылающий шар, мама не задумываясь сдёрнула его со шкафа, он упал на диван и на пол, в проход между шкафом и диваном. В этот момент я стоял у окна, а мама у дивана со стороны двери, так что мы оказались разделёнными пылающей ватой. Мне никак было не вырваться из этой ловушки, и мама тоже не могла ко мне пройти. Не помню, чтобы я сильно испугался и закричал. Просто стоял и смотрел, прижавшись к окну. Наверное, я был слишком мал и ещё не мог понять ужаса своего положения. Но мама, моя любимая, смелая и все умеющая мама выскочила в коридор, схватила стоящий на керосинке, по счастью наполненный водой, трёхлитровый чайник и вылила его на вату, потом схватила половик и накрыла им поникшее

пламя. Пожар был потушен, но тлеющую вату ещё долго пришлось заливать водой. Все произошло так быстро, что наши соседи-родственники заметили аварию только когда запах тлеющей ваты проник в коридор.

Через несколько месяцев мы переехали в другую квартиру на улице Звездинка, в тот самый дом, где полвека назад у чертёжника работал мальчиком на побегушках будущий классик Алексей Максимович Горький. И дом, и мемориальная доска на нём сохранились до наших дней. Квартира бывшего чертёжника была на втором этаже, а наши две комнаты под ней – на первом. Все четыре окна, примыкающие к подъезду, выходили на улицу. Звонок у входной двери не работал, и все, кто к нам приходил, стучали в окно, чтобы мы открыли дверь. Обе комнаты были значительно больше, чем прежние и там, кроме старой мебели, разместились двухэтажный буфет с точёными украшениями, шифоньер и большой письменный стол с пузатыми ножками и фигурными бронзовыми ручками на ящиках. На столе стоял старинный, тоже бронзовый, чернильный прибор из семи предметов на подставках из чёрного мрамора. В их число входили два подсвечника, держатель для коробки спичек, держатель непонятного назначения в виде маленькой стопки, большой колокольчик для вызова прислуги, большой конический стакан для ручек и карандашей и, главное – чернильный прибор в виде двух массивных кубических чернильниц из прозрачного стекла с крышечками, на такой же чёрной мраморной подставке. За чернильницами на подставке был укреплён кованый (тоже бронзовый) якорь, обвитый канатами. Конечно, новая квартира была больше и лучше, но имела свой недостаток: наружная стена, хотя и была толщиной больше полуметра, в зимнее время постоянно отсыревала. Как объяснил нам инженер-строитель, дом был построен без гидроизоляции. Я ходил в детский сад, размещавшийся в небольшом старинном здании на улице Полевой (ныне улица Горького). От нашего дома до садика через проходной двор было совсем близко, и иногда, когда мама опаздывала на работу, (что считалось преступлением), она отпускала меня одного, даже зимой в предрассветной темноте, и даже несмотря на то, что мне приходилось переходить улицу с машинами. Машин, правда, было очень мало. А вот домой одного меня воспитательницы не отпускали. Мама работала врачом (потом главным врачом) в больнице завода «Красная Этна». Это было далеко от дома, в заречной части, добираться туда можно было только на трамваях с пересадками. Трамвай часто не ходили, особенно в зимнее время, и маме приходилось часть пути преодолевать пешком через замёрзшую Оку. Нередко она не успевала к закрытию садика, и я сидел один в коридоре у раздевалки, слушая недовольное ворчание воспитательниц, которым хотелось попасть быстрее домой к семье и детям.

Вскоре после того как мы переехали на новую квартиру, начались бомбёжки. Бомбили в основном Автозавод и Сормово, но иногда бомбардировщики по ошибке или специально сбрасывали свой смертоносный груз в центральном районе города. Помню, однажды бомба попала в здание, соседнее с нашим домом на улице Свердлова. Позже мы с мамой ходили посмотреть на оставшиеся развалины.

В Звездинском сквере практически во всю его длину было выкопано бомбоубежище – длинная низкая нора со скамейками вдоль стен, слабыми лампочками под потолком и деревянными дверями на выходе. Убежищем в настоящем смысле его, конечно, назвать было трудно, но это была всё-таки какая-то защита. Бомбардировки почти всегда случались по вечерам, когда уже становилось темно. Изо всех репродукторов дома и на улице доносилось: «Внимание, воздушная тревога! Внимание, воздушная тревога!» После этого раздавался вой сирен, от которого становилось страшно. Все бежали к бомбоубежищу и там, застыв на скамейках, напряжённо прислушивались, где упадёт и взорвётся. Поскольку взрывов рядом не было, люди быстро привыкли и к вою сирен, и к отдалённым раскатам. При звуке сирен мы с мамой и наши соседи по квартире уже не бежали в холодное, сырое бомбоубежище, а выходили на крыльцо, наблюдая далёкие отсветы взрывов, перекрещивающиеся лучи прожекторов и слушая гул пролетающих самолётов и звуки стрельбы зениток.

С едой было плохо, очень плохо. Хлеб по карточкам и по очень маленькой норме. Начало зимы. Вечер. Мама ведёт меня, закутанного в шерстяной платок, к бабушке Надежде Ивановне, маминой маме, попить чаю с сахаром, узнать, есть ли какие-нибудь вести от мужчин с фронта. Бабушка, её старшая дочь Таня, жена сына Вера с дочерьми впятером жили в большом деревянном доме на площади Первого мая (ныне площадь Горького). Никакого сквера на площади не было, пешеходы переходили её свободно в любом направлении. На месте бабушкиного дома теперь многоэтажное здание, в котором (в начале 1990-х годов) был открыт первый в городе супермаркет. Проходим наискосок площадь мимо «Дома связи», и вдруг мама останавливается и нагибается, стараясь что-то рассмотреть на мостовой,

тогда ещё булыжной, а не асфальтовой. Фонари светят слабо, но разглядеть можно – это же картошка! Штук десять небольших картофелин лежат вмёрзшие в тонкий ледок, никем не замеченные. Непонятно, откуда они взялись, наверное, просыпались из дырявого мешка с проезжающего грузовика. Ну, да это и не важно. Главное, что они есть, – а значит, есть вкусный ужин. Мама быстро сбегала домой, принесла сумку и молоток, чтобы разбить лёд, и мы вернулись домой с нашей находкой. А там мама на электроплитке поджарила несколько штук на подсолнечном масле, оставив остальные для бабушки. Было так вкусно!

Так прошло четыре тяжёлых года... И вот – победа! Этот день – шум, смех, суета. Мы с мамой идём по Свердловке в потоке людей, как на демонстрации, все обнимаются, целуются, кто-то плачет.

ВЕНА 1945

Май сорок пятого застал отца в Риге. В звании майора он командовал подразделением, обеспечивающим поставку в передовые части боеприпасов, снаряжения, питания. Начался новый этап нашей жизни. Отца, как имеющего высшее аграрное и экономическое образование, назначили начальником плано-экономического отдела Советского сектора Союзнической комиссии по Австрии (СКА). Командование Советского сектора, также как и командование американского и английского секторов, находилось в Вене. Офицеры с семьями жили в одной из лучших гостиниц – «Гранд-отеле» – большим пятиэтажным зданием на центральной улице Рингштрассе. Напротив и наискосок в отеле «Империал» размещался офис командования Сектора. Туда каждый день по утрам отец уходил на работу, потом возвращался в отель на обед и снова уходил. Дорога занимала пять минут. Через два дома от «Гранд-отеля» в гостинице «Бристоль» жили и работали представители американского и английского секторов. Война только завершилась, и было ясно, что оккупация Германии и освобождённых от фашистов государств быстро не закончится. Командование разрешило офицерам привозить свои семьи из Советского Союза. Отец за нами приехал в начале зимы 1945 года. Помню, уже было холодно и выпал первый снежок. До Москвы ехали на поезде в плацкартном вагоне. Так случилось, что родственник наших соседей – боевой лётчик-истребитель, для прохождения дальнейшей службы тоже был направлен в Австрию, в авиационный полк, размещённый в 50 километрах от Вены, и должен был прибыть по месту службы в одно время с нами. В те дни для гражданских, рядовых и младших офицеров достать билеты на поезд было почти невозможно, и отец помог ему пробраться в наш вагон без билета. Он ехал в нашем купе на третьей полке, прячась от проводника. Молодой весёлый парень, Лёша (так звали лётчика) мне очень понравился, и мы подружились. Позднее, когда он изредка приезжал к нам с аэродрома в гостиницу, я очень радовался и не отходил от него.

Следующий участок пути Москва – Вена предстояло лететь на самолёте. Никаких пассажирских рейсов, естественно, не было. Посадив нас с мамой на скамейку в здании аэропорта, отец пошёл узнавать, как нам попасть на самолёт. Используя полученные от командования документы, он сумел добыть нам три места в военном самолёте, улетавшем в Вену на следующий день. Ночь мы провели в какой-то избе в деревне, находившейся рядом с аэродромом. На другой день утром наш двухмоторный «Дуглас» поднялся в воздух, имея на борту трёх пассажиров и какой-то груз. Для меня даже поездка на поезде, первая в жизни, была совершенно необычным событием, а уж полет на самолёте казался просто сказкой. Правда, через некоторое время у меня вначале заложило, а потом сильно заболели уши. Маме тоже стало плохо, но скоро у нас все прошло, и меня даже не укачало. Позднее, когда я подрос и стал что-то понимать, она объяснила мне эту историю. Наши кресла в самолёте располагались в первом ряду, перед перегородкой, отделяющей багажно-пассажирскую часть от кабины пилотов. Над дверью в кабину был вмонтирован альтиметр, так что пассажиры могли видеть высоту, на которой летит самолёт. В начале полёта командир вёл самолёт на высоте 3000 метров. На такой высоте часто встречаются воздушные ямы: самолёт то проваливается на несколько метров, то взмывает вверх. При таком режиме непривычных пассажиров часто укачивает, начинается тошнота, рвота и даже могут быть обмороки. Чтобы выровнять полет, лётчики поднялись на высоту в 5000 метров. Трясти действительно почти перестало, но давление упало и стало трудно дышать. Мы всё-таки летели не на современном комфортабельном «Боинге», а на армейском транспортном «Дугласе». Штурман выглянул в салон проверить самочувствие пассажиров и увидел, что мама сильно побледнела. Он быстро вернулся и,

очевидно, доложил командиру. Самолёт плавно снизился на прежнюю высоту, и мы через три часа благополучно приземлились на венском аэродроме. Поджидавший здесь «Форд-8» с водителем-солдатом быстро доставил нас к «Гранд-отелю». По обе стороны от входа с невиданными нами раньше стеклянными вращающимися дверьми стояли два солдата с автоматами и у всех входящих проверяли пропуск. Часовые у парадного и хозяйственного входов «Гранд-отеля» и «Империаля» стояли все годы, пока наши войска находились в Австрии. Угроза действительно существовала – далеко не все австрийцы радовались пребыванию русских. К тому же было известно, что через Австрию на запад пробиваются недобитые части бандеровцев. По этой причине всякий раз, выезжая за город на пикник с семьями или на рыбалку, офицеры брали с собой оружие.

Всё, что мы увидели внутри, поразило не только меня, но и родителей. Огромный холл, стены и подпирающие потолок квадратные колонны отделаны дубом и мрамором. У одной стены на возвышении длинный стол, закрытый снизу деревянными панелями. За столом стоит портье в форме с галунами. Сзади него во всю стену доска с крючками, на которых висят ключи от номеров. Каждый ключ вставлен в массивную овальную пластину с номером комнаты. Такой ключ унести с собой случайно не получится. Отец назвал уже известный ему номер, и портье подал ключ. Несколько шагов, и мы подошли к лифту. Нам на второй этаж (по европейским правилам – первый), но у нас вещи, поэтому едем на лифте. Лифт – как квадратная комната со стеклянными стенками и такой же дверью. Около двери стоит лифтёр (тоже в форме) и жестом приглашает нас войти внутрь. Заносит за нами вещи, закрывает дверь и поворачивает по кругу с цифрами большую блестящую медную ручку. Лифт трогается и скользит вверх по шахте внутри широкой винтовой лестницы. Прозрачные стены позволяют видеть и проплывающие этажи, и людей, спускающихся или поднимающихся по ступенькам. Вот наш этаж. Выходим в широкий коридор, такой длинный, что его конец плохо просматривается в сумраке. Но наш номер совсем близко. Здесь некоторое разочарование – по размеру номер небольшой, внутри стол, два стула, двуспальная кровать и раковина для умывания. Единственное окно выходит в маленький технический двор внутри здания. Душ и туалет в коридоре через две двери. Позже мы узнали, что это один из самых плохих, дешёвых номеров, и оказались мы в нём случайно из-за неразберихи и незнания ситуации капитаном, ответственным за размещение прибывающих семей. Через несколько дней мы переместились в другой номер побольше, на этом же этаже. Теперь окно выходило на улицу.

Неразбериха постепенно устранялась, и через месяц мы опять переехали в другой номер. Снова на втором этаже, но номер был огромный (примерно пятьдесят квадратных метров), с большой ванной комнатой с матовым окном, где была ванная, тоже очень большая, душ, два умывальника, невиданное раньше биде и туалет. В комнате два стола, на одном настольная лампа, на другом хрустальная ваза для фруктов, трюмо на туалетном столике, два шифоньера, два кресла, два стула, торшер, две кровати с прикроватными тумбочками и широкая низкая софа, на которой отец любил подремать 15 минут в обеденный перерыв. На паркетном полу практически во всю комнату толстый ковёр. В ванной комнате мама пристроила на каком-то ящике электроплитку и на ней готовила нам обеды и ужины. Конечно, в отеле был ресторан, но часто ходить туда было накладно, несмотря на хорошую зарплату и отца, и мамы, которая стала работать врачом в организованном для офицерского состава медицинском пункте. В этом гостиничном «рае» мы прожили целых шесть лет: я даже запомнил, что это был номер 156. Я называл его на немецком портье, когда один возвращался с улицы. Отец пробыл в Австрии на год дольше, до ликвидации Союзнической комиссии.

Жизнь нашего относительно небольшого советского сообщества в Вене была совсем не похожа не только на жизнь в Горьком, но и на жизнь советских семей в построенных нашими солдатами городках в ГДР и других городах восточной Европы. Такой жизни нигде больше не было и, наверное, не будет. Конечно, после окончания войны все в России постепенно налаживалось, исчезли хлебные карточки, появились конфеты, даже пирожные, а в рыбных отделах стояли банки с чёрной паюсной икрой и крабы, которые никто не покупал, несмотря на смешную по нынешним меркам цену. Да, какие-то продукты и товары появились, но никуда не исчезли длинные очереди, «дефицит», спекулянты и «доставалы». В Восточном Берлине, ГДР, Чехословакии и у других союзников СССР, ситуация на продуктовом и вещевом рынках была заметно лучше. Но и там начали строить социализм со всеми сопутствующими проблемами. Советские войсковые части были большими, семьи офицеров жили замкнуто, обособленно в своих городках, контактов с местным населением практически не имели. Это были маленькие кусочки Советского Союза.

В Австрии все было по-другому. Нейтральное капиталистическое государство, никто социализм не строит. Мы – русские, не оккупанты, а, скорее, не очень желательные гости, которых приходится терпеть. Все сообщество русских – человек двести вместе с семьями, Все друг друга знают. Кто-то дружит, кто-то совсем наоборот, как в любом коллективе, где люди постоянно работают и живут бок о бок. Такая жизнь неизбежно способствовала контактам россиян с австрийцами – посещению магазинов, мастерских, кафе, просто прогулкам. То есть все время на виду у иностранцев, к тому же, кроме австрийцев, нередко на улице можно было встретить американца или англичанина. Поневоле большинство россиян стало осваивать немецкий язык. Особенно быстро это удавалось детям. Уже через год я мог говорить простые фразы и объясняться с портье и лифтером. Чтобы не создавать у европейцев негативного представления о «варварах» – русских, командование отбирало для работы в СКА проверенных, имеющих (желательно) высшее образование офицеров. За их поведением постоянно осуществлялся контроль. Запомнилось, как одного капитана с семьёй выслали в 24 часа за то, что он продал какую-то вещь австрийцу, а другого за то, что патруль заметил его пьяным на улице. Вена, также как вся Австрия, была разделена на зоны – советскую, американскую и английскую. Заходить нашим в зоны союзников не запрещалось, но не рекомендовалось – могли быть провокации. Город жил обычной довоенной жизнью. Работали музеи, открылась знаменитая Венская опера, хотя оставались разрушенные бомбами здания. Наполненные товарами магазины ждали редких покупателей. Обслуживание покупателей продавцами было совсем непривычно для советских. В своих походах по магазинам мама брала меня с собой, особенно в первое время, и мне запомнилось, как она смущалась, когда в обувном магазине перед ней, сидящей в кресле, продавщица становилась на колени и примеряла одну за другой туфли разных фасонов. Особенно скучно мне было в магазинах, где продавали материю, и мама с женой капитана первого ранга (были в составе СКА представители всех родов войск), с которой она особенно подружилась, подолгу выбирали себе отрезки на платья. Но зато в другом магазине, на Кертнерштрассе, я мог пробыть очень долго, забыв обо всем. Это был магазин игрушек. У нас дома ничего даже отдалённо похожего не было, да и магазинов таких не было. Самым притягательным на полках были заводные машинки разных моделей и размеров, среди них были даже танки. У машинок рулём можно поворачивать колеса, переключать скорости. Немного позднее появились совсем фантастические машинки на батарейках, управляемые с пульта, правда, связанного с машинкой проводком. Были, конечно, и оловянные солдатики в разной военной форме и разных позах – стоящие, марширующие, лежащие, стреляющие из винтовок и всякие другие. По фасону и цвету формы, явно перекрашенной, солдатиков невозможно было отнести к советской или немецкой армии, но на флаге у знаменосца сквозь жёлтую краску отчётливо проглядывала свастика, что грозило хозяину магазина серьёзными неприятностями. Эти солдатики с флагами довольно быстро исчезли с прилавка. Был ещё один магазин, куда я все время тянул родителей. Это был зоомагазин, но особенный – там продавали коллекции высушенных насекомых со всего мира. Меня, сколько я себя помню, всегда привлекало все живое, – жуки, бабочки, ящерицы, лягушки. Одна зелёная квакша жила у меня в трёхлитровой банке в номере несколько месяцев. Я наложил туда травы, листьев и ловил для неё мух. Потом родители, которым надоело это соседство, выпустили её в парке, сказав мне, что ей нужно к своим детишкам. Этот магазинчик мы нашли случайно, гуляя в воскресный день по соседним улицам. Родители по неосторожности объяснили мне, как засушивают насекомых и собирают из них коллекцию. С этого момента они получили ещё одну статью расходов и постоянные надоедания сына, упрашивающего сходить в магазин и купить ещё одного жука или бабочку. Я, конечно, и сам пытался ловить и засушивать насекомых, но это оказалось совсем непростым делом. К тому же жуки и бабочки в Австрии, обычные по размеру и расцветке, почти такие же, как у нас на родине. А вот в магазине, в коробочках под стеклом, приколотые на длинных булавках, красовались бабочки с крыльями размером с две ладони взрослого человека, они переливались красками, если их поворачивать – сверху светло-голубые или синие, снизу перламутровые. Коричневые жуки размером с кулак, с огромными рогами, казались совсем живыми. На каждой булавке под насекомым была наколота бумажка с названием на латыни и страны, откуда его привезли. Это были в основном Бразилия, Африка, Индия и Австралия. Стоили эти насекомые как хорошие туфли. Были, конечно, экземпляры подешевле, но значительно мельче. В первое же посещение этого магазина родители купили мне большую коробку со стеклом для бабочек и такую же поменьше для жуков. Чтобы приобщить меня к коллекционированию, они купили ещё двух мелких бабочек, тоже из далёкой Африки, и небольшого жука. Я действительно начал ловить и

накалывать на булавки всех насекомых, которые попадались в парках или на природе, куда офицеры с семьями иногда выезжали на отдых. Коллекция пополнялась, но это было совсем не то. Я мечтал о необыкновенных созданиях, которые были выставлены на витринах в магазине, и, конечно, все время приставал к родителям, чтобы они мне что-то купили для коллекции. Иногда мне это удавалось. Отец шёл со мной в магазин и покупал какого-нибудь небольшого жучка или бабочку. Обратную дорогу я плакал, потому что мечтал совсем о другом. Придя домой, я со слезами рассказывал маме, каких необыкновенных бабочек я видал, но папа их не купил, потому что они дорогие. Как правило, мама, несмотря на ворчание отца, брала меня за руку, и мы шли назад в магазин, где она покупала мне мою мечту. Постепенно собралась действительно приличная коллекция редкостных бабочек и жуков. Эти две коробки приехали с нами в Горький, и долгие годы висели на стене в квартире на Звездинке, удивляя наших гостей. Постепенно хрупкие бабочки разрушились, а вот жуки остались, и до сих пор живут у нас, напоминая мне о детстве.

В первые же месяцы нашего приезда в Вену (в конце 1945 года) руководство СКА, может быть, по команде сверху, озаботилось обучением детей, приехавших вместе с матерями к своим отцам. Русских школ, конечно, в Вене не было, но поскольку все советские дети должны учиться, такая школа была срочно организована. Учеников первого и второго классов (старшеклассников привозить в Австрию не разрешалось) набралось человек 20. Всех объединили в одну группу и занятия проводились в одной комнате огромной квартиры или какого-то учреждения, реквизированного у австрийцев. В те годы проблем с помещениями у советских военных не было. Они забирали то, что было нужно, хотя, конечно, согласования с правительством и городской администрацией проводились. Когда набирали учеников в новую школу, мне ещё не было семи лет, но поскольку детей не хватало, да и набор учащихся на следующий год был под вопросом, родители решили меня тоже отдать учиться. Здание, где размещалась наша школа с единственным классом, находилось на Гусхаусштрассе минутах в двадцати ходьбы от «Гранд-отеля». И в школу, и из школы я ходил один, никакой опасности не было. Дорога моя проходила мимо разрушенного здания (почему-то эти следы войны долго никто не восстанавливал) и знаменитого монументального мемориала советским воинам-освободителям. Нам всем ученикам пошили форму – темно-синие пиджаки и брюки. И ещё была фуражка армейского образца с козырьком. Подробно пишу о форме, потому что из-за этой фуражки у меня время от времени случались конфузы. На моей дороге, на стене одного из домов висел почтовый ящик на уровне моей головы, нередко идя домой, я забывал о нем, а козырёк фуражки не давал его увидеть вовремя. В результате я ударялся лбом об этот ящик и плюхался перед ним на землю, забавляя прохожих.

Учёба давалась с трудом – всё-таки я был ещё маловат, да и учительница, обязанности которой выполняла одна из жён офицеров, не имела педагогического образования и не могла дать мне нужных навыков. Мама со мной мучилась по вечерам, заставляя выписывать палочки, крючки в тетрадку по линейкам и заучивать алфавит. Недостатки трёх первых лет обучения сказывались на моей грамотности в течение многих лет, несмотря на героические усилия моей бабушки – заслуженной учительницы, имеющей орден Ленина, и её подруги, такой же заслуженной учительницы, у которой я стал учиться в четвёртом классе, вернувшись в Горький. По той же причине плохого начального обучения, самостоятельно читать я начал поздно, но потом это занятие стало для меня любимым. Наткнувшись случайно на понравившуюся мне книгу, я находил в библиотеке (бабушка записала меня в очень хорошую библиотеку Дома учителя) или брал у знакомых полное собрание этого писателя и проглатывал целиком. Приобщил меня к чтению отец, когда я ещё толком не умел и не хотел сам читать. По вечерам мы ложились с ним на нашу широкую тахту, и он читал мне Киплинга, Марка Твена, Майн Рида, а позднее – Джека Лондона. Я мог слушать часами, и, конечно, ему это надоедало, но нам с мамой всегда удавалось его уговорить.

У нас подобралась компания – семь мальчишек моего возраста. Мы устраивали игру в партизаны, устроив штаб в большом подвальном помещении под рестораном. Там хранились запасные столы и стулья на случай многолюдных банкетов. Из этой мебели мы сооружали потайные ходы и блиндажи, пока нас оттуда не прогнали. Был среди нас мальчишка постарше, и он однажды предложил нам попробовать пива. Мы много раз видели, как бутылки с пивом приносили из кухни и подавали на столы официанты в белых пиджаках и перчатках. Шиллингов у нас не было, но у этого мальчишки, который был в нашей компании новым, потому что недавно приехал к отцу из СССР, оказалось два или три советских рубля. Мы подкараулили официанта и на пальцах объяснили ему, что хотим купить бутылку

пива за рубли. Он нас прекрасно понял и подозрительно посмотрел на маленьких русских мальчишек, которые интересуются пивом. Сначала он стал энергично отказываться, но потом желание иметь русские деньги взяло верх. Или, может, официант подумал, что у русских дети тоже пьют пиво. Во всяком случае, он принёс две бутылки. Однако пиво нам сильно не понравилось.

Другим развлечением было катание на велосипеде по тихим улицам сзади отеля. Практически у каждого из нас был настоящий взрослый велосипед, который родители покупали для себя, но редко им пользовались. У тех, кто был поменьше ростом, короткие детские ноги с седла не доставали до педалей, но мы наловчились крутить педали, просовывая одну ногу через раму. Иногда, подражая взрослым, мы укладывали в сумки бутерброды и ехали на пикник за полкилометра в парк дворца Хофбург – бывшей летней резиденции австрийских правителей. В те годы дворец использовался как «Дом офицеров». Там был прекрасный большой спортзал, куда нас иногда водили из школы на занятия физкультурой, и огромный зал, где проводились торжественные собрания офицеров по случаю праздников. На правом крыле здания по фасаду был балкон, с которого, как говорили местные жители, выступал Гитлер. В балкон попала бомба, так что он был наполовину разрушен. В центре парка лежал гигантский валун с плоской вершиной. Мы забирались на этот камень и поедали там свои бутерброды. Никто нас не прогонял и даже не замечал.

В середине лета нас, школьников, отправляли в лагерь. Лагерь размещался в вилле, реквизированной по причине отсутствия её хозяев, сбежавших на запад от наступающих советских частей. Вилла – красивое двухэтажное здание с большой террасой и подземным гаражом, стояла в ряду других роскошных вилл с краю примыкающего к городу огромного известного парка «Пратер». По шесть комнат с ванной и туалетом на каждом этаже, широкие коридоры и большой встроенный балкон. Вокруг здания был разбит сад, занимавший не меньше гектара. В саду сливы, абрикосы, персики, одна яблоня, кусты смородины, крыжовника и, конечно, могучий каштан, под корой которого я ловил жуков-оленей. В центре сада бассейн размером с половину волейбольной площадки. Сбоку от дома насыпана декоративная альпийская горка, засаженная какими-то кустами, со скамейкой наверху. На склоне этой горки в траве мы раскопали целую россыпь стреляных автоматных гильз. По-видимому, здесь шёл бой, и кто-то отстреливался.

Для нас были сделаны качели, гигантские шаги и волейбольная площадка, хотя мы были ещё малы для волейбола. В остальном все оставалось так, как было при прежних хозяевах. С нами были медсестра и две воспитательницы, которые нами почти не занимались. Лишь иногда они собирали нас в одной комнате и показывали на большом экране диапозитивы с картинками из сказок, которые мы уже все знали наизусть. Предоставленные сами себе, мы разбрелись по большому саду, и развлекались как могли. Иногда мы убегали через незапертую калитку в парк, а там, совсем недалеко от нашего края, находилось не очень большое, но глубокое озерко. В тёплую погоду мы, безнадзорные, там купались, подвергая себя большой опасности. Почти все, в том числе и я, не умели плавать и научились именно в этом озерке. А ещё, в этом озерке, заросшем по берегам кувшинками, водились американские карасики (так называл их отец) – жёлто-красные рыбки размером с ерша. Выпросив у родителей крючки, леску и поплавки, мы сооружали удочки и ловили этих карасиков. Иногда я приносил две-три штуки домой, и мама мне их поджаривала. Однажды на берегу к нам подошли австрийские мальчишки и жестами показали, что могут нас научить правильно привязывать крючки. Ничего не подозревая, я дал им свои крючки и леску, они взяли и убежали. Это был первый и, к сожалению, далеко не последний в жизни случай, когда я столкнулся с обманом. На следующее лето воспитатели поняли свою ошибку или учли замечания родителей, и уже не позволяли нам выходить за ограду сада. Ворота и калитка все время оставались запёртыми.

Все лагерное время я сильно скучал по родителям, и каждое воскресенье с утра торчал у ворот, вцепившись в решётку забора и высматривая на дороге долгожданный мотоцикл. Этот маломощный, но вполне надёжный, мотоцикл австрийской марки «Пух» отец, страстный рыбак, купил в первый же год для поездок на рыбалку на ближние озера. На нём они с мамой в выходной день приезжали на час-полтора, чтобы проведать меня и привезти разных фруктов, хотя нам и так их давали в избытке, а сливу, абрикосы и персики мы сами рвали с деревьев.

Но месяц кончался, дети возвращались домой, и начиналась обычная жизнь. Самым интересным в этой жизни были поездки с отцом на охоту и рыбалку. За два квартала от «Гранд-отеля» находился гараж с десятком машин для деловых поездок офицеров СКА. Почти все машины, кроме лендлизов-

ских «виллисов», были трофейными. Среди них были разные марки – «Мерседес», «Опель-капитан», «БМВ», «Форд-8», «Шевроле», «Бьюик», «Татра». После советского однообразия из «эмок» и «зисов», такой выбор казался совершенно удивительным. Практически каждую неделю в субботу в кабинетах «Империял-отеля» начинались совсем не деловые разговоры. Офицеры договаривались, куда ехать, на каких машинах, какие брать снасти или какие патроны набивать – на зайца или на косулю. Для охоты или рыбалки в Австрии, так же как и в других европейских странах, требовалось покупать лицензию, но такой закон на освободителей – «захватчиков» не распространялся. Охотились и ловили, где хотели, за исключением частных хозяйств по разведению карпа, хотя и тут были варианты. Отец часто брал меня с собой. Выезжали на двух-трёх машинах с водителями-солдатами. Ехать на одной машине было опасно: при серьёзной поломке, что изредка случалось с подержанными трофейными машинами, сообщить в гараж или в отель и попросить помощь было очень трудно. На рыбалку выезжали в Альпы, где в хрустальных горных реках ловили форель. Я ещё был мал, и большую удочку мне держать было тяжело, но отец купил мне поменьше, и я с азартом закидывал её в водопады и бурлящие перекаты. Иногда удавалось вытащить небольшую красивую рыбку с разноцветными пятнышками по бокам. У отца, конечно, уловы были не такие. Приехав домой, он вываливал добычу в раковину умывальника, и рыба заполняла её до краёв. Маму совсем не радовало такое количество, потому что чистить, жарить и варить рыбу приходилось ей.

Но однажды я поймал рыбку, больше, чем все папины. Была организована большая поездка с семьями на далёкое горное озеро Лунцерзее – известное, но довольно труднодоступное туристическое место. Извилистая дорога длиной километров в 150 выматывала и укачивала, но, приехав на место, никто не жалел о перенесённых неудобствах. Огромное овальное озеро с прозрачной, как стекло, водой со всех сторон окружено высокими покрытыми лесом горами, по берегам альпийские луга с необыкновенным ароматным разнотравьем. Рядом небольшой замок и дом для приезжих. В этом замке, в огромном зале с высоченным сводчатым потолком для нас – редких в те годы туристов, по заказу был накрыт стол с традиционными австрийскими блюдами с таким же традиционным сухим вином.

С утра любители рыбалки отправились на берег. Некоторые взяли лодки на находящейся рядом с гостиницей лодочной станции. Отец тоже взял лодку, и мы отправились на поиск крупной добычи. Все знали, что здесь, в озере, форель значительно крупнее, чем в реках, и может достигать двух и больше килограмм. Мне было интересно разглядывать каменистое дно, хорошо видимое на глубине нескольких метров. Но надежда разглядеть ещё и рыбу, не оправдалась. Не попадалась она и на червяка и на блесну, которую отец забрасывал в разных местах и на разной глубине. Проплавав так до обеда, когда был намечен отъезд домой, мы вернулись на лодочную станцию. Отец стал собирать и упаковывать наши рыбацкие снасти, а я от нечего делать, забрался на причал и увидел, что под мостками ходят в воде большие рыбины. Я забросил удочку, которую отец ещё не успел сложить, рядом с привязанными лодками, и сразу же почувствовал рывок. Ничего не помня о правилах вываживания крупной рыбы, о которых мне рассказывал отец, я дернул удилище, и из воды вылетела серебристая рыбина. Мне повезло – тонкая леска не оборвалась, и добыча, изгибаясь, запрыгала по прибрежной гальке. Это оказалась форель, и весила почти килограмм!

Интересны переплетения человеческих судеб. Так случилось, что 50 лет спустя, по приглашению моего знакомого профессора Колорадского университета Кортланда Пьерпонта я приехал к ним с лекцией о наших достижениях в химии лантаноидов. В нашем разговоре после лекции за обедом я, не помню уж по какому поводу, упомянул про Лунцерзее, и он, обрадовавшись, сказал, что тоже побывал несколько лет назад в этом удалённом и малоизвестном туристическом рае. Кажется невероятным – два человека с противоположных сторон земного шара побывали в одном, далёком для каждого и совершенно необычном месте.

Охотой раньше отец не занимался, но здесь, в Вене, где почти все его друзья-офицеры имели ружья и регулярно выезжали в поля на зайцев или в горы на косуль, он поддавался уговорам и купил ружье-двустволку известной фирмы «Ферлах». В первый же выезд ему повезло, и он подстрелил косулю. С тех пор отец стал заядлым охотником. Купил дробь разных размеров, порох, гильзы, пыжи, приспособление для набивки патронов и, как все его друзья, по вечерам занимался снаряжением припасов на маленьком столе под лампой, а я с интересом наблюдал. Убитую косулю охотники притащили к нам в номер, положили в ванной комнате, где, после небольшого отдыха, отец с маминной помощью её освеживал. Раньше они, конечно, этим делом никогда не занимались, но справились. Хорошие

куски козьего мяса раздали друзьям и знакомым. Остальное передали на кухню ресторана. Там же попросили зажарить в духовке косулью ногу для нас. Получилось очень вкусно. Эта нога на блюде лежала у нас на обеденном столе дня три, и я время от времени подбегал, отрезал кусочек и, намазав кислой английской горчицей, с большим удовольствием съедал.

Охотились офицеры в основном на зайцев, реже на косуль и один раз, мне запомнилось, была неудачная поездка на кабана. Разузнав у австрийцев заячьи места, выезжали на нескольких машинах, высаживались, окружали большое поле и криками выгоняли зайцев в центр. Здесь начиналась пальба, и многие зайчишки лишались жизни. По окончании охоты добычу собирали вместе и, по неписаному правилу, делили поровну между всеми охотниками. Это правило неукоснительно соблюдалось и при коллективных выездах на рыбалку.

Одна из поездок с отцом на охоту в Альпы могла стать для меня роковой. Машины долго поднимались по серпантину в горы, пока организатор и главный знаток не скомандовал «стоп». Вылезли из машин. Вокруг крутые подъёмы, покрытые негустым смешанным лесом. Подальше – снежные вершины. Над головой чистое голубое небо. Дует слабый ветерок. Погода самая подходящая. В этот раз решили охотиться с загонщиками. При таком способе все разделяются на две группы. Одни, стараясь не шуметь, идут занимать номера, т.е. стрелковые позиции в заранее выбранных и оговорённых укромных местах на краю поляны. Другие – загонщики, обходят номера широкой дугой метров за сто, и по команде начинают шумно сходить, пробираясь к стрелкам. При этом чтобы спугнуть животных, каждый загонщик кричит, стучит палкой по деревьям или в консервную банку. Косули, если они есть в этом лесочке, пугаются и выбегают прямо на стрелков. Дальше все зависит от опыта и умения охотника. Отцу досталось стоять на номере, а мне разрешили идти в цепочке загонщиков. Я шёл и честно кричал и стучал палкой по деревьям. Потом мне это надоело, я бросил палку и поплёлся молча. Справа и слева за кустами тоже шли и шумели загонщики. Так мы и вышли на полянку, не услышав ни одного выстрела. Все собрались перекурить и обсудить неудачу. Подошёл последний из стрелков и был он какой-то сильно возбуждённый. Он набросился с матом на отца, размахивая руками и показывая на меня. Потом, немного успокоившись, рассказал. Он стоял на своём номере за большим кустом и, приготовив ружье, внимательно смотрел на небольшую поляну перед ним и кусты на противоположной стороне. Слышал, как приближаются крики загонщиков. И вдруг заметил, как закачались вершинки кустов на противоположной стороне. Шевеление приближалось к краю прямо напротив того места, где он стоял. Радостно предчувствуя удачу, он поднял ружье, снял с предохранителя и, боясь упустить счастливый момент, прицелился в тот прогал между кустами, где должна появиться косуля. Палец уже лежал на спусковом крючке, и тут вместо головы косули он увидел через прицел голову мальчишки – мою голову. По великому для меня счастью его палец не нажал автоматически на курок, я остался жив, и, даже не заметив охотника, прошёл мимо к месту сбора.

Чаще всего места для рыбалок и охоты предлагал своим товарищам отец. Он по долгу службы часто общался с австрийцами, и они подсказывали ему, где хорошо ловится форель, где водятся зайцы или косули. Однажды, зная его увлечение рыбалкой и в надежде заключить с его помощью выгодный договор на поставку рыбы советским частям, один из бизнесменов – владелец большого рыбоводческого хозяйства, пригласил отца половить карпа в одном из его озёр, где разводился карп. Бизнесмен знал, что папа – заядлый рыбак, но не знал, что у него есть друзья, тоже большие любители удить рыбу. Эту ошибку он понял позднее. Отец согласился, но сказал, что приедет с друзьями, не уточнив их число. Через неделю этот наивный бизнесмен-рыбовод наблюдал, как на берег его озера, где разводился карп, приехали четыре машины, из которых выгрузились 15 человек с удочками, подсачками и мешками. Возражать хозяин, конечно, не мог. Нахмурившись, он ушёл в дом для рабочих, даже не поздоровавшись с отцом, хотя всё-таки послал одного из служащих, который отвёл нас с отцом в небольшой навес над водой, откуда они кормили рыбу и где, конечно, должен был быть самый хороший клёв. Карп – крупный, толстый, действительно, ловился хорошо, и к обеду у нас был уже полный садок. Но и у других рыбаков улов был не меньше. Когда собрались у машин и высыпали рыбу в общую кучу для делёжки, куча оказалась внушительных размеров. Хозяин-бизнесмен, чтобы не расстраиваться к нам не выходил и подсчитывал убытки издалека.

Выезды на природу были, конечно, не единственным развлечением в выходные дни. Дворец «Шенбрунн» – летний замок королевской семьи, дворцовый комплекс «Бельведер», многочисленные музеи – все было доступно и интересно. Дворец «Бельведер» на меня – маленького мальчишку, впе-

чатления не произвёл, а вот «Шенбрунн» заинтересовал, как ничто другое среди этих знаменитых древностей. И совсем не потому, что это был прекрасный дворец с таким же прекрасным парком вокруг. Часть территории парка и большую прилегающую территорию занимал зоопарк. Я впервые оказался в зоопарке, в первый раз увидел живыми так близко тигров, слонов, обезьян, павлинов и всех других обитателей клеток и вольеров. За годы войны австрийцы сумели сохранить свой старейший в мире зоопарк без больших потерь. Конечно, я ни за что не хотел оттуда уходить. После этого редкие поездки в Шенбрунн стали для меня притягательнее, чем даже поездки на рыбалку или охоту.

БОЛЕЗНЬ

Прошло три школьных года. Проводить занятия по программе четвёртого класса было некому, поэтому всех детей-четвероклассников родители развезли по домам в СССР. Меня родители отвезли в Горький и, оставив у бабушки в квартире на площади Первого мая, вернулись в Вену. Квартира была большая: две большие комнаты, две маленькие, широкий коридор и огромная кухня с такой же огромной русской печью. Никаких удобств, даже за водой приходилось ходить с ведрами к соседнему дому к водоразборной колонке. После роскошного номера в «Гранд-отеле» такие условия казались сильно непривычными. Я очень не хотел оставаться один, упрашивал родителей взять меня с собой, хотя понимал, что это невозможно. Чтобы немного меня утешить, мама вместе со мной оставила у бабушки нашего котёнка. И стал я жить вместе с бабушкой, двоюродной сестрой Наташей – дочерью погибшего в первые дни войны младшего бабушкиного сына, моей тёткой Таней – старшей бабушкиной дочерью, её мужем Витей и их дочерью Галей, второй моей двоюродной сестрой. В нашей большой семье, включающей ещё младшую бабушкину дочь Тамару, её мужа Симу, их сына Серёжу и дочь Риту, дети называли взрослых просто по имени, без добавления «тётя» или «дядя». Одна большая комната была гостиной, там стоял большой квадратный обеденный стол, высокий трёхдверный буфет, покрытый хохломской росписью, пианино, дерматиновый диван и два фикуса с темно-зелёными мясистыми листьями. В одной маленькой комнате жили Таня с мужем и дочкой, другая использовалась Витей как художественная мастерская, где он писал пейзажики и небольшие картины. Большие не помещались в узкой комнатёнке, да и освещение в ней было несоответствующее. Витя был художником, возглавлял художественный фонд города и по совместительству преподавал в художественном училище. Войну он провёл на Дальнем Востоке, во флоте. Вернулся в морской форме – высокий, стройный, красивый. Человек он был неординарный. Легко и свободно играл на гитаре и пианино, причём, как классику, так и эстрадные вещи, много читал, любил перечитывать письма Чехова. Хотя и жили мы под одной крышей только год, на меня он оказал большое влияние. Он научил меня основам рисования, живописи, научил смотреть на окружающий мир другими глазами, видеть красоту в разбитом горшке или чайной чашке на подоконнике. Все Витя делал удивительно красиво и аппетитно. Как неперенный участник городской богемы, нередко он приходил вечером навеселе, что очень сердило Таню, и она отказывалась давать ему ужин. Тогда он сам разогревал себе на керосинке картофельный суп, чистил луковицу, ставил тарелку на большой стол в столовой, рядом солонку, и, отрезав кусок чёрного хлеба, начинал с таким аппетитом есть, что у меня тоже появлялось сильное желание поесть, хотя я не любил ни картофельный суп, ни, тем более, лук. Есть варёный лук, предварительно круто его посолив, я тоже научился у него и даже полюбил этот обычно выбрасываемый компонент многих супов. В восьмом классе, когда я уже сформировался в стройного юношу, он предложил мне за небольшие деньги позировать перед художниками на их постоянно действующем мастер-классе. Я стоял перед ними в одних плавающих с какой-то пикой в руках и был горд своим первым заработком. По вечерам мы часто собирались все вместе за столом пить чай с сахаром. В хороший день Таня доставала с верхней, недоступной для нас – детей, полки буфета конфетки и раздавала нам по одной. А я вспоминал в это время, как совсем недавно мы с мамой ходили на нижний этаж «Гранд-отеля», где располагался небольшой магазин с привезёнными из СССР привычными для россиян деликатесами – коробками с шоколадными конфетами, банками с икрой и селёдкой, черным хлебом, печеньем, московскими хлебцами и многим другим. Мама покупала коробку с шоколадным набором, а потом мы с ней выбирали в ней конфетки с самой вкусной начинкой. Австрийские сласти нашим сильно уступали.

Учиться меня отдали в школу, где работала бабушка, в класс её подруги Марии Владимировны. По вечерам она приходила к нам и обе заслуженные учительницы занимались со мной, стараясь исправить недостатки моего обучения в Вене. Постепенно я нагнал моих одноклассников, но отличником так и не стал.

Уезжая, родители, оставили мне в утешение, кроме котёнка, одну сторублёвую облигацию государственного займа. В то время такие облигации в принудительном порядке покупали все служащие. Несколько раз в год в центральных газетах печатались таблицы с выигравшими номерами и суммой выигрыша, в большинстве случаев копеечного. Я газеты, конечно, не смотрел, но бабушка, у которой были свои облигации, на всякий случай сверяла и мою тоже. И вдруг моя облигация выиграла! И не 10 рублей, а целую тысячу! По тем временам сумма приличная. Деньги были получены и хранились у бабушки. Время от времени я брал у неё по 10-20 рублей на сладости, и тогда вечером мы все пили чай с пирожными. Иногда бабушка покупала на эти деньги продукты, каждый раз согласовывая со мной покупку. Школа моя располагалась на крутом берегу Оки, на так называемом Гребешке. Дорога занимала минут 20 и проходила мимо продовольственного магазина на перекрёстке улиц Краснофлотской и Полевой. В этом магазине иногда продавали сосиски – редкое и дорогое по тем временам лакомство. Взяв у бабушки из моего выигрыша деньги, я каждый день стал заходить в магазин на обратной дороге из школы, и однажды застал сосиски. Купил целых полкило. Принёс серый бумажный кулёк, наполненный ароматными колбасками, домой и с гордостью отдал бабушке, чтобы она сварила и разделила между нами – детьми.

Учебный год уже подходил к концу. Настал тёплый, солнечный май, близкие каникулы поднимали настроение. А у меня вдруг заболела левая рука выше локтя и поднялась температура. Это не было похоже на простуду или грипп, и бабушка забеспокоилась. Позвонила из «Дома связи» (там стояли ближайшие телефоны-автоматы) своей младшей дочери Тамаре, точнее, её мужу Симе. Он был начальником милиции на железной дороге и имел связи с директорами и руководителями многих учреждений, в том числе и больниц. У него на квартире, в высоком доме на набережной с окнами на Волгу, даже был телефон. Сима тоже сильно озаботился. Через день ко мне привезли старенького, очень опытного врача-педиатра. Он меня очень внимательно осмотрел, осторожно ощупал руку и поставил диагноз – остеомиелит левой плечевой кости. Лечение консервативное, т.е. лекарства, и радикальное, т.е. операция. Велика вероятность полного исцеления, но гарантировать ничего нельзя. Во всяком случае, нужна немедленная госпитализация и подробное обследование. Первый раз услышал я это страшное непонятное слово, которое потом слышал много-много раз, и которое по-простому означало нагноение в трубчатой кости. На следующий день Сима отвёз меня вместе с бабушкой на скорой помощи в больницу на Откосе, которая специализировалась на лечении травм и костных заболеваний. Меня забрали от бабушки, привели в какую-то тёмную холодную комнату, раздели, какие-то люди приходили, уходили, что-то говорили между собой, потом отвели в какой-то коридор без окон, положили на какой-то клеёчатый стол и ушли, оставив меня одного, дрожащего от страха и холода. Потом пришёл врач в белом халате и опять перевёл в другую комнату. Там было светло, тепло и были бабушка и Сима. Я сразу прижался к бабушке и стал слушать, о чем говорит им врач, который водил меня по этим холодным темным коридорам и комнатам. А говорил он о том, что рентген подтвердил диагноз, о том, что болезнь уже зашла далеко, лекарства не помогут, нужно оперировать, и что они готовы положить меня в больницу и через день сделать операцию. Я уже знал, что такое операция и, услышав, что она меня ждёт совсем скоро, очень сильно заплакал. Со мной случилась истерика. Я вцепился в бабушку и стал кричать, что ни за что не останусь в этой страшной больнице, что хочу домой, хочу к маме. Такого со мной раньше никогда не было. Бабушка прижала меня к себе, стала успокаивать, говорить, что никому не отдаст. А Сима, врач и ещё какой-то другой врач стали о чем-то тихо совещаться. Это совещание кончилось тем, что меня повезли в другую больницу – железнодорожную. Там был ещё один очень опытный хирург-ортопед, тоже Симин знакомый. В этой больнице меня не оставляли одного в темных холодных комнатах, со мной все время была бабушка и врачи. Снова осмотр, снова консилиум и вердикт: да, остеомиелит, но не менее вероятно и другая более страшная болезнь – саркома Юинга – злой, скоротечный рак кости и надежды на то, что останусь жить, очень мало. Лечение в этом случае – срочная ампутация, причём не только руки, но и всего плеча. Это я узнал уже потом в долгих разговорах с мамой. Но решение должны

принимать родители, которые очень далеко и которые ещё ничего не знают. А пока меня положили в шестиместную палату у окна и стали делать какие-то уколы.

В конце 1940-х передать информацию за границу, в капиталистическую страну, можно было только обычным письмом. Письмо шло несколько дней. Был другой вариант – быстрый, но почти недоступный – армейская спецсвязь, высокочастотная телефонная линия ВЧ, находящаяся в распоряжении только самого высокого начальства. В Вене телефон такой связи стоял только в кабинете генерала, командующего всей СКА. Всомогущий Сима преодолел все трудности и сумел позвонить в Вену. Генерал вызвал отца и у них с Симой состоялся короткий разговор. Известие о том, что сыну угрожает смертельная опасность, оглушила родителей. Так совпало, что за месяц до этого звонка в семье другого офицера, сослуживца отца, умер сын, мой ровесник, тоже оставленный у родственников в СССР. Генерал сам предложил отцу организовать им с мамой срочный выезд. Уже через два дня они были в Горьком.

А болезнь моя действительно развивалась быстро. Я стал совсем слабый и, возвращаясь из туалета, падал на кровать, теряя на несколько секунд сознание. Помню – на третий день лежу на кровати в палате. Передо мной входная дверь. И вдруг дверь открывается, и входит мама в белом халате, за ней выглядывает отец тоже в халате и с сумками в руках. Мама бросается ко мне, а у меня нет сил встать. Я протягиваю руки навстречу и не могу поверить в своё счастье. Мои мама и папа здесь, со мной, они меня защитят, они меня спасут, они меня заберут домой. Даже принесённые фрукты, конфеты и огромный шоколадный заяц не привлекают внимания. Я только прижимаюсь к маме, потом к папе и рассказываю, рассказываю им, как мне было плохо, как я соскучился, как я хочу домой.

Домой меня действительно забрали, но только через два дня, после дополнительных анализов и обсуждения моей болезни на консилиуме специалистов. Было принято решение применить консервативное лечение и посмотреть результат. В эти годы появился пенициллин – первый антибиотик, обладающий удивительными антибактериальными и противовоспалительными свойствами. Инъекции пенициллина мне стала делать мама каждые три часа, днём и ночью, каждый раз стерилизуя в кипящей на плитке воде в металлической ванночке шприц с иглой. Продолжалось это неделю. Мне стало лучше. Температура понизилась, появился аппетит, но рука по-прежнему болела, краснота и утолщение ниже плеча увеличились. Опять был собран консилиум. Опять осмотр, опять дискуссия, опять сомнения. Как результат – новое решение: сделать пункцию костного мозга из больной руки и провести анализ на наличие раковых клеток. После этого выбирать дальнейший путь лечения. Я, конечно, не знал, что такое пункция и как её делают, а мама, чтобы не пугать заранее, сказала, что это просто небольшой укол в руку. Поэтому я был спокоен, когда меня снова повезли в железнодорожную больницу и передали уже знакомым мне врачам. Привели в операционную, сняли рубашку, майку, положили на хирургический стол, и две сестры и врач крепко взяли меня за руки и за ноги. Второй врач подошёл сзади с большим шприцем и быстрым движением воткнул в середину утолщения на моей больной руке иглу толщиной со спичку. Такой боли я никогда не испытывал ни до этого ни после. Мне казалось, что у меня выворачивают и выдирают из тела все плечо целиком. Мой крик, наверное, был слышен во всех коридорах и палатах этажа. Я пытался вырваться, но крепкие руки мучителей держали меня намертво. Не знаю почему, но хирург не применил наркоз, даже местный, несмотря на вполне возможный болевой шок. Наверное, решил, что две секунды детский организм выдержит и это менее опасно, чем общий наркоз. Действительно, всё продолжалось не больше двух секунд, и меня отпустили. Я продолжал орать, слезая со стола и выходя в коридор, но уже по инерции, потому что боль прошла, как только вынули из руки иглу. Врач на меня прикрикнул, и я сразу замолчал. За дверью операционной меня ждали напуганные родители, которым я даже не мог ничего рассказать, ещё долго приходил себя от пережитой боли и все время молчал.

Через несколько дней был получен результат анализа, и, к огромной радости родителей, он оказался отрицательным, т.е. у меня остеомиелит, а не саркома. И меня снова положили в ту же больницу и стали готовить к операции. В этот раз по просьбе родителей я оказался один в трёхместной палате. Одну из свободных коек занимала мама, которая была со мной неотлучно и день и ночь. Все два дня, пока проводились необходимые анализы, я все время повторял: «мама, я боюсь, мама, я боюсь», а она терпеливо объясняла мне, что будут делать со мной врачи, что это не больно и не страшно. Пришла сестра, попросила снять рубашку, майку и за руку отвела меня в операционную. Там было уже почти все готово, два врача и две сестры в резиновых перчатках, но без медицинских масок. Это мама

попросила их не надевать пока я не буду под наркозом, чтобы меня не пугать. Я забрался на высокий белый стол, мне наложили на лицо лёгкую полупрозрачную маску, которая плотно закрыла рот и нос, и велели громко считать до ста. Почти сразу я почувствовал резкий незнакомый запах, попытался сбросить маску, но невидимые руки её удержали. Все стало куда-то удаляться, затихать и размываться. В те времена ещё не применяли шадящие усыпляющие инъекции. Использовали удушающий эфир. Но мне, опять же по просьбе мамы, которая как врач, конечно, знала все эти особенности наркоза, сначала дали более лёгкий хлороформ.

В себя я пришёл уже в палате на своей кровати. Забинтованная рука в гипсе от плеча до кисти. Мамино склонившееся ко мне лицо, стены, потолок – все кружилось и расплывалось, но такое состояние быстро прошло, и меня даже не тошнило, как бывает после эфирного наркоза. Через три дня меня выписали. Начались бесконечные перевязки и постоянное опасение, что моя оперированная кость, стенки которой стали не толще бумаги, сломается. Все обошлось и через две недели мы всей семьёй вернулись в Вену. Какое счастье было снова оказаться родном отеле, в родном номере, с любимыми игрушками. Все, о чём я так часто мечтал, пока жил у бабушки в Горьком. Ничего, что рука в гипсе, висит на шее в петле из бинта. По договорённости с родителями, их друзья к нашему приезду купили много моей любимой черешни и насыпали её горкой в ту самую вазу на нашем обеденном столе. Это стоит перед глазами: счастливые родители и две семьи самых близких друзей сидят за столом, немного выпивают, немного закусывают привезёнными из России яствами, с улыбками посматривая на меня. Гости тоже рады, что так закончилась эта страшная история, о которой, конечно, знали и сопереживали все в отеле, кто знал или даже не знал родителей. А я сидел у окна, глядел на знакомую мне улицу и ел из той самой вазы, стоящей на широком подоконнике, любимую чёрную черешню.

Новый этап моей жизни в Вене протекал по-другому. Все мои ровесники разъехались по домам учиться в старших классах. Остались малыши, с которыми мне было неинтересно, но приходилось проводить с ними в детском садике весь день, пока родители были на работе. Рука заживала довольно быстро. Возможных осложнений, которых опасались врачи, не случилось. Через два месяца мне сняли лангет, а ещё через месяц я уже забыл, что у меня болела рука. Наверное, этому в значительной степени способствовали лечебные воды Бадена, куда меня изредка возили родители и где мы с мамой провели однажды целую неделю. Баден – небольшой курортный городок недалеко от Вены. Там находился санаторий на термальных водах. При санатории был огромный бассейн под открытым небом, представлявший собой купальни с разной температурой воды, соединённые широкими каналами с галечным дном, по которым можно переходить или переплывать из одной купальни в другую. Конечно, был искусственный водопад и длинная водная горка. Эти купания в тёплой минеральной воде помогли мне полностью восстановиться, и о перенесённой болезни теперь напоминал только широкий шрам на левой руке.

Можно было бы возвращаться в Горький и даже почти успеть к началу учебного года, но родители решили не рисковать и оставить меня на зиму в Вене для полной реабилитации моего ослабленного организма. Тем более, что, пропустив год, я становился ровесником своих будущих одноклассников.

Н.В. Чих (Тихонов)**ПАМЯТИ КОМПОЗИТОРА ТЕРХАНОВА**

Сергей Яковлевич Терханов родился в Горьком. Начальное музыкальное образование получил в Горьковской хоровой капелле мальчиков под руководством Л.К. Сивухина. Окончил Горьковскую (класс профессора В.М. Цендровского) и Казанскую консерватории (класс профессора Б.Н. Трубина). С 1989 по 1996 год занимался индивидуально с М.Л. Таривердиевым. Многие годы преподавал в Саранском музыкальном училище. Творческая деятельность композитора была очень плодотворной и разнообразной. В творчестве Терханова ведущее место занимали человеческие судьбы, Родина, её история, жизнь народа, патриотизм, смысл жизни, любовь, противостояние Добра и зла. Ему были доступны самые разные музыкальные жанры: камерно-инструментальный, хоровой, вокальный. Только для театра он написал музыку к 90 с лишним спектаклям. Им написано также более 200 сочинений для хора и около 400 песен и романсов. Он автор балета «Кто ты?» и оперы «Он и Она».

РАССТАВАНИЕ

Голос твой, как струна, задрожал,
Воздух в горле смолою застыл.
Ты участия у друга искал
И все медлил, все не уходил.

Вдруг с холодным дождём октября
Набежала волна пустоты:
Неужели надежды все – зря,
И со мною прощаешься ты?

Ночь была после этого дня
Тяжела, как дорога в пургу:
Шёл к тебя я, не видя огня,
А ты был на другом берегу...

Галина Таланова

* * *

Мой дом скрипит на всех ветрах,
Но он ещё послужит.
Воспоминаний давних прах
Вдоль стен привычно кружит.

На гвоздике отца тулуп
Висит с плащом в соседстве:
Он мне сейчас особо люб,
Стократ сильнее, чем в детстве.

Висит тулуп который год,
Как мир покинул папа.
Я в темноте, как верный крот,
Иду к нему на запах.

Овчинный, он впитал, родной,
Дым табака и печки,
Он пахнет каменной стеной
И тиной, что на речке.

Бежала я от сигарет,
Дурманящего дыма...
Теперь же, как собаке след
Их дым неуловимый:

След обрывается вот здесь,
И я опять в смятенье...
И день уже растаял весь,
И не унять волненье...

* * *

Помрачнел покосившийся дом,
Половицы скрипят под ногами.
Стих за лесом раскатистый гром,
В бочке стали дождевки кругами.

Всё уходит, как в землю вода,
Как родители к пристани дальней...
И гудят на ветру провода
Поминальною песней прощальной.

Шум белья на верёвке тугой:
Будто птицы, взлетают с размаха.
И не будет уж жизни другой,
И никто не восстанет из праха.

ОТПУСК НА ДАЧЕ

Снова сердце щемит от потери.
Вот уже день седьмой отпускной.
И заклинило к юности двери,
Где мечталось легко под сосной.

Залатала и крышу, и руку,
Что поранил запущенный сад.
Год за годом мечусь я по кругу,
Словно солнце, стремясь на закат.

Только юность уже не вернётся
К этой речке, что мирно бежит...
Жизнь моя, как выюночек, всё вьётся,
Все подняться повыше спешит.

И травинки плотней оплетает,
Порываясь достать облака,
Что рядами становятся в стаю,
Как стихи, за строкою – строка...

И пригрезились мама и папа –
Молодые...

 Качели в саду:
Сосны шишки качают на лапах,
И боюсь, что сейчас упаду.

А качели всё выше и выше,
И уже в облаках я парю...
Завтра дождик слезами по крыше
Застучит. Дело, знать, к сентябрю...

* * *

И если я когда-нибудь уйду,
То здесь моя последняя дорога:
От лопухов в запущенном саду,
От комаров, которых нынче много:

Гудят они, предошущая кровь,
Томящуюся в трубочках сосудов...
Я здесь когда-то верила в любовь,
Но победил мечтания рассудок:

Как ветер в пруду, кувшинку он сорвал
И перенёс в фарфоровую вазу,
Любви предвидя горестный финал –
Цветочек без теченья чахнет сразу.

До певчих птиц – дорога в высоту,
Её обрежут ножницы их крыльев,

И мы когда-то перейдём за ту черту,
Что предки перешагивать бессильны.

Любимые, побудьте без меня:
Ещё не срок, ещё я не сломалась.
И, лопухи, все в ёжиках репья,
Держите за подол, чтоб я осталась...

* * *

Расчистили заросший берег:
Шалфей, осоку, камыши.
Я ощущаю как потерю
Мирка, где ни одной души...

Всё зарастало, зарастало,
Берёзы с клёнами сошлись...
Но вот их гибель и настала:
К реке ступеньки тянут вниз —

Бетонные, песок на пляже,
Понтон, народ и детвора,
Собаки будто бы на страже
И лают с самого утра.

А я в тоске, хотя грустила,
Что зарастают берега,
Как будто старая могила,
Где сено не сметут в стога.

А я грущу, как потеряла
Родных и близких, отчий дом,
И среди деревьев два прогала,
Что раздвигались веслом.

И я боюсь, что тишь обрыва
Сотрётся на песке, как след,
Где я была чуть-чуть счастливой
Среди цветов, что рвут в букет...

* * *

С востока гроза приближалась,
И ветер ознобно подул.
Травинка к травинке прижалась.
Деревьев сгибаемых гул,
Треск веток, обломленных ветром,
Да шелест страниц и листвы.
И молния чиркнула светом,
Двух радуг сжигая мосты.
И сразу вокруг потемнело.

Край неба как траурный фон:
Покрылось мурашками тело,
Жизнь в серый окрасилась тон.
И ветер сухой и горячий,
Как будто нагретый песок,
Вдруг шляпку подкинул, как мячик,
Седой обнажая висок.
И воздуха всё не хватало,
И сердце рвалось из груди,
Костяшками пальцев стучало
От страха, что там впереди...
Весь воздух клопочущим вздохом
Гроза затянула в себя. –
И словно ударило током,
Что солнце взойдёт без тебя.
И запад с сознанием шика
Моргнул красным глазом мне вслед,
Торжественно и солнцелико
Последний впуская в жизнь свет...
И чудо! Гроза пролетела,
И сдвинуло солнце платок:
Дырявый, с бахромкою белой,
Похожий на старый венок.

* * *

Всё зарастают лесом берега:
Он встал стеной и силу набирает.
Пусть наша жизнь в сравненье коротка
С деревьев веком, но и их ломает
Однажды ветер, налетев с грозой.
Не зарастает память лишь пыреем:
Я вижу близких, маму молодой,
Воздушной, парящей в небе змеем...
И я бегу за ней, но по земле.
Я взмыть хочу туда, где ветер бродит.
Но не хватает сил ещё в крыле...
А змей летит, из рук моих уходит...
Я нить держу, и страшно: вырвет вдруг,
И я останусь маленькой и жалкой
Там, где заросший лебедою луг
И где тропу отыскиваешь палкой.
Среди кустов с колючками, в шипах,
Где обожжёт в закат крапивой жгучей,
Где ищешь нить от змея в облаках,
Что унесён вмиг налетевшей тучей.

* * *

Лето пальчиком вдруг поманило.
Почки клювы раскрыли свои.

В прошлогодней траве у могилы
Мать-и-мачехи шапки взошли,
Словно солнышки, в ржавой траве,
Что снега приклонили к земле.
Здесь и ветер сегодня не свищет.
Сладко жмурятся люди в тепле,
На мгновенье почти забывая,
Что в двух метрах родные лежат,
Что жизнь – странная штука такая:
Никогда не вернёшься назад.
Как горошина та, валидола,
Что катал онемевший язык,
Чтобы снять в сердце боль от укола,
Этот свет, что на крестик льёт блик.

* * *

Подать рукой уже до лета.
И снова солнце бьёт в глаза,
Хотя ещё тепло одета
И слабо верю в чудеса.

Их нет, и никогда не будет.
И близких больше не вернёшь.
И милый мой не приголубит.
Но ветра тёплого хлебнёшь,

И снова крылья вырастают:
Летишь как в детстве в ярких снах.
Снега, как сахар в чае, тают,
Но привкус соли на губах.

Кудрявый дым свивают трубы,
Свет затмевая голубой.
Стою, кусая молча губы,
Увидев путь грачей домой:

Летят, дымы не огибая,
Что ж, время снова гнёзда вить.
И птичий крик, как звон трамвая,
Что здесь нельзя переходить.

Остановлюсь, вбирая небо
В себя, и думая о том,
Что к цели тянемся мы слепо
И в облаках рисуем дом.

* * *

Вот и лето прошло без любви,
Без следа, как на высохшем плёсе.

Параллельно бегут провода
И канаты на Волжском откосе:

Переправа на берег другой.
Между небом висишь и землёю.
И куда-то плывёшь сквозь покой.
И от облака тянет зимою.

Скоро-скоро посыплется снег.
Мир больничною станет палатой,
Где уходит сквозь бред человек,
Оставляя всю тяжесть утраты

Тем, кто дальше плывёт в небесах,
Замерев за стеклянной кабинкой.
И качается жизнь на весах,
И себя ощущаешь пылинкой.

* * *

Вот и снова тепло! Тишина над рекою.
Я в себя прихожу у остывшей реки.
И родные опять где-то рядом со мною.
Мама шепчет все дни постоянно стихи.
Милый голос приплыл неизвестно откуда,
Словно лёт облаков отразился в реке.
Суету, круговерть я на месяц забуду.
Стрекозу покачаю на тонкой руке:
Не боится людей, иль меня принимает
За живущую здесь между трав и цветов,
И не думает больше, что всё ближе к краю,
И без цели полёт над водой бестолков...
На кувшинку присела и смотрит на воду.
Не боится быть смытой прибрежной волной.
Всё-то знаем уже... Неизбежность ухода.
Холод в сердце под осень, стальной, ножевой.
Оттого каждый миг с каждым годом ценнее.
И как лето – сюда возвращаюсь опять,
Чтобы сердце окутать тоской и елеем,
А родных мне кукушкою звать...

* * *

Глянь:
Поселились в доме муравьи.
Таскают брёвна.
Строят новый домик.
Они живые, дружные, свои.
Гнездо свивают на гнилом балконе.
И вылезают между половиц
За новым грузом в новый муравейник,

Уж полный мелких беленьких яиц,
На даче, где разбросан был репейник
По всем углам от наглости мышей.
Родные души – как и я, все с грузом,
И стружки от моих карандашей
Упрямо тащат, надрывая пузо.
Мне показалось:
Даже ожил дом,
Что рушится и ветхим стал, как сито.
А строили с таким же вот трудом,
Но лишь гнездо в нём мною всё не свито.
А дед ушёл,
Достроив всё, как мог.
А у меня совсем другие брёвна. –
Но не построить дом из тонких строк.
А дни бегут, мелькая спинкой чёрной.
Крылаты самки мелких муравьёв
От той любви,
Что продолженье рода.
А вереницы букв и караваны слов,
Как муравьи, снуют
И роют ход сквозь годы.

* * *

Я отчий дом,
Как старый плащ,
Лагаю:
Заплата тут
И штопка скотчем там.
Переживёт ль меня? –
Уже не знаю.
Но яблоки летят ещё к ногам:
Зелёные,
Налившиеся соком,
Что сводит скулы, обжигая рот.
Я думаю о вечном, о высоком,
И копошусь в земле, как старый крот.
Когда уйду нелёгкими шагами
В заоблачный, в тумане скрытый сад,
Что больше не возделывать руками,
Не выдержит дом дождики и град...
И упадёт с последним снегопадом,
Не удержав с горы ручьёв поток.
И никого не тронет та утрата,
Хотя придут соседи на порог
И, головами светлыми качая,
Поэтов вспомнят,
Что хранили дом
И, если пели, только о печали,
Но память вспыхнет пёстрым лоскутком,
Заплаткой яркой... –

От сего ли мира? –
Что не истлела в шелесте дождей,
И черпали в саду для пенья силы,
Как тот насквозь промокший соловей.

* * *

Снова лето.
И вновь отхожу
От земной круговерти и стресса.
И на тихую речку гляжу,
Словно выйдя из тёмного леса.
Жизнь проходит,
Течёт, как река,
Отдаюсь я на волю течения...
Остаётся от боли строка,
Что за ней потянулась вновь тенью.
Нету боли – и нету строки...
Суета. Я – как кукла на нитках...
Я в себя прихожу у реки,
Словно рожки открыла улитка,
Присосалась к зелёной траве,
Что копьём протаранила воду.
Снова строчки бегут в голове...
И не знаю в реке этой брода...
Только плыть и забыть про цейтнот...
И цедить каждый миг, как забаву.
Дни бегут и сливаются в год,
И готовят, спеша, переправу
Нам на берег другой и чужой,
Где никто не достанет нас криком
И вернуться мы сможем домой
Только призрачным солнечным бликом...

* * *

Я стала терпимей к капризам погоды.
И дождик уже не наводит тоску,
Ведь годы уплыли, как вдаль пароходы,
И клеится пух тополиный к виску.
Любой день как дар,
Не скуля, принимаю.
Не так уж и много осталось мне дней
До самого в жизни последнего края...
Здесь корни пустила, как цепкий пырей...
Душой приросла.
Корешки обрубают,
Но только опять отрастают среди глин.
Уж цапли на юг собираются в стаи,
Большой потянулся вдоль облака клин.
Так рано на юг?

Ведь ещё не поспели
И яблоки даже в заросшем саду.
И что-то кузнечик трещит на свирели,
Разбухшей от влаги, с собой не в ладу...
Куда же собрались вы, странные птицы?
Здесь родина ваша,
Вам здесь умереть!
Мне к стае большой никогда не прибиться,
Лишь с завистью в небо
Сквозь дождик смотреть...

* * *

Опять печаль,
Хоть солнце высоко,
И небо голубое, как цикорий.
И близкие в нём где-то далеко.
Но грусть светла от трепетных историй.
Ещё один расхристаный июль
Летит с горы,
Разбрасывая вишню,
С той меткостью летящих мимо пуль.
И в нём себя увидеть веткой лишней,
Что разоделась в охряной наряд,
Как будто бы с монистами цыганка:
И юбки рыжим пламенем летят,
И красный лист раскрыт, как будто ранка.
Летит июль, как кубарем с горы,
Как яблоко, сорвавшееся с ветки.
И знаю, что грустить мне до поры,
Как позовут в туман холодный предки.
Растаять в небе призрачным дымком,
Что память ветром принесёт кому-то...
Вслед за июлем мчусь я босиком. –
И колются травинками минуты.

* * *

Лунный диск на воде,
Над водой – будто пар.
Так подвижны луны очертанья!
И, как зуммер, пищит неотвязный комар.
Крик совиный в ночи – как рыданья.
Но протянешь ладонь –
И весь свет облетит,
Опадёт, словно цвет у жасмина.
Лунный свет чешуёй на воде заблестит,
И никак не собрать воедино.
Я хотела б забыть
И не помнить о том,
Как любила я лунные ночи,

Где стоял за спиной
Освещённый наш дом.
Только жизнь оказалась короче...
Брошу камень –
И призрачный диск пропадёт.
И закружатся в танце осколки.
Соловей как безумный в чащобе поёт.
И впиваются в сердце иголки.

* * *

Птицей праздники все пролетели,
Снегирём, что присел на карниз.
Стукнул клювом по белой панели
И скатился, как солнышко, вниз,
Чтобы после взлететь не у дома,
Где сижу я одна и грущу,
Ожидая волшебника-гнома,
Что чайком с пирогом угощу.
Лишь бы только в ту сказку поверить,
Где семь гномов творили добро!
Ветер дерево рьяно метелит
И пинает подъезд, как ведро.
Я на звон приникаю к окошку –
Вот над церковью встала звезда:
К неба бархату будто бы брошку
Прицепили, замкнув провода.
Купола – в серебристом свеченье,
И светёлка горит голубым.
И такое волшебное пенье,
Что вплетается в розовый дым!
Ну и пусть чудеса не случились
И не лился на рану елей...
Лишь бы строчки, толкаясь, толпились,
Провожая в закат снегирей...

* * *

Не спрашивай,
Что снилось...
Я сон свой заспала...
Зачем, скажи на милость,
В сухой траве игла?
Блеснула – и пропала...
Зачем блеск глаз искать
И в ночь Иван Купалы
Через костёр скакать?
Да-да...
Был сон об этом...
Но не нашла цветок.
Плоды лишь бересклета,

Да клевер рос у ног...
И сорвала я шапку невзрачного цветка,
Сосала сок я сладкий,
Ведь жизнь так коротка.

* * *

И стенка вся как будто в кружевах.
Их май сплёл за день
Из теней и света.
И ветер закружился в головах,
Весь в поисках забавного сюжета.
Ещё вчера рентген был на стене,
Где ветки – как заломленные руки
При полной, разливавшей свет луне,
В окно смотревшей с ликом скорбной муки, –
Со сломанными рёбрами скелет,
Где плоть видна в одном воображенье.
И за окно манил далёкий свет –
Тем, что у встречи будет продолженье,
Той, что сорвал тяжёлый снегопад
И все следы замёл в холодном поле.
Но ты являлась после – год подряд –
И сердце ныло от любви и боли.
А после реже стала приходиться.
И замолчала, не даёшь советы...
Но как луна разматывает нить –
Так я тянусь к той ниточке из света.
Я – как лунатик,
От крестов бегу,
Что на стене сколачивает ветер,
Что исчезают в дождик и в пургу...
...А нынче рябь воздушных лёгких петель.
Ажурный, незаконченный узор,
Как кружево стихов –
Лишь чуть печали.
И за окном луна глядит в упор
И встречу где-то там мне обещает.

* * *

Лес вспыхнул ночью огоньками.
Впрямь неземное волшебство!
И я неверными шагами
Пошла на это торжество.
Свет изумрудный,
Словно в сказке,
Блуждает среди кустов-чертей.
Он – как от лазерной указки –
По годовым колечкам пней
Скользит...

Снежинкой исчезает,
Когда ладонь к нему тяну.
В пятнашки с темнотой играет.
...А жизнь живём всего одну.
Гнилушка старая,
Что селем
Принесена с высоких гор...
И мы наивно в чудо верим,
А свет рождает сгнивший сор.
...Во тьму и я
Уйду когда-то...
А после свет вернётся к вам,
Как светлячок, зеленоватый,
Как в ночь пред Пасхой вспыхнет храм.

* * *

Жаркий июль зажимает в тиски.
Ночи душны и травища по пояс.
Снова в объятьях неясной тоски.
Снова печальная пишется повесть.
Дом покосился,
Навес набекрень,
Петли скрипят заржавело и жалко.
Там, где в окошко стучалась сирень,
Стёкла царапает жалобно палка.
Словно котёнок скребётся в окно,
Выпустив когти из мягких бареток,
А на обоях от ливней пятно...
Крыша –
Пристанище сломанных веток,
Что обломили с берёзы ветра,
Словно шалаш разметала здесь осень.
Снова лягушки орут до утра.
Память на отмель, как лодку, выносит:
Носом уткнётся всё в ту же косу,
Где все живые и брод по колено,
Где столько света в июльском лесу,
Что до сих пор я не вырвусь из плена.
Свет паутиной оплёл, словно моль,
В люльке качаюсь из солнечных нитей,
Залитых светом, баюкая боль,
И не готовлюсь для новых отплытий.

* * *

Подброшен август вилами на ветер. –
И разлетелся жёлтою трухой...
Я так хотела б жить здесь вечно в лете,
Где дождик не ступает ни ногой.
Но снова небо тучей затянуло,

Как веко набухает синяком.
И тучи друг на дружку вдруг замкнуло. –
И сразу потянуло сквозняком.
И молния, как небо, вдруг пронзила
Обмякшую меня средь буйных трав,
Что лето мимо пальцев пропустила:
Ни капли не попало мне в рукав.
Все ласки были с привкусом ментола:
Катали на горячем языке, –
И холодок, как будто от укола,
Боль растворял в разжатом кулаке.

* * *

И в старой заводи болотной
Застыла тёмная вода.
К лицу приблизилась звезда,
Свой свет плеснув в лицо холодный.
Свет зачерпну в ладоней ковш,
Но утечёт меж пальцев тонких,
По сердцу полоснув, как нож,
Что я уже не та девчонка,
Что в ночь боялась выходить,
Где бились звёзды рыбой в сети,
Пытаясь темень осветить,
В том давнем, отплывшем лете...
...Проходит жизнь.
И рыбы плеск,
И всхлип весла,
И шёпот ивы
Мелькнут, как звёздной пыли блеск.
А мы опять нетерпеливы
И гоним время вскачь и вскачь... –
Коня стреножить бы напиться
Там,
Где луну,
Как полый мяч,
Вода качает на ресницах.

* * *

Почти привыкла к тишине.
Так жизнь проходит в привыканье.
И в дней просыпанном пшене
Не отыскать алмазный камень.
Всё, всё уходит в никуда:
Любовь, и близкие, и годы.
Несёт прохладная вода
Лишь отраженье небосвода.
Я дотянусь до облаков:
Поймаю страуса за перья.

Сквозь пальцы выскользнет улов –
И обернётся вдруг метелью.
Да, всё обман.
Зеркальный свет.
Кусты растут верхушкой в воду.
И жизнь прошла.
И мамы нет.
И нет того из детства брода.
Как холодна теперь вода!
Шагнёшь в неё –
И сердце схватит.
И лишь душа всё молода:
И в облака нырнёт из платья.

ПРОЗА

М. Николаев

КОГДА ВСЕ НЕПРАВИЛЬНО

Однажды ранним утром в моем рабочем кабинете раздался телефонный звонок. Звонил заместитель директора по общим вопросам Звягинцев. Он начал работать в институте недавно, однако весьма преуспел в своей деятельности, хорошо разобравшись в нашей довольно разнообразной тематике. Наши контакты были редки и происходили исключительно по моей инициативе. Оттого меня удивило его желание как можно скорее встретиться.

– Борис Александрович, – ответил я, – если минут через пятнадцать, удобно?

Мой аспирант действительно только что начал проводить новую реакцию, и мне хотелось самому её пронаблюдать.

– Конечно, конечно, мы подождём. Тут с вами хочет поговорить один человек, вернее, он пришёл с просьбой, о которой сам и расскажет.

Маленький кабинет замдиректора находился на пятом, верхнем этаже, и из окна открывался завораживающий вид на Оку и заречные дали. Когда я вошёл, окно было открыто, лёгкий ветерок наполнял комнату запахом свежей травы и листьев. Кроме хозяина в комнате был незнакомый человек лет сорока, невысокий с каким-то робко-напряжённым взглядом. Несмотря на очень тёплый день, он был в пиджаке и галстуке. Ему было жарко, и он постоянно вытирал лицо носовым платком.

– Это мой старый знакомый, Алексей Владимирович Литвинов, мы вместе учились в школе, – представил мне гостя Борис Александрович. – Выслушайте его, пожалуйста.

– У меня к вам огромная просьба, – начал Литвинов с мольбой в голосе и подавшись ко мне всем телом, – ради бога, не откажите! Мне больше некуда идти. А вы, как мне сказали, можете помочь.

Никто никогда не обращался ко мне с таким напором и страстью. Чем мог я помочь при моих скромных возможностях завлаба? Я был сильно озадачен и даже напуган.

– Вы не волнуйтесь, я обязательно постараюсь вам помочь, но в чем проблема?

– Мне нужно шесть грамм сулемы, – выпалил Литвинов и замолчал, уставившись на меня.

От неожиданности я растерялся, тоже замолчал и вопросительно поглядел на Бориса Александровича, который, судя по всему, был уже в курсе. Тот утвердительно кивнул, подтверждая слова друга, хотя тут же отвёл глаза и стал перебирать бумажки на столе.

– Алексей Владимирович, вы знаете, что такое сулема?

– Да, да, я знаю, – сразу же перебил он, – это соединение ртути, это яд, но я вас очень прошу. – Понимая всю безнадёжность своей просьбы, он старался не дать мне говорить.

– Нет, Алексей Владимирович, вы всё-таки не знаете, о чем просите. Одной десятой грамма сулемы достаточно, чтобы убить пять человек. Это вещество относится к сильнодействующим ядам. Чтобы его купить или получить, нужно иметь специальное разрешение из милиции. А хранится оно в сейфах. И вы, неизвестный мне человек, просите, чтобы я дал вам шесть грамм этого вещества? Извините, ничем не могу помочь. Я не хочу за решётку, – на этот раз я не дал себя перебить, договорил до конца и поднялся, чтобы уйти, оставив этого странного человека с его нелепой затеей.

– Подождите, я все понимаю, вы конечно правы, но выслушайте меня, я вас умоляю, – в голосе его действительно звучала мольба. Я снова опустился на стул, сам не понимая, зачем затягиваю этот неприятный разговор.

– У меня две дочери. Старшей девочке недавно исполнилось двенадцать, и она заболела, – продолжил он. – У неё саркома левого бедра. Вот, посмотрите.

Литвинов достал из потёртого портфеля серый больничный бланк с треугольной печатью и неразборчивой подписью. Листок дрожал у него в руке и казался каким-то страшным и чужеродным в этой светлой, наполненной весной, комнате.

– Это заключение онкологов. Её смотрели все наши лучшие специалисты, и все говорят в один голос: ошибки быть не может.

Так случилось, что в детстве, приблизительно в этом же возрасте, я тоже тяжело заболел: у меня ломило плечо, и врачи подозревали саркому. К счастью, болезнь оказалась простым остеомиелитом, и вскоре после операции я был здоров. Уже потом, через несколько лет, я узнал от мамы, что они пережили с отцом, пока не был установлен окончательный диагноз. Все те ощущения: боль, страх, хмурые лица врачей и печальные глаза родителей сразу всплыли в памяти.

– Алексей Владимирович, я вас очень хорошо понимаю. Успокаивать здесь бесполезно, но может быть, светила ошиблись. Они предлагают делать операцию?

– Да, они говорят, можно отнять ногу, но сами же не дают никаких шансов на спасение. Болезнь развивается очень быстро. Моей девочке осталось жить месяц, от силы два. А ведь совсем недавно она была совсем здорова. Вот посмотрите, это в апреле, мы все пошли гулять в тот проклятый день на откос, – он снова полез в портфель и достал небольшую чёрно-белую фотографию. На ней две тонкие девочки в лёгких весенних пальтишках прижимались с двух сторон к молодой смеющейся женщине. – Они с Машей, это моя младшая, – побежали вниз по Чкаловской лестнице. Оля поскользнулась на нарастающей льдинке и упала. Она не сильно ушиблась. Девочки и после того прыгали по ступенькам. Но через несколько дней у Оли стало болеть бедро, мы пошли к врачу. Нам прописали мази, но они не помогали, нога болела все сильнее и сильнее. Наш врач в поликлинике направила в онкологию, а там сразу сказали, что это саркома, и дело уже безнадежно.

– Да, это ужасно. Я вам сочувствую. Но зачем вам всё-таки сулема? – спросил я, уже догадываясь о причине необычной просьбы. Доходили до меня разговоры, что бабки и знахари будто бы лечат злокачественные заболевания ртутью, ртутными соединениями. Как всегда в таких случаях приводились примеры чудесного исцеления какого-нибудь дальнего родственника или знакомого из соседнего дома. Моя догадка подтвердилась.

– Вы знаете, нам знакомые порекомендовали одного человека. Он совсем не врач, он работал шофёром, но вот уже несколько лет лечит разные болезни народными методами. Мне показывали женщину, у которой была последняя стадия. Её уже отказались лечить в больнице и делать операцию, а он своим средством поставил её на ноги за две недели. Мы к нему ходили, показывали Олю. Он сказал, что времени потеряно много, но попробовать он может. И вот для приготовления лекарства на один курс ему нужно шесть грамм сулемы. Я понимаю, денег вы не возьмёте, но, может быть, я чем-то мог бы вас отблагодарить. Я работаю на «Салюте» в отделе сбыта, у меня много знакомых, они могут помочь что-то для вас достать или устроить. Я все сделаю, пожалуйста, дайте мне этого вещества. Борис Александрович сказал, что в вашей лаборатории работают с сулемой, и она может у вас быть. Вы не бойтесь, никто ничего не узнает!

Звягинцев закивал головой, подтверждая слова гостя, присоединяясь, тем самым, к его просьбе.

– Мне очень не хочется лишать вас последней надежды, но я должен сказать, что вся эта история с сулемой самая настоящая ерунда, на которой некоторые наживают себе деньги, – я постарался сказать это как можно мягче. – Они пользуются тем, что в подобной ситуации люди хватаются за любую соломинку и готовы отдать всё, что у них есть. На самом деле, соединения ртути проходили проверку в нескольких клиниках. Нигде ни разу не было обнаружено даже намёка на положительный эффект, а вот отравления были.

– Наверное, вы и здесь правы, я не буду спорить, но вы поймите, всё-таки это надежда, наверное, последняя. А отравления боятся теперь нечего – она все равно...

Тут Литвинов махнул рукой и опустил голову.

– Врать не хочу, соединение это действительно у меня есть, но дать его вам я не могу. Вы просто её убьёте, да и бесполезно все это, – я снова поднялся, собираясь уйти. Но Литвинов вскочил и схватил меня за руку. Лицо его сморщилось и посерело.

– Постойте, ну, постойте! Вы ведь тоже отец, я знаю, и у вас тоже дочь. Вы должны нас понять, я вас умоляю. Ну, хотите, я встану на колени? – он начал опускаться, не выпуская моей руки. Я подхватил его и усадил на стул, не зная как себя дальше вести и что говорить.

Но тут заговорил молчавший до сих пор Звягинцев:

– Может быть, в порядке исключения и под мою ответственность?

Литвинов молчал и неотрывно глядел на меня все с тем же напряжённым лицом. Единственное, что смог я придумать – не решать ничего прямо сейчас, немного успокоиться и ещё раз все взвесить.

– Ну, хорошо, я подумаю. Мне нужно посоветоваться. Я скажу через полчаса.

Я, наконец, вышел из комнаты и направился к себе.

Баночка с сулемой стояла в вытяжном шкафу, я сразу её увидел. Там её было грамм десять. Только вчера мой аспирант Юра синтезировал эту соль, чтобы использовать для получения сложных ртутьсодержащих соединений, исследованием которых мы тогда занимались. Я взял в руки баночку. Бесцветные полупрозрачные кристаллы даже на вид казались тяжёлыми и маслянистыми. Многократно используя это соединение в своей работе, я привык относиться к нему как к обычному реактиву, автоматически выполняя правила повышенной осторожности, когда пересыпал или добавлял его в какую-нибудь реакцию. Теперь я физически почувствовал, что держу в руках смерть. И эти кристаллы по странному житейскому выверту могут дать счастье человеку, пусть секундное, иллюзорное, но счастье – счастье надежды. А потом?.. Смерть дочери и постоянная мысль, что своими руками дал ей яд?..

А моя роль равнодушного убийцы?.. Или бездушного буквоеда, опасющегося за собственную кожу?..

А если этот лекарь-знахарь психически ненормальный и использует соединение для отравления других людей?..

Девочка погибнет в любом случае, это ясно из слов отца. Но он сейчас ждёт и надеется. Наверное, где-то у постели дочери сидит мать, и тоже надеется на спасительное лекарство. Только несколько дней надежды может дать им эта соль. Ничего больше. Но ведь и это немало...

Я набрал телефон Звягинцева.

– Борис Александрович, передайте вашему знакомому, я сейчас принесу то, что он просит...

С. Шустов

ЗАПИСКИ ЮНОГО ПЕДАГОГА

В дачной Пустыни, на берегу озёр в сосновом бору, стоит университетская биостанция. Само наличие биостанции добавляет много чего в пустыньскую жизнь. В том числе некоторой нервозности. Не без этого. Всё-таки толпа молодых горожанок (в основном) и горожан наводняет деревню. Каждое лето. На два месяца. Это как-то само по себе уже беспокойно. И приезжающим, и деревне. Но в основном все добавки, идущие от биостанции в пустыньский бурлящий котёл, положительны по своей сути. И про все это стоит писать отдельную книгу...

* * *

Именно будучи студентом второго курса биофака, я пережил свой первый в жизни педагогический триумф. Дело было так. Мы должны были, среди прочего, провести небольшую летнюю практику со школьниками. Отшлифовать, так сказать, свои не только профессионально зоологические, но и педагогические навыки и умения. Мне почему-то досталась группка так называемых трудных подростков. Слава богу, группка была небольшая. Подростков десять-двенадцать. Помню, их привезли на биостанцию на автобусе из городского интерната. Детки были воспитательно запущенными. Они свободно чувствовали себя в любой среде, а уж очутившись на лоне природы, твёрдо решили, что «оттянутся» здесь непременно по полной программе. Никто был им не указ. Кроме грозной воспитательницы, которая их, собственно, и привезла. Хорошо ещё, что она сопровождала их везде.

Детки резвились и шалили вволю. Однако воспитательница Марьиванна (кажется, так они её звали) была способна приструнить их в любой момент одним только испепеляющим взглядом. Моя же задача была ознакомить детишек с флорой и фауной Пустыньского заказника, следя, естественно, ещё и за тем, чтобы дети не убили, резвясь, медведя или не напугали насмерть кабана.

Плотно позавтракав на биостанцевской столовой (отличной, кстати!) кашей и бутербродами, мы бодро отправились в сторону ближайших карстов. Я, вероятно, от волнения, сразу, что называется «с виража», попытался войти в роль опытного экскурсовода и каким-то подавленным голосом, напоминающим шипение грампластинок тридцатых годов на старом патефоне, стал вещать про особенности местных биоценозов. Все, что я рассказывал, захлёбываясь, торопясь и спотыкаясь через слово, дети пропускали мимо ушей. Ну, называется птичка клестом, ну, предположим, растёт тут какой-то бересклет бородавчатый, но мы-то здесь причём, скажите на милость?! И трудные подростки пинали шишки, шугали по кустам белок и дятлов и тайком от Марьиванны смолили сигаретки.

Я шёл ко дну. Мои педагогические порывы неумолимо близились к полному фиаско. Одна лишь Марьиванна с все возрастающим интересом слушала меня и даже начала задавать неглупые, в общем-то, вопросы! Ей экскурсия определённо нравилась. Она с неподдельным восторгом лезла в гнездо к зяблику, заглядывала широко раскрытыми от трепетного ужаса глазами под переворачиваемые мною валежины (там я искал весьма редких лесных тараканов, чтобы хоть чем-то знакомым привлечь внимание трудной молодёжи), собирала в целлофановый пакетик все листья, которые я тщился продемонстрировать шалющим вокруг меня оболтусам. Все было ей внове! Оказывается, она чувствовала в себе тайную любовь к природе, но не знала, как же и где дать ей выход. Про подопечных детей она почти забыла. А жаль...

Подросткам как-то все уже надоело. Они начали откровенно зевать, присаживаться на хвойный опад и тихо стонать «пойдёмте домой!». Нужно было что-то срочно предпринимать! В таком тревожно-растрёпанном состоянии я оказался на берегу заросшего карста, где объявил привал.

Дети попадали на землю. Лишь неумолимая, словно нашедшая себя в новом импульсе бытия, Марьиванна бодро рыскала по кустам, подтаскивая периодически мне и суя под нос всякую лесную дребедень. «Что это такое? А это что? А вот тут чего-то непонятное, красненькое?» – без умолку вопрошала она. Я, поначалу пребывавший в состоянии востребованности (хоть кто-то от меня чего-то получит на этой злосчастной экскурсии!), начал помаленьку впадать в педагогический ступор. Сидя на берегу зарастающего трёхлистной вахтой карста и глядя в проблёскивающие бочажки воды, я ли-

хорадочно соображал, что же мне делать дальше. Сзади, за моей спиной, сопели и гудели утомлённые походом трудные подростки.

Неожиданно я увидел в водяной бочажинке в центре карста солидную прудовую лягуху. Она забралась на лист вахты и собиралась отдохнуть среди солнечных пятен. Весь вид её излучал довольство. Она была чрезвычайно похожа на пупырчатый малосольный огурец. Это была (я почему-то так решил) самка. И тут я вспомнил, как доцент Сидоренков рассказывал нам о том, что в брачный сезон самок прудовых лягушек можно подманить, имитируя звуки, издаваемые токующим самцом. Я, помню, тогда даже пробовал издавать эти звуки. Вслед за доцентом. И неплохо, кстати, получалось! Не повторить ли мне это сейчас?! Была не была!

Я навис над сопящими детьми и объявил, что буду демонстрировать фокус, которого они ещё никогда не видели и вряд ли увидят когда ещё. Сам я сомневался сильно, что они и сейчас фокус увидят. Но отступить было поздно. Если во рту поставить язык ребром, поперёк, осклабиться в ухмылке на левый бок и гнать через это заграждение из лёгких воздух, то может получиться громкое и специфическое кваканье прудовой лягушки. Что я и, напрягшись душой и телом, сделал. В течение, должно быть, целой минуты. Я заливался соловьём, если здесь можно так сказать! Я трепетал горловыми связками! Я квакал с таким воодушевлением, как, наверное, никогда в жизни не квакал ни один самец не то что нашей, а даже и заморской амфибии!

Результат превзошёл все мои ожидания. Ошеломлённый не менее детей, я вдруг увидел, что вся, доселе спокойная и тихая обитель, резко взбурлила, и ко мне со всех сторон карста из-под листьев вахты и бордюра ряски ринулись невесть откуда взявшиеся толстые зелёные лягухи. Они спешно выбирались на берег и бодро ковыляли в моем направлении, ориентируясь по звуку, явно с твёрдым намерением продолжать прямо здесь и сейчас свой достославный лягушачий род. Этих огурцов шевелилось вокруг штук, должно быть, с полсотни! Дети застыли в немом изумлении. А дальше прямо-таки заорали от восторга! Боже мой, как их задело за живое! Что это был за ажиотаж! Чуть ли не на руках трудные подростки понесли меня по холмам и впадинам. Они спрашивали обо всем. Они смотрели мне в рот. Они ловили каждое моё слово. Огорошенная Марьиванна, спотыкаясь, бежала крупной рысью следом за нами, оглядываясь периодически, не преследуют ли нас лягухи.

Тут, наконец, ко мне вернулся дар речи, и Остапа понесло. Я рассказал им снова все, что рассказывал только что, час назад. Я показал им всё, что мог. Я вывел их даже на понятия экосистемы и пищевых цепей. Я показал им, как цветёт болотный ирис в протоке на озеро Свято. Я рассказал, как ловит рыбу в ручьях зимородок, и делает гнездо на самых тонких берёзовых ветвях высоко над землёй иволга. Как строят плотины бобры (и даже показал свежееобгрызенную бобром осиновую болванку). Мы вместе нашли нору хищной осы-аммофилы и, затаив дыхание, смотрели, как охотится из своей воронки, стреляя песчинками, личинка муравьиного льва. Стрекоза бабка зелёная продемонстрировала нам свой торжественный выход из шкурки. Зяблики и чечевицы пели надо мной хвалебные гимны. Листья клёнов и лип рукоплескали мне. Как римского триумфатора, трудная молодёжь внесла меня на биостанцию. Так я познал вкус славы!

* * *

Много лет спустя я сам стал водить на экскурсии студентов. Что поделать, время бежит, и мы бежим вместе с ним, как белка со своим колесом. Я ходил с группами робких первокурсников и уже вполне степенных, знающих себе цену второкурсников по тем же святым для меня местам, по которым (ещё, казалось бы, совсем недавно) таскался за профессором.

Там я познал (в противовес предыдущей истории) горечь профессионального и педагогического поражения. Просто в одной из групп был неприметный с виду вьюнош. Звали его Толян. Как положено всезнайке, он носил очки, но, что нетипично, был остёр на язык и весьма развязен. За словом в карман он лез редко. Когда я понял, наконец, чем одарила меня судьба, было уже поздно. Всё, что с видом знатока я вещал группе, тут же критически воспринималось Толяном и подвергалось тщательной выверке. Не дай бог было ошибиться! Не чувствуя порой подвохов, я сам с готовностью кролика перед удавом лез в петлю, после чего меня ехидно и изящно поднимали на смех. Ну, не то чтобы на смех. Но, короче, были огорчения...

Толян знал все! Где только он сумел всю эту информацию почерпнуть и когда – усвоить?! Я стал готовиться к экскурсиям тщательнее, плотнее. Сидел в своей комнатёнке на биостанции допоздна, жёг электричество, даже курил (нервы!), листал какие-то определители и старые тома Догеля и Натали, и на чем свет материл внутренне этого очкарика Толяна. Вот ведь повезло со студентом!

Конечно, в глубине души я был горд за такое вот «подрастающее поколение». Но когда утром я видел, как Толян, извлекая пригоршнями короедов, пауков и листоблошек из своих коробочек, (которые почему-то в несметном количестве всегда были при нём и непостижимым образом помещались в какие-то карманы Толяновых куртки и штанов), сыплет латынью и повергает в священный трепет всю группу, мне опять становилось как-то огорчительно. На этом месте должен быть я! Кто здесь, в конце концов, преподаватель?! Пусть даже и молодой. А кто ученик, едрёна вошь?!

Кстати, Толян знал всё даже о вшах...

За энтомологическими экскурсиями начались орнитологические. Птиц я знал вроде бы лучше, чем насекомых. (Я уж сомневался к тому времени даже и в этом!) Но Толян был не промах и тут. Он умел подражать голосам птиц, чему я тайно и сильно завидовал. Я полагал, что умею приманивать некоторые виды. Однако оказалось, что по сравнению со способностями Толяна, мои потуги выглядят как собачий вальс против ночной серенады Моцарта.

Подружили нас две иволги...

Дело было так. Мы пошли с группой на карстовое озеро в пяти километрах от биостанции. День ещё только нарождался. Стоял туман. Было росно. Девчонки сразу же стали поскуливать, что-де джинсы все вымокли, а ноги замёрзли. Толян был заводилой вновь. Обсмеяв девиц, он уже рыскал по кустам, как охотничья собака. Он находил гнёзда, осторожно показывал их всем интересующимся, успевал фотографировать на слайды и на негативную плёнку (для этого он таскал с собой даже два фотоаппарата, свин морской!), заливался подробностями об интимной жизни пташек и жуков смущающимся девушкам, словом, полностью и бесповоротно вновь перехватывал у меня всю педагогическую инициативу. Я уныло тащился где-то сбоку и, тем не менее, с интересом прислушивался к рассказам этого выскочки. Рассказчик он был великолепный! Это следовало признать.

Постепенно солнце вставало над лесом, пошли поляны, сухие холмы. Девчонки обсохли, согрелись, повеселели. Шуток и прибауток прибавилось. Мы останавливались, чтобы записать в блокноты очередную услышанную птичку. Я что-то бормотал, а Толян бойко клепал добавки, ярко и образно дополняя мои сухие академические рассказы. И тут запела иволга.

Мы стояли на тропе. Вокруг нас высились колоннады стройных берёз. А где-то высоко над нами, там, где уже всю властвовало солнце, нежно и сочно играла иволга на своей флейте. «Тиу-лиу... Тиу-лиу», – неслось с небес, и этот флейтовый высвист так чудно шёл этому розовому утру и этому белоснежному березняку. Девчонки сбились в стайку и зачарованно слушали. «Иволга, иволга...», – шептали все. И было в самом этом слове какое-то тактильное, обонятельное и осязательное (не говоря уже о слухе) ощущение праздничного летнего утра с берёзами и солнцем в листе...

Наслушавшись, мы стали записывать сведения о певунье. Я продолжил своё академическое бормотание о том, что-де птица уж очень красива, прямо кусок золота. Жаль только – осторожна и не спускается с высоких вершин берёз вниз. Так что увидеть её – увы, как говорится, и ах!

– А я подманю сейчас её, – бодро встрял Толян, – это раз плюнуть! Они доверчивые. Легко обманываются! И хитро посмотрел на красивую девушку Веру. Та засмушалась и зацвела как маков цвет. «Ах ты, свин морской, – подумал я неприязненно. Уж и Верку охмурил!» Ну положительно этот Толян мне был не по нутру...

Но делать было нечего.

– Валяй, свисти, – проямлил я, втайне подленько надеясь, что иволга Толяна раскусит и покажет ему кукиш с вершины берёзы. И Толян засвистел. Все ждали фокуса, как передние ряды в цирке ждут, когда лев наступит лапой на бортик арены. Толян старался. Но иволга, похоже, попалась тёртая. Та ещё! Она затаилась где-то в заоблачной вышине и размышляла, кто это балует. Собственно, она должна была откликнуться на вызов соперника, но что-то мешало ей. Может быть, она уловила фальшь в вызове?

Тут и я проснулся и вспомнил вдруг, что тоже умею подманивать иволгу. По крайней мере, я всегда так считал. Но точно сказать, пожалуй, я бы сейчас не решился. А, наплевать! Вдруг получится?

Получилось же тогда с лягухами-огурцами! Может, Толяну-выскочке, свину морскому, утру соплю! И я засвистел аки Соловей-разбойник...

Так мы, пересвистывая друг друга, надсаживались минут десять. Иволга затаилась и молчала с ответом. Группа также напряжённо безмолвствовала. И тут случилось неожиданное! Прямо на нас, сверкая в солнечном луче, пробившемся сквозь берёзовую листву к тропе, вылетели и истошно заорали драными кошками сразу две иволги. Одна явно метила ударить по «кумполу» меня, а вторая заходила в выраже на Толяна. Девицы завизжали от страха и восторга одновременно, а мы с Толяном, отклоняясь от летящих на нас «слитков золота», громко и больно стукнулись лбами.

– Досвистелись, – потирая ушибленный лоб, простонал Толян.

– Ничего, у тебя баклажан покрепче моего будет, – ответственвал я ему, держа ладонь на своей пострадавшей голове. И мы разом громко расхохотались. А иволги уже орали где-то высоко, явно обсуждая (и осуждая) двух придурков, которые чего-то строят из себя. В воздухе пахло мокрым берёзовым листом, как в бане. Тропу покрыли подвижные полуденные пятна солнца. Экскурсия удалась!

После этого инцидента мы как-то быстро и незаметно стали друзьями. Правда, насекомых Толян до сих пор знает лучше меня! Это следует признать!

СОБАЧЬЯ ВЕРНОСТЬ

Кубик увязался со мной в первый лесной поход ещё в прошлом году. Мы тогда были малознакомы. Кубик решил проверить, что я за человек. И побежал со мной в поход. Поводом к знакомству тогда послужило просто моё ласковое слово. Я не знал, как зовут Кубика, и назвал его... уж и не помню как. Но Кубик откликнулся. Он понял, что слово ласковое. И побежал со мной в лесной поход.

Поначалу я был против этой зарождающейся дружбы. Я совершенно не знал этой собаки. Я не ведал, чья она. Может, беспризорная? Может, себе на уме? Возьмёт вот и тяпнет за руку где-нибудь в укромном лесном местечке. И съест. Целиком. Вон какая здоровая! Один загривок чего стоит!

Кубик оказался добродушным и верным псом. У него были необыкновенно умные и добрые карие глаза. Но это я разглядел не сразу. Шерсть его была отличного качества, вся обильная, жёсткая как щетина и чёрная с подпалинами. Хвост он держал все время как волк – поленом. Вообще, похоже, в его родне были какие-то благородные крови.

На первом привале, у Чёрного ручья, через пять километров пути, я дал Кубику половину бутерброда. Он взял его очень деликатно, не спеша. Затем лёг на некотором отдалении от меня и схрупал его одним залпом. Похоже, что псина все ещё решала для себя – стоит ли со мной завязывать тёплые отношения. Это было заметно по той манере, с которой Кубик бежал сейчас со мной. Всё его поведение в первом лесном походе выражало полную независимость. Он не отзывался на оклики (тем более, что я не знал, как его зовут!). Он убегал куда-то в сторону и пропадал из виду на полчаса, изучая какие-то свои проблемы и исследуя свои намеченные лесные закоулки. Я был, похоже, для него просто поводом отправиться в лес. Не более. Может быть, он решил, что вдвоём веселее. Как-никак, живая душа! В лесу он вёл себя очень чутко, профессионально. Не шумел, не лаял, не суетился. Он словно бы делал какое-то задуманное ещё давно важное собачье дело. Короче, я не мешал ему, а он – мне. Мы шли параллельными курсами, как два эсминца в эскадре, изредка салютуя друг другу.

Постепенно дружба начала складываться. Она – дружба, – всегда складывается незаметно. Примерно так же, как незаметно растёт кирпичный дом: сначала фундамент, потом стены, а потом (когда ещё?), наконец, ставятся стропила и крыша. Теперь можно топить печку и жить. Так вот и у нас с Кубиком получилось. Фундаментом стал, нет, не бутерброд (что это за дружба такая, если она замешана на бутербродах!), а именно ласковое слово. Тут я впервые за жизнь чётко осознал некоторые преимущества быть человеком. На втором привале, у Крестовских карстов, я наговорил псу много ласковых слов. Я даже и не подозревал, сколько я их знаю. Помню, даже назвал его морской свинкой. Быть может, это уж и не слишком ласково, но Кубик принял и эти слова с должным вниманием. Он лежал и отдыхал на этот раз почти рядом, внимая моей речи и изредка пристально взглядывая мне в глаза.

На третьем привале, уже в девятнадцати километрах от Пустыни, мы разожгли костёр. Собака почему-то страшно обрадовалась огню. Пёс заметно оживился, растеряв большую часть своей степен-

ности и независимости. Он даже позволил себе сделать радостный щенячий прыжок в мою сторону, когда костёр вспыхнул и затрещал. Он откровенно был в восторге от затеи с настоящим лесным биваком. «Уж не охотничья ли это собака была когда-то?», – подумал я. А пёс уже вполне преданно глядел мне в лицо своими карими глазами.

Так нам хватило трёх привалов – двух маленьких и одного основательного, – для того чтобы заложить фундамент и возвести каркас нашей дружбы. Бутерброды давно кончились. Я вёл свои орнитологические учёты, записывал в блокнот данные, измерял шагомером маршруты, изучал следы на песчаных просеках, словом, делал свои нехитрые научные дела. Кубик тем временем все рыскал по чащобам, вспугивая иногда рябчиков или тревожа глухарей. Он копал ягель под соснами, выискивая что-то. Забирался под поваленные дубы и там азартно сопел. Причуивал зверя и преследовал его далеко. Он скусывал какие-то травы и размалывал их своими здоровенными молярами. Он прибежал ко мне, дожёвывая на ходу какую-то неведомую мне добычу, удостоверился, что я не заблудился, и убежал вновь, деловито и решительно. Он был явно в своей стихии.

Домой в деревню мы вернулись поздно в сумерках. Около калитки Кубик замер, словно опять решая про себя какие-то важные вопросы, связанные со мной. Я приглашал его войти в дом, но он отрез отказался. Тогда я вынес за калитку миску с едой, наскоро сварганенной Ларой. Пёс для вежливости потыкался туда, помахал хвостом и вновь взглянул мне в глаза пронзительно-тревожно. Потом он быстро исчез в надвигающейся вечерней темени.

– Что это за собак? – спросила Лара.

– И сам не знаю... – ответил растерянно я.

В глубине души, однако, что-то упорно подсказывало мне, что знать об этом псе я обязан многое. И что эта собачья судьба начинает переплетаться с моей собственной.

Целую неделю Кубик не приходил, а в деревне я его почему-то не видел. Наконец, однажды утром, когда я уже совсем собрался в лес и, подтягивая сапоги на крыльце, мурлыкал песенку себе под нос, у калитки засопел пёс. Он внимательно глядел на мои сапоги, затем переводил взгляд на меня – и было видно, что собака прекрасно понимает все складывающиеся вокруг причинно-следственные связи. Так мы стали исправно ходить по лесам вдвоём.

Странно было, что Кубик почти не ел предлагаемую Ларой пищу. Он был вполне ухоженной, упитанной собакой. Он был чрезвычайно воспитан. Он никогда не заходил в дом, сколько бы Лара его не приглашала. Он не брал пищу из рук, а отвеживал всегда только из миски. «У него явно есть хозяин, – заявляла Лара, – он какой-то неброшенный».

И только через месяц Митрич просветил меня, увидав у нашей калитки собаку, что это – тимофеевский пёс, и зовут его Кубик.

Оказалось, что хозяин Кубика, Тимофеев, уже второй год болеет и почти не выходит из дому. «Некогда крепкий мужик был! И когда-то они шастали вместе по всей округе! – просвещал меня Митрич, – самые охотники на деревне были». Именно поэтому пёс знал как свои пять пальцев (у собак их тоже пять!) все окрестные леса и болота. Он не был породистой охотничьей собакой. Он был просто верным дворовым псом, гордым и умным, к тому же страстно любившим вольные лесные скитания. Все охотничьи навыки он приобретал сам. Он вообще всему учился на редкость быстро!

– Понравился ты ему чем-то, – скрипел Митрич негромко мне, дымя папиросой, – он ведь уже почитай два года сам бродит по лесам один. Все отвыкнуть от прежней жизни не может! И с деревенскими собаками никогда не водится. Гордый!..

Однако понравиться до конца Кубику мы с Ларой так и не сумели, как ни старались. Он приходил к нам редко, как бы случайно. Причём почти всегда он угадывал именно те моменты, когда я «намыливался» в дальние походы. Тут уж его уговаривать не приходилось. Я долго думал, почему собака не приручается, не привыкает жить у нас. Многие деревенские Шаррики считали бы за честь столоваться каждый день на щедрых «дачниковских» харчах. Однако Кубик не продавался ни за какие хлеба. Он никогда не унижался и ничего не просил. Я даже не видел ни разу, даже будучи уже с ним в плотной «мужской» дружбе, чтобы он вилял хвостом. Он вновь и вновь уходил от нас куда-то, лишь только мы с ним завершали очередной поход.

Однажды мне случилось проходить мимо дома Тимофеевых, что стоял от нас весьма далеко, на другом краю деревни. На липовой лавочке, под резными наличниками сидел хозяин, некогда крепкий

мужик Тимофеев. Он смолит «Приму Ностальгию» и поминутно кашляет. Было заметно, что даже сидеть на лавочке у собственного дома ему тяжело. Я поздоровался с ним и стал пенять ему, что вот, дескать, болеешь, а дымишь, как бабы Фаинина «банешка»!

– Ничего не будет, – стандартной пустынской поговоркой добродушно отвечал мне некогда крепкий мужик Тимофеев, – все равно скоро помирать!

Вот те раз! Я не был раньше знаком с хозяином Кубика, и, собственно, разговорился сейчас с ним впервые.

– Пёс у вас хорош, – сменил я тему, – сразу видно, умный и сильный!

– Весь в хозяина! – добродушно отвечал мне Тимофеев.

– Охотились раньше, я слышал?

– А то как же?! В наших лесах да болотах – самая охота! Тетерева да утки тут у нас страсть! Да вот, видать, отохотился!

– А собака-то как же? – словно ненароком спросил я.

– А никак! Пробовал отдавать его и друзьям, и знакомым, ни к кому не идёт... Через день, через два, а опять прибегает домой. Верёвки рвёт. Раз в Печеры отвезли, так он через месяц пришкандыбал, весь в репьях и коростах. Настырный, зараза! Весь в хозяина!

Тут мужик Тимофеев шибко закашлялся, а из-под крыльца выбрался на звук наших голосов Кубик. Увидев меня, он, как мне показалось, чуточку замешкался, однако еле заметное шевеление хвоста всё-таки выдало его. Он поглядел на меня внимательно умными карими глазами, а затем меня вновь для него не стало. Кубик подошёл к хозяину и положил свою громадную морду ему на колени. Тимофеев кашляет и сипел, а собака сострадательно глядела на него. И тут, ещё раз посмотрев в собачьи глаза, я окончательно понял, что Кубик никуда не уйдёт и никаких верёвок всего мира, а также колбасы или ещё чего-нибудь вкусенького не хватит, чтобы оторвать его от хозяина.

Теперь я знал, что после наших походов Кубик мчался домой, к хозяину, и, если бы умел говорить, наверное бы просил у него прощения за отлучку.

– Ниче-е-е не будет! – прокашлявшись, наконец, радостно сообщил мне мужик Тимофеев. Одно плохо, псу со мной – маета!

«Как разнообразны стили человеческих жизней!» – восклицал однажды в изумлении И.С. Аксаков. А собачьих?..

СОЮЗ ПОЛУШАРИЙ

НАШЕ ПОЗДРАВЛЕНИЕ. ПЕРСОНАЛЬНАЯ ВЫСТАВКА С.И. РОДИОНОВА

21 июля 2022 года в Выставочном зале на Большой Покровской открылась выставка Сергея Ивановича Родионова. Она приурочена к 70-летию художника, и мы с великой радостью поздравляем юбиляра тоже.

Картины «Въезд в Иерусалим», «Исповедь»

Открытие удалось. Трудно представить, чтобы в середине лета на культурное мероприятие собралось более сотни человек. Пришли люди, которые знают и уважают живопись С.И. Родионова. Здесь важно упомянуть, что долгие годы (а точнее, с 1975 по 2020 гг.) он преподавал в Доме детского творчества Советского района. Из его студии вышли художники, искусствоведы и люди самых разных профессий, но все любящие и понимающие изобразительное искусство. Многие из них как раз и пришли на выставку.

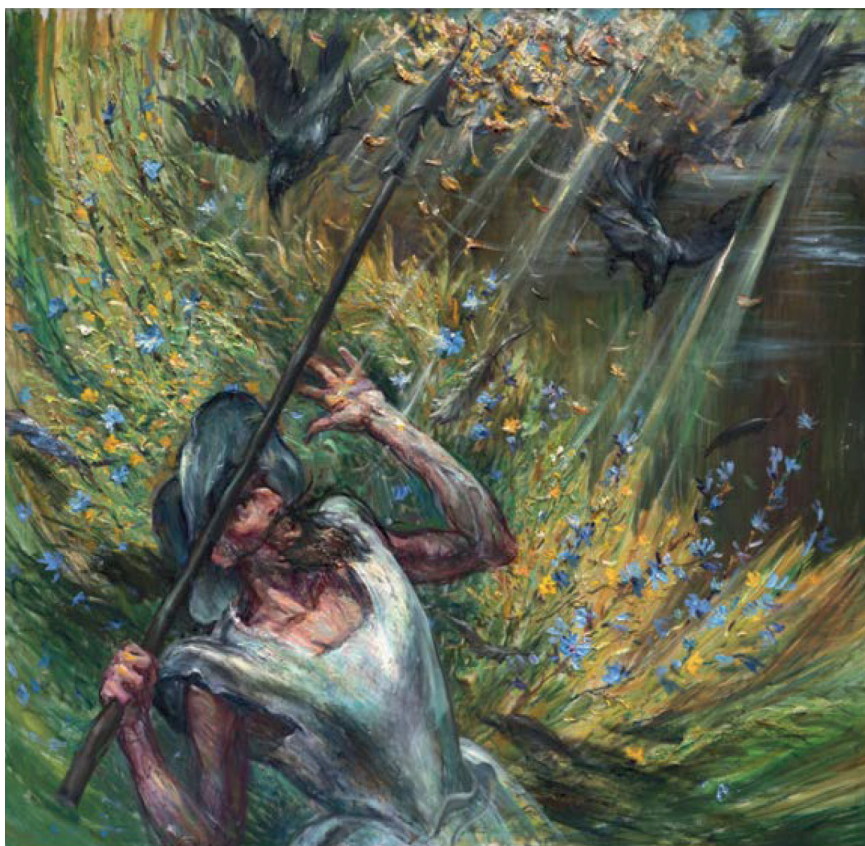
Название выставки – «Союз трёх муз» – можно считать творческим девизом художника. Сюжеты его картин неординарны, они наполнены культурными реминисценциями, призывающими зрителя ощутить вершины духовного развития человечества и стремиться к их постижению.

Картины «Ученики во время казни», «Дорога к храму»

Картины «Пушкин» и «Паганини»

«Дон Кихот и вороны»

Лично меня особо впечатлили «Ученики во время казни» и образ прекрасного идадьго. Блестящая работа!

С юбилеем, дорогой Сергей Иванович!

ЧЕТЫРЁХКРАТНЫЕ ПОБЕДИТЕЛИ ГРУШИНСКОГО ФЕСТИВАЛЯ

Талант нельзя спрятать. Ярким подтверждением этому служит творческий союз певицы Ирины Беляковой и гитарного дуэта «Роза ветров», который составляют Альберт Джафаров (на фото слева) и Юрий Зинин. Все они вначале получили техническое образование, а Ирина вообще после окончания водного института мечтала стать океанологом. Но тяга к музыке победила. На счету музыкантов немало ярких побед. Они – четырёхкратные победители Грушинского фестиваля (в разных номинациях!), победители Ильменского фестиваля авторской песни, фестивалей Гренландия и «Музыка сердец». Познакомиться с их песнями можно в Интернете.

Интересной особенностью репертуара трио является обилие колыбельных песен. «Лунная», «Себе», «Сыну», «Дочке», «Старому шкафу» – совсем неполный перечень их колыбельных. Ирина Белякова считает, что у каждого должна быть своя персональная колыбельная, как талисман или оберег.

И. Белякова**КОЛЫБЕЛЬНАЯ НИЖНЕМУ**

Нижний, я прошу – не надо хмуриться,
Хочешь, колыбельную спою?
Я сейчас иду по тихим улицам,
Чтобы слышать музыку твою.
Как оркестр мне аккомпанирует!
Инструментов – целый арсенал:
Скрипки проводов всюду солируют,
Словно улица – концертный зал.

Краны новостроек как виолончели,
Отбивает ритм трамвай пустой,
Ветви крон – поющие свирели,
И у каждой флейты голос свой!
Вот вступают трубы пароходные,
Фортепьяно грезится река:
Музыка воздушная, свободная
Улетает ввысь, за облака...

Наслаждаюсь я своей забавою,
Дождь как арфы приглушенный звук.
Я иду, октава за октавою:
Клавиши брусчатки – тук, тук, тук.
Город мой оркестром дирижирует,
Фонари горят как рампы свет,
Я тебе, мой Нижний, аплодирую!
Ну а ты мне улыбнись в ответ...

А. Хилько

ИЗОСТУДИЯ РФ–75

Давным-давно, 47 лет назад, трое выпускников радиوفизического факультета (РФ) горьковского университета Владимир Васильев, Сергей Азин и Александр Хилько, решили объединиться, чтобы вместе изучать изобразительное искусство, графику, живопись, лепку, и таким образом постараться лучше почувствовать прекрасное, а заодно понять себя и в более полной мере проявить свои таланты. Позже, примерно через два года к ним присоединился ещё один радиофаковец Владимир Золин.

Мы объединились в студию, которая, вначале не имела своего помещения. В те годы трудно было найти помещение, где можно было бы собираться, и мы сначала собирались у гостеприимного Владимира Васильева дома. Обсуждали цели, строили планы, делали наброски. Потом возникла идея как-то (в общем, на птичьих правах) начать работы в пустующей мансарде на втором этаже, которая была нежилой и пустовала. Одна из стен её являлась окном, половина мансарды занимала печь, а потолок проваливался. Там зимой было холодно и темно, так что работать приходилось в телогрейках при желтоватом свете тусклой лампочки. Но мы были молоды, полны желаний и идей и были счастливы, что работаем, рисуем, составляем натюрморты и пробуем масляные краски. Через год-два, в основном усилиями Владимира Васильева, наша мансарда-студия была отремонтирована, туда провели отопление, починили потолок, стены, принесли старинную мебель, ковёр, повесили картины на стены и расставили гипсы. Получилась студия в полном смысле этого слова. В начале следующего лета 1976 года мы впервые вышли на этюды – поехали для этого в Безводное. Студия просуществовала в активной форме вплоть до конца 80-х годов. За несколько лет мы так или иначе прошли обучение в классах (по книгам). Мы освоили рисование, акварель, натюрморты, лепку, этюды, портреты, и даже добрались до композиции. В этой студии было высказано много мыслей и идей, было много посетителей и ценителей. Из примечательных событий было то, что некоторые картины наши были похищены любителями, что следует рассматривать как успех. Кроме того, у нас в гостях были известные нижегородские художники, в частности, Сергей Юрьевич Сорокин. Со всеми ними проходили жаркие дискуссии. Мы участвовали в выставках и даже занимали призовые места.

«Стержнем» нашего небольшого художественного сообщества был Владимир Васильев. Мы равнялись на его крепкий и здоровый живописный вкус и добротную манеру живописи. Его работы, как мне кажется, всегда были сильными, классическими, яркими, с тонким чувством колорита и правдивости. Его пример нам с Сергеем Азиным был всегда нужен для того, чтобы нас не заносило в глупую мазню. У Васильева всегда можно было поучиться. Все у него стояло твёрдо, и цвета всегда были благородными. Я восторгался его талантами и старался перенять у него крепость постановки и правдивость колорита.

Я, как и мы все, получал истинное наслаждение от занятий живописью. С радостью я погружался в пространство красок, форм и ритмов. Устойчивости в формах у меня не было. Я двигался как-то извилисто и непредсказуемо, но упорно. Начинать я каждую работу хоть и с желанием, горением, но как-то шатко, непрезентабельно, несолидно. Но обычно я не сдавался и начинал прибавлять, цепляться за изображаемый предмет, за эмоции, за фантазии и мечты. И часто мне удавалось вытягивать работу на какой-то содержательный уровень, хотя он и был далёк от реальности. В дальнейшем я взял это за принцип – здесь и сейчас пытаться решать изобразительную задачу не надеясь, что потом я смогу что-то добавить. Может, этим достигалась дополнительная живость, и работа не засушивалась. Однако часто мои работы выглядели недорослями.

Азин, на мой взгляд, обычно старался передать впечатления и чувства с помощью импрессионистических техник. Золина же вообще не интересовала впечатления, натура и технологические правила работы с красками и линиями. Он был из нас самым цельным и шёл исключительно от своего внутреннего голоса.

Когда мы в некотором смысле прошли «штудии» (через 2-3 года), каждый из нас стал определяться со своим видением и художественными задачами. При этом у нас были достаточно бурные обсуждения и крайне заинтересованное отношение к наметившимся индивидуальным подходам. Живописные мысли и идеи обычно у нас были окутаны в чувства и эмоции и кристаллизовались медленно, в основном через работы. Выраженные тенденции стали очерчиваться лишь со временем, уже после того как все произошло (через много лет). По крайней мере, у меня это так. Все тенденции и смены приоритетов проявлялись, чаще всего, либо в форме неудовлетворения своими работами, либо в попытках сделать что-то «интересное».

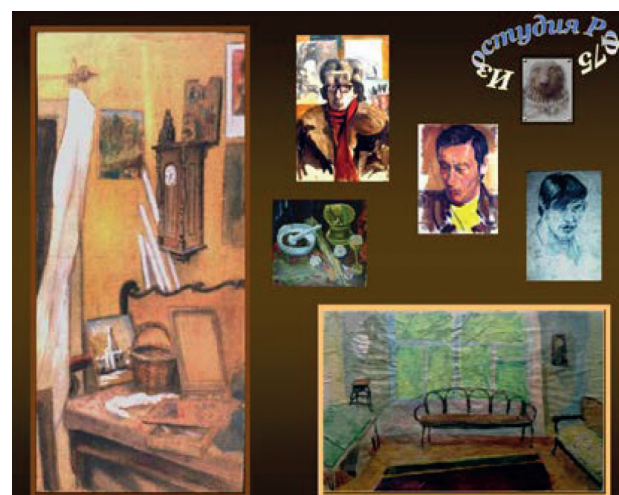
Для себя я понял только сейчас, что у Васильева проявилась тенденция выявить базовые объёмы с помощью интегрирования форм и колористических пятен. Это чем-то перекликается с кубизмом, но их, на мой взгляд, понесло слишком далеко, а у Васильева все как-то получалось ближе к «золотой» мере. Условно я это назвал для себя «тектоникой».

В то же время меня стало тянуть к изображению экспрессии, как в формах, так и в сочетании колористических пятен. Я стал везде, где можно, усиливать контраст, делать упругие линии. Это была у меня явно выраженная тенденция, которая, условно может быть названа «Упругая контрастная линия». Это меня захватило, и я стал двигаться, может, не совсем осознанно в направлении усиления воздействия.

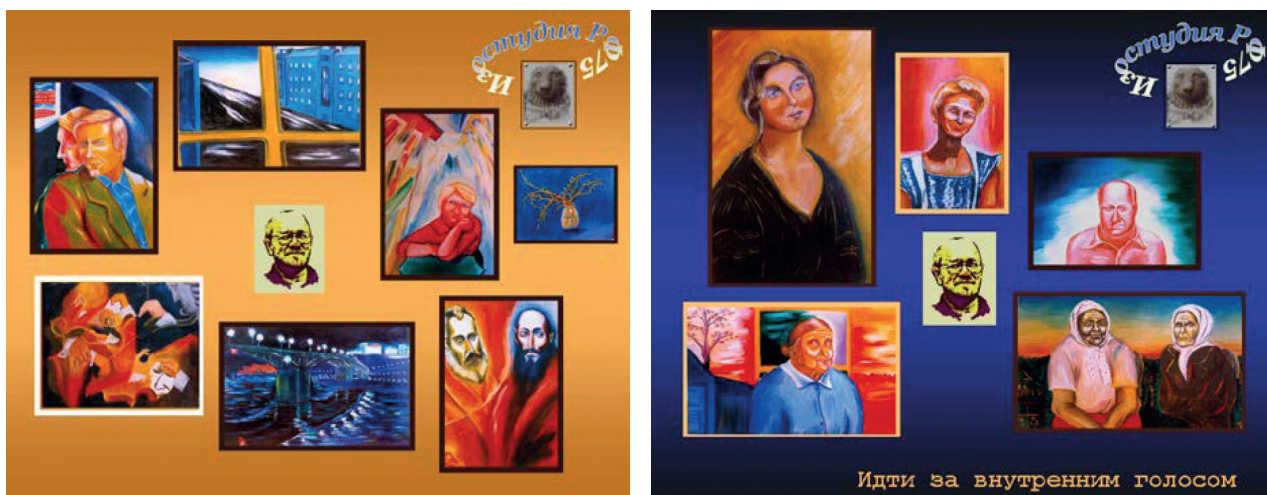

В творчестве Сергея Азина было меньше логики и мудрований. В своих живописных работах он отличался всегда искренностью и добрым отношением к тому, что изображал. Впрочем, в творчестве, как и в жизни, он всегда легко начинал дело и с симпатией относился ко всяким новым предприятиям просто. В работе он придерживался непосредственных впечатлений от натуры и излагал их в импрессионистской манере. Работы свои он не берег, легко их отдавал, терял, но всегда был готов начать снова, и при всей этой лёгкости ему часто удавалось сделать интересные, подкупающие искренностью работы. Кстати, такой человек, как Сергей Азин, был в нашей студии совершенно необходим, так как он всегда умудрялся просто, и непринуждённо реализовать все наши планы, поддерживал практически наши начинания, и в нем неизменно можно было найти положительный отклик.

Совсем другим был Владимир Золин. Он учился, только рассматривая работы своих любимых художников: Босха и Рембрандта, и в живописи использовал технику, ему приемлемую: например, писал картины маслом с помощью пальцев. Начинал он с «парафразов» известных картин, а потом стал изображать близких ему людей. Главной идеей его в технике и чувствах была ориентировка исключительно на внутренний голос. Это было выражено столь ярко, что из Золина трудно было выбить какие-либо пояснения или оценки. Обычно он говорил, что «так вот получилось». Его живопись изобилует яркими чистыми красками. Явно чувствуется внутреннее напряжение и вместе с тем неумолимая поступь времени.

Таковыми вот путями наш коллектив развивался в течение ряда лет. Где то к 1982-85 годам тот энергетический импульс, который в нас послало Провидение, начал иссякать, активность стала спадать. Каждый

из нас стал заниматься другими делами, ведь мы были лишь любителями и энтузиастами. Нас ничего не связывало кроме интереса. Потихоньку Васильев стал заниматься литературой, Азин – машиной, Золин – 3D-графикой, а я увлёкся наукой и морскими экспедициями. Я считаю, что последние всплески деятельности изостудии просматривались вплоть до конца 80-х годов.

Потихоньку пролетело ещё 20-30-40 лет! Жизнь нас трепала, лодочки наших душ отчаянно качались на волнах, и нас все сильнее разносило в разные стороны. Но в душах наших время тех лет молодости и занятий живописью навсегда осталось как источник света и тепла!..

Последний раз мы все встретились вместе 28 августа 2018 года. Природа на даче благоухала, налившись цветами, помидорами и яблоками. Было тепло и тихо. Сад был роскошно зелёный, а небо чистым и бездонным, так что красные и жёлтые яблоки красовались на голубом фоне. Георгины гордо глядели на волшебно пахнувшие розы. Все ещё жило в полную силу, но как бы остановившись в финальной точке, застыв, задумавшись. В этот момент мы четверо нарисовались в этой торжественной картине. С бутылками, стерлядями и, как потом открылось, с раками. Настроение было лёгкое, болтливое. Планы были необременительные. В основном, ничего не делать, есть, пить, париться, петь, вспоминать. И думать, что делать с остатком жизни. Очень скоро все облеклось в «сумбур вместо музыки». Всё-то нам было хорошо и правильно: и так, и наоборот. Мы то бродили по закоулкам большого сада, мысленно погружаясь в созерцание цветов, то собирались вместе выпить и непрерывно бухтели о прошедшем. Я, приклеив гитару на солидное пузо, ходил по саду и пел. Накатились волшебные сумерки. Зажглись оранжевые фонарики вдоль дорожек в саду. Царствовала торжественная тишина, и покой нарушался лишь стуком падающих яблок.

Зубровка к ухе, пиво к ракам, водка к грибам, вино к сливам, романсы к розам, а чувства – к звёздному небу. Чтобы не пугаться глубины мироздания, мы орали песни молодости на всю ночную округу. Потом, ближе к полуночи, было хождение по полутёмным комнатам, и этажам, низвержение в скрипучие постели и, как итог – разноголосые храпы.

В пять часов я вышел в сад. Утро ещё не окрепло. Все было молочным, ещё были видны некоторые звезды. Было ещё тише, чем раньше. Я попытался взглянуть глубже в то, что мы тут нашаманили, но сдался и отложил на потом. Может, подумал, как-нибудь что-то откристаллизуется, может, наши усилия не пойдут прахом, может, что-то и от этого родится?!

Ну вот, ушло ещё время, ещё ушло, ещё. Ясно одно, что, несмотря на нашу глупую возню и бухтения, испортить мы ничего не испортили, в природе все осталось прекрасно и удивительно. И мы наслаждались пребыванием в этом прекрасном мире. А на то, чтобы глубже понять и сформулировать, привычно подумалось, что нужно ещё время. Нужно ещё смотреть, мыкаться и добиться, если Бог попустит, ясности и чёткости. Вывод из всего этого напрашивался какой-то «мутный»: надо чаще встречаться, каждый год и созидать что-то в малых и чуть больше формах...

Но больше наш квартет не встречался. И сейчас, когда я пишу этот текст, ушли уже Сергей Азин и Владимир Золин. Друзья мои, они напоминают мне о нашей бесшабашной юности, желании вылезти за рамки физических формул и ощутить природу как всеобъемлющую реальность, в которой ты растворён и которой не можешь надыхаться. Наверное, это и есть то художническое начало, которое сплотило всех нас и вело по жизни и которое хранило изостудию «РФ-75».

Я. Кауров

БАСНИ

КОРОВА И ВОРОНА

Ворона встретила Корову:
«Что за нелепый экземпляр!
Нет! Я, простите, не готова
Перенести такой удар!

Что за убогое создание!
Как стыдно, некрасиво! Ах!
Нет ни таланта, ни призванья,
Ни искры в трепетных очах!

Вот, я, воздушная такая!
Непостижимо, как в Раю,
Подобно ангелу летаю
И песни ангелов пою!

Я говорю, даю советы,
Могу служить секретарём,
И декламирую сонеты,
И встречусь даже с королём!»

Спокойная как цеппелин,
Корова выслушала стойко,
Преподнесла Вороне блин,
Моргнула и пошла на дойку.

ВОЛК И ЗАЯЦ

Раскинул лес свою красу
Всем прериям на зависть.
И жили-были в том лесу
Злой Волк и серый Заяц.

У Волка каждый зуб – кинжал,
Острее чем иголка.
И Заяц очень уважал
Начальственного Волка.

Однажды Волк, учуяв след,
Гонял зайчишку долго.
Косой удрал, но Волка вслед
Хвалил из чувства долга:

«Как тонко Волк сыграл финал!
Высокая культура!
Хотел бы – точно бы догнал
С его мускулатурой!

Как уважает зайцев он!
Меня, конечно, лично!
Вот! Отпустил! Хоть он силён!
Не унижал публично!»

Второй раз Волк, набравшись сил,
Хотя всего не слопал,
Но ляжку Зайцу откусил,
– По самую по попу!

Хоть Заяц убежал на трёх
Своих последних лапах,
Но оклемался и не сдох,
И хвастался, растяпа:

«К столу всегда желанный гость
Простил меня, нахала!
Я опасаюсь, как бы кость
Меж зубок не застряла...

Как он удачно подчеркнул
Торжественность момента!
Теперь признает даже Мул
В волках – интеллигентов!»

А в третий раз – зайчишка весь
Составил Волку ужин.
Косой кричал: «Благая весть!
Как Родине я нужен!»

Мораль проста – ты не герой
Небес эксперимента,
Когда становишься порой
Обычным экскрементом!

СУРОК И ЕНОТ

Однажды маленький Енот
С орехами шёл на реку,
И на глаза, вот анекдот,
Попался толстому Сурку.

Сунок сказал ему: «Привет!
Как мы не виделись давно!
Прошла, казалось, сотня лет,
Но всё вокруг предрешено!

Хочу я поменять нору, –
Люблю всё изменить в судьбе.
Себе другую подберу,
А старую отдам тебе!»

Квартиру обошёл Енот:
И коридорчики, и холл, –
Всем хороша квартира, но...
Он недостаток в ней нашёл:

«С одним лишь выходом на свет
Опасно заводить нору.
С двумя – квартиры лучше нет,
Пророй, – и я её беру!»

Старался преданный Сунок,
Работал, не озорничал,
Всё нужное исполнил в срок
И вновь Енота повстречал.

Квартиру обошёл Енот:
И коридорчики, и холл, –
Всем хороша квартира, но...
Он недостаток в ней нашёл:

«Я подрасту и вдруг женюсь,
Вот этот холл мне маловат,
И с колоннадой будет пусть,
Расширь его побольше, брат!»

Старался преданный Сунок,
Работал, не озорничал,
Всё нужное исполнил в срок
И вновь Енота повстречал.

Квартиру обошёл Енот:
И коридорчики, и холл, –
Всем хороша квартира, но...
Он недостаток в ней нашёл:

«Побольше кладовых бы мне,
Чтоб зимовать с комфортом мог.
Ты поработай, и к зиме
Я твой переступлю порог!»

Старался преданный Сунок,
Работал, не озорничал,
Всё нужное исполнил в срок
И вновь Енота повстречал.

Енот сказал: «Великий труд!»
Сунок ответил: «Старина!
Ты знаешь, я подумал тут,
Квартира самому нужна!»

Мораль проста: дорога в рай
Всегда петляет сквозь кусты.
Когда дают, – ты забирай.
А не раскидывай понты!

ЛЬВИЦА И АНТИЛОПА

Однажды ранним утром Лев,
Потряхивая гривой,
На Антилопу, захмелев,
Взглянул слегка игриво.

И надо было в этот час
Случайно появиться,
Чтобы продолжить наш рассказ,
Его любимой Львице.

Она поймала гордый взгляд
Известного поэта.
И Лев, увы, не был бы рад,
Когда б узнал об этом.

Порыскал по саванне он,
Но не нашёл добычи!
И лёг в тенёк на мягкий склон, –
Таков уж был обычай.

К любимой подкатился Лев,
Кичась своею силой,
Прижал покрепче, осмелев,
А Львица – укусила!

– Пристанешь, укушу сильнее!
Видали остолопа!
Пойди, поприжимайся к ней,
К любимой Антилопе!

– Я не могу! У ней рога!
Ни кожи нет, ни рожи!
И мне она не дорога!
– Конечно же, не можешь! –

И Львица сыто отползла,
Поцыкивая зубом.
Глаза не выражали зла,
Не стали жесты грубы.

Она, скрывая торжество,
Всё смаковала шалость:
– И не было в ней ничего,
Костлявая попалась...

Мораль: такие нравы тут,
За взгляд единственный убьют!
Нет! Нет! Мы не желаем Вам
Попасться на дороге львам!

ПУДЕЛИ И ДОБЕРМАНЫ

В одном имении английском
Вольготно жили пудельки,
Смешили и родных, и близких
Их сальто, лай и кувырки:

«Как мы милы, и как нас много!
Смотрите! Мы забавней всех!
Мы так добры! И, слава Богу,
Незаменимы для утех!»

Однажды, выйдя из нирваны,
Лорд повелел без лишних слов
Определить себе в охрану
Вот этих самых пудельков.

И каждый пудель, став охраной,
Вмиг приобрёл другую стать,
И, обернувшись доберманом,
Прислугу начал угнетать:

«Куда пошли и что несёте?
Я этого не потерплю!
Вы помните? Вы на работе!
И каждый служит королю!

Постойте-ка, я Вас проверю!
А руки строго на капот!»
Да, доберманы просто звери,
От них бросает в липкий пот.

Остановилась жизнь на кухне.
Садовник спрятался за куст.
От страха горничная пухнет,
Лишь косточек раздастся хруст.

Взмолилась бедная прислуга:
«Жить с доберманами, нет сил!»
И лорд, прервав покой досуга,
Своё решение отменил.

А лорду, как богине Кали,
Перечить шавкам не с руки.
И снова по двору скакали
Смешные душки-пудельки!

Мораль сей басни некрасивой
Напоминает эпилог.
Ты лев, когда махаешь ксивой,
А без неё – обычный лох!

ПОДРУГИ

В деревне, вольно, на досуге,
Как дети одного отца,
В согласье жили три подруги –
Змея, Ехидна и Овца.

«Как ты умна!» – Змея шептала,
Ехидне падая на грудь.
«В Овечке женское начало –
Её божественная суть! –

Вещала мудрая Ехидна. –
О Боже, как она нежна!»
И по Ехидне было видно,
Что очень искренна она.

Они, смеясь, ходили в гости,
Гуляли по родным местам,
Перебивая вместе кости
Своим знакомым и друзьям.

Так славно жили три подружки,
Но, выпивоха и простак,
В деревню к ним попал Чекушка –
Принципиальный холостяк.

«Он мой!» – прицелилась Ехидна.
«Он мой!» – подумала Змея.
Но проявлять желанья стыдно.
Подруги – это не друзья.

«Какой он серый, недалёкий!» –
Ехидна молвила, скривясь.
«И неказистый, невысокий!» –
Змея подбрасывала грязь.

Мы об Овечке не сказали.
Но не вступая в разговор,
Овечка хлопала глазами,
Потупив скромно влажный взор.

Опохмелившись спозаранку,
Известный интеллектуал –
Чекушка всех позвал на пьянку
И с каждой дамой танцевал.

Вот тут подружек и прорвало:
«Гадюка, вобла, дылда, мразь!»
Им оскорблений было мало,
И скоро драка началась.

Примерно равны были силы,
Но через край плескалась страсть.

Змея Ехидну удавила,
Но от натуги порвалась.

Чекушка пьянствует с Овечкой,
Баранов наплодили взвод:
Пленил мохнатое сердечко,
Но в ЗАГС подругу не ведёт.

Мораль: милы сердцам забавы,
Но как появится самец
(Какой бы ни был он плюгавый),
Тут женской дружбе и конец!

И скажем мы определённо,
Бог любит пьяных и влюблённых!

ОРЁЛ И ОСЁЛ

Там, где пройдёт не каждая собака,
На перевале меж высоких гор
Осёл-трудяга и Орёл-служака
Затеяли серьёзный разговор.

Осёл тащил тяжёлую тележку,
Орёл свои медали поправлял.
Они смотрелись как орёл и решка,
А горы составляли пьедестал.

Орёл сказал Ослу: «А мы с тобою
Практически опора всей земли.
Я охраняю вас, готовый к бою,
А ты в труде – гигант и исполин».

«И-я! И-я, – сказал Осёл, – согласен!
Как хорошо, что мы с тобой друзья!
Союз Осла с Орлом всегда прекрасен,
Когда бы не порылась тут свинья!

В Колхозе нашем, посудите сами,
В стаканы льётся по утрам рассол,
У нас Осёл командует орлами,
Ослами правит молодой Орёл».

Посетовали, пошутили, спели,
Сказали вместе: «Вот какая жисть!»
Рассвиристелись словно свиристели,
А после, расставаясь, обнялись.

«В работе, а без славы и без денег!
Осёл!» – подумал про себя Орёл.
«Красавчик ты, а всё-таки бездельник!» –
С укором тихо прошептал Осёл.

Мораль проста: бесспорно, правы оба.
И тут уже не нужно лишних слов.
Орёл, конечно, он орёл до гроба,
Но я всегда на стороне ослов!

НАУЧНЫЙ НИЖНИЙ

А. Абрашкин

О ПРОИСХОЖДЕНИИ РУССКИХ ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ

В названии своего толкового словаря Владимир Иванович Даль применительно к нашему языку употребил слово «живой». В подзаголовке он приписал, что это следует понимать, как «направление исследования». Выражение достаточно туманное. Оно ничего не проясняет, однако приглашает задуматься. Параллель «живой – живущий» слишком очевидна. В современном мире существуют сотни, если не тысячи языков. В противовес умершим и вышедшим из употребления, их можно называть живыми. Но не такой смысл писатель вкладывал в свою характеристику. Окунувшись в глубины великорусской языковой стихии, он ощутил её корневую связь с миром природы, её естественность. Слово «птица» неразрывно связано с глаголом «петь», речь в русском восприятии – та же река, только наполненная духом и смыслом. Великорусский язык живой потому, что его корни хранят память тысячелетий, первообразы человеческой речи. Урожай – это то, что рождает мать – сыра земля, медведь ведает, где мёд, а облако – белое око небосвода. Жизнью наполнен наш язык, её вечной юностью, таков смысл далевского определения.

Но коли так, то как говорится, сам бог велел поискать глубинные основания нашей речи. Например, среди числительных.

ПОЧЕМУ ИВАН-ДУРАК ТРЕТИЙ СЫН?

Было время, когда человек только-только учился считать. Каменный век царил на Русской равнине. Математика тогда ещё не родилась, но первые числа уже существовали. Их соотносили с чёрточками, нарисованными на земле или процарапанными на камне. Или с палочками, выложенными вертикально в ряд. Одна палочка означала «один», две палочки – «два», три палочки – «три»...

Имена первым числам давали поэты. За каждым числом они видели определённый образ. Палка – древнейший символ мужского начала, а единица, повторяющая своим видом вертикальный обелиск, – символическое изображение бога плодородия. Наши предки называли его Уд. От словосочетания «Уд он» и произошло числительное «один». Вы скажете: появились другие гласные. Но слову-то не одна тысяча лет, а при произношении сохраняется, в первую очередь, каркас согласных.

Вся мифология, вся первобытная культура пронизана эротизмом. Было бы даже странно, если бы это не нашло отражения в названиях цифр. Представьте рисунок, на котором изображены две вертикальные черты. Он обратит нас к мысли о прекрасном сокровище, данном женщине. Число «два» олицетворяет женское начало, причём, в своём изначальном, девственном обличье. Два по-другому – «дева». Если на образном уровне единицу можно соотносить с ветхозаветным Адамом, то двойку – с Евой.

Третий в их компании, небезызвестный Змей, слывёт искусителем женских сердец, вдохновителем исполнения их заветных желаний. Суть такого рода удовольствий прекрасно выражает слово «три»: ласкаясь, возлюбленные трутся друг о друга. Три – это сочетание единицы и двойки, слияние мужского и женского начал, вернее, входа первого во второе. Русские до сих пор характеризуют это действие глаголами «дери», «драть». Они-то и таит в себе сокровенный смысл ругательного ныне слова «дурак». А в своём изначальном значении оно относилось к герою-любовнику, который блестяще владел искусством соблазнения. Иван – третий сын родителей, третьяк или драк (дурак). Числительное таит в себе скрытый смысл, который переносится на сказочного героя и определяет, тем самым, его образ.

Число «три» символизирует любовь, и не какую-нибудь безответную и платоническую, а взаимную, страстную, ненасытную. Вот почему третий тост мужчины всегда поднимают за женщин. Тройка – единственное число в последовательности положительных чисел, которое равно

сумме двух предыдущих. Это подчёркивает её избранность, внутреннюю сложность и в то же время гармоничную целостность. В мифологии число «три» подразумевает существование единства верхнего, нижнего и среднего миров, а в христианстве отражает суть божественного устроения. Тройка несёт Русь!

ОСОБАЯ РОЛЬ ЧЕТВЁРКИ

Для филологов происхождение слова «четыре» темно и неясно. От безысходности они выводят его из греческого языка. И совершенно напрасно. Для начала напомним, что слово «чета» – значит двоица, пара. Если же к нему присоединить глагол «ярить», имеющий смысл «разжигать похоть», то сложится как раз та праформа, из которой и выросло числительное «четыре». Означает оно «отъярить деву дважды». В таком художественном определении заложена и реальная математика: дважды два – четыре.

Всегда приятно убедиться, что открытое тобой правило работает. Но для пятёрки и превышающих её цифр оно уже даёт сбой. Четвёрка обозначает границу, за которой закон наименования чисел меняется. Эротический подтекст в названиях следующих цифр исчезает. Есть и другие доказательства избранности четвёрки.

Будем считать, например, дома и следить за окончанием существительного. Что получится? Один дом, два (три, четыре) дома, но... пять (сто) домов. Существительное, начиная с цифры «пять», употребляется в родительном падеже множественного числа. Два, три, четыре дома – это уже несколько домов, но для их счёта используется родительный падеж единственного числа. В составных числительных существительные подчиняются тому же правилу: «24 дома», но «25 домов». Эта древняя остановка на четырёх не ограничивается только числами единичного разряда. Она проявляется и в счёте десятков (тридцать, но сорок и пятьдесят), сотен (четыреста, но пятьсот), тысяч (4 тысячи, но 5 тысяч). За исключением числа «сорок», (о нём речь впереди), при переходе через четвёрку соответствующего разряда начинает употребляться существительное в родительном падеже множественного числа.

Удивись, дорогой читатель! Язык сохранил тонкости мировосприятия наших древнейших предков. На вопрос «сколько тебе лет?» ребёнок по мере взросления будет отвечать: «Мне два (три, четыре) года», но потом скажет: «Мне пять лет». Забавно, не правда ли? Возраст до четырёх измеряется в годах, а после – в годах.

Или ещё пример, наверно, самый красивый. Будем записывать однотипные наречия, образованные от названий первых чисел, восстанавливая их первоначальный вид и способ образования: одна-жди, два-жди, три-жди, четыре-жди. Но на следующем шаге мы вынуждены написать – пять раз. Чудеса, да и только! Четвёрка обозначает предел, за которым закон счисления качественно меняется. Разумеется, это наследие давних времён, эпохи каменного века. Но эту реальность сберёг наш язык.

Способ записи обсуждаемых наречий открывает нам загадку четвёрки. Мы привыкли считать десятками, но так было не всегда. Самая первая русская система счисления основывалась на числе «четыре». Единицы счёта – один, два, три, четыре – находились в равном положении, после произнесения их при пересчёте чего-либо надо было сделать паузу, отсюда «жди» в связанных с ними наречиях. Пятёрка выступала первым элементом второй четвёрки, она открывала новый цикл счёта. Сосчитав до четырёх, древний вычислитель переходил к новой четвёрке. Поэтому синонимом слова «опять», в котором первая буква ненароком прилепилась, приросла к более древнему корню, служит наречие «снова». В этом слове первая буква – декоративная, оно родилось из словосочетания «сё (это) ново». По такому правилу в русском языке образовано также множество глаголов и существительных, например, делать – сделать, мена – смена и т.д.

Кажется странным, что основой счёта палеолитического человека стало четыре. Ведь самый простой способ счёта осуществляется при помощи пальцев, а их на каждой руке – по пять. В чём же дело? Чего проще, загибай пальцы на руке и шепчи под нос – один, два, три, четыре, пять, а далее отмечай каким-либо образом количество пятков. Но всё гораздо интереснее. Счёт вёлся, конечно, на пальцах, но большой палец выступал в роли счётчика. Его последовательное прикосновение к каждому из четырёх других пальцев руки соответствовало пересчёту очередной четвёрки чисел.

Почему же была выбрана именно такая система? Ответ открывает само слово «счёт». Используя «наше» правило буквы «с», его можно прочесть как «сё чёт». Человек начинал считать чётами (парами). Для нас это удивительно, но ни древние греки, ни средневековые арифметики единицу числом не считали. Традиционно ей присваивали особый статус, поскольку она неразложима на части. Первым числом считалась двойка. Вот почему охотники считали звериные шкуры парами. Счёт «двойками» до сих пор используется в спортивных занятиях («раз, два») или для расчёта на «первый, второй». Неграмотным солдатам при маршировке в своё время командовали «сено, солома», у современных же военных возобладал счёт четвёрками. Считать так действительно удобнее.

Итак, в силу чётности четвёрка была выбрана для счёта на пальцах руки. Это свойство предопределило и её значимость в человеческой культуре. Четыре стороны света, четыре времени года, четверть... Наконец, поэтический «атом» – четверостишие. Союз двух пар рифм в нём прекрасно выражает тот глубинный смысл, который видели в четвёрке первые математики.

ГАРМОНИЯ ЧИСЛА И БУКВЫ

Фантазии человека рождаются под воздействием окружающей действительности, их истоки лежат в океане реальности. Это свойство нашего мозга. Так происходит сейчас, так было и прежде. Всякое слово рождалось из определённого образа или на его основе. Слово «пять», казалось бы, должно выводиться из каких-то простейших корней, «привязанных» к руке или ладони: все ж таки пятипальцевая конечность – важнейшая черта человеческого тела. В санскрите, например, слова «рука» и «пять» совпадают. У нас не так. Правда, есть старорусское слово «пясть» – ладонь, кисть руки, но оно произошло уже от понятия «пять». Точно так же, как и пядь – расстояние от конца большого пальца до конца мизинца при наибольшем возможном их раздвижении (максимальном раскрытии пятерни). Ступня человека на мягкой почве оставляет след в виде отпечатков пяти пальцев и кружочка. Рассматривая их как части единого целого, древний языковед назвал этот кружок следом пятки, то есть, опять-таки и слова «пятка», «пятиться» ведут свою родословную от слова «пять». Но как же оно возникло само?

Тут самое время сказать, что, разгадывая тайну пяти, следует думать не только и не столько о происхождении одного этого слова, сколько о том новом принципе, который был заложен в названиях числительных, превышающих четвёрку. Система обозначений должна раскрыться как веер, обнажив как исходную идею создателей числовой азбуки, так и конкретные формы её реализации. Если первая четвёрка чисел замешана на эротическом «тесте», то для следующей за ней последовательности цифр на первый план выходит культурная составляющая. И вся проблема лишь в том, чтобы открыть её в явном виде.

А что, если изобретатели названий чисел от пяти до десяти опирались на идею их гармонии с буквами древнерусского алфавита? Мы сейчас пользуемся так называемыми индийскими цифрами. Первые сведения об их появлении в Европе относятся к концу X – началу XI вв. На Руси к тому времени уже существовал древнерусский алфавит (кириллица). Сравним её буквы с нашими цифрами.

На цифру «пять» похожа буква «ять». Она использовалась до реформы 1917-18 гг. и изображалась как мягкий знак, у которого верхняя часть вертикальной линии перечёркнута горизонтально. Наша версия такова: слово «пять» образовалось в результате оглушения при произношении выражения «бё ять» – «было ять». А стало пять!

Цифра «шесть» похожа на отражённую от горизонтали строчную букву «е», которая в русской азбуке называлась «есть». Само слово «шесть» родилось из выражения «сё есть» – «это е». Кстати, гласная «е» – шестая в азбучном порядке.

Цифра «семь» похожа на отражённую от вертикали букву «с». А слово, обозначающее это число, выросло из древнерусской конструкции «сё имею». Идём дальше.

Восьмёрка повторяет букву «в», а «восемь» значит «вэ сё имею». Глагол «имею» родствен существительному «имя», поэтому наименования первых букв семёрки и восьмёрки можно ещё называть их именами.

Про изображение девятки так и хочется сказать «дэ ведь», «дэ ведай». Или по-другому – «дэ видь»! Речь идёт об архаичной строчной букве «д», у которой, в отличие от современной, петелька не замкнута. Она один к одному воспроизводит девятку.

Вопрос о возникновении числительного «десять» представляет наибольшую сложность. С ходу он не решается, поскольку десятка состоит из двух знаков, которые схожи с буквой «ю», но выстроить на её основе выражение, сводящееся к слову «десять», невозможно. Не будем, однако, сдаваться.

«Ять» в слове «десять» воспроизводит название однозвучной буквы. Изначально это слово состояло из четырёх букв – «д», «е», «с», «ять». Его можно прочесть, как «де с ятью», то есть десять означает сложение буквы «дэ» («де») с буквой «ять». Но «дэ» – пятая буква русского алфавита, а буква «ять» обозначает пятёрку. Их сумма как раз составляет десять. Мы в точности выполнили действие, которое предписывает слово «десять», и в итоге объяснили его смысл.

Наше отношение к числам сегодня чисто утилитарное, и поверить, что за их обозначениями, какими-то значками скрывается определённый смысл, непросто. Но что есть, то есть. Названия чисел от пяти до десяти придумывались по единому плану, и нельзя не восхищаться его красотой и оригинальностью.

Слову «дюжина» академические филологи отдают французский приоритет. Причина простая – первое упоминание о ней содержится во французской рукописи XII века. Но в «Русской Правде», а это первая половина XI века, присутствуют наши доморощенные прилагательные «дюжь, дюжий», значение которых «здоровенный», «очень крепкий». Наречие «дюже» у русских имело смысл «сильно», «очень», а у поляков «много». В общем, у нас есть все основания говорить, что «дюжина» произошла от славянского «дюже». А теперь самое главное. «Дюже» – это соединение (суммирование) букв «д» и «ж». Первая из них – пятая по счёту в русской азбуке, а вторая – седьмая. Складываем эти числа и получаем в сумме ровно дюжину. Может, это кому-то и не очень понравится, но это мы подарили европейцам и десятку и дюжину.

МИСТИКА СОРОКА

В русском языке, как и в большинстве других индоевропейских языков, система числительных имеет почти регулярную структуру. Числа до 10 имеют оригинальные имена, а от 11 до 19 уже составные названия: одиннадцать (один на десять) и т.д. А вот с наименованием десятков уже начинаются сложности. После двадцати и тридцати следовало бы ожидать четырёхдесят, однако говорят «сорок». Далее правило, казалось бы, восстанавливается, но вместо девяносто произносят «девяносто». Учёные назвали два этих исключительных числительных аномальными.

Относительно природы числа «сорок» специалисты спорят. Предложены греческая, тюркская и даже скандинавская гипотезы его происхождения. Принимать их всерьёз не следует по одной простой причине: если на Руси было широко принят счёт сороками, то ни в Греции, ни у татар, ни в Скандинавии этого в таком масштабе не наблюдалось. В русском пуде содержалось 40 фунтов, в мерной бочке – 40 вёдер, в указном ведре – 40 косушек, и т.д. Да, Русь платила дань ордынцам сороковинами (ежегодная подать, равная сороковой части наличного имущества), но это лишь доказывает, что для русских была известна и принята такая мера отсчёта, и имеет смысл говорить как раз об обратном заимствовании. Московские церкви считались также «сороками». Ещё в XVII веке говорили, что в Москве «сорок сороков» церквей, хотя на самом деле их было порядка ста.

Сороками считали звериные шкурки и сибирские охотники. Делали они это прелюбопытным способом. Большим пальцем правой руки, используемым в качестве счётчика, зверолов пересчитывал каждую пару суставов на четырёх оставшихся пальцах и, насчитав таким образом восемь единиц, загибал один палец левой руки. Операция счёта кончалась, когда были загнуты все пять пальцев левой руки, что давало пять восьмёрок, одну «сорочку» или число «сорок». Таким образом, «сорок» значит «сё рука»! Гласные в этом выражении ближе к нашему времени чуток изменились, но это обычное дело. Почему мы называем рубашку сорочкой? Потому, что она с ручками, с рукавами. Точно так же и звероловы называли свой мешок со шкурками оттого, что к его горловине были пришиты «ручки», использовавшиеся в качестве завязок. И вовсе не потому, что в такую сорочку закладывалось по сорок шкурок.

О том, что число 40 на Руси когда-то играло роль «границы» говорят и некоторые связанные с ним поверья. Так, сорок первый медведь считался роковым для охотника. В связи с этим обратим внимание на символический характер названия знаменитой повести Бориса Лавренёва «Сорок первый». Слово «срок» выросло из словосочетания «сё рок». Оно не слишком близкий родственник сорока. Здесь проявляется, скорее, ассоциативная параллель: рука – конечность – конец – срок (рок). Но народная традиция

прочно соединила два этих слова. Русские люди, к примеру, до сих пор обсуждают, можно ли отмечать 40-летие. Число сорок играет важную роль в иудейской, христианской и мусульманской религиях. Но истоки его мистического почитания лежат в языческой культуре охотников Евразии.

ТАЙНА ДЕВЯНОСТА

Слово «девяносто» интригует своей загадкой. Его иногда пытаются выводить из оборота «десять до ста», но выглядит это как-то неубедительно: исходная праформа должна содержать число «девять».

В первую очередь, следует разобраться со значением слова «сто», которым оканчивается наше числительное. Все гениальное просто, поэтому слово «сто» логично толковать, как сокращённое «стой». Почему логично? Потому что сто – обозначение нового разряда, это очередной рубеж счёта, перед которым необходима «пауза». Вспомним окончание «жди» в уже обсуждавшейся четвёрке наречий, или то, что при пересчёте спортсменов и военнослужащих, стоящих в шеренге, последний в ней должен произнести свой порядковый номер и добавить: «Расчёт окончен». Схожая ситуация сложилась, например, и в английском языке. Там слово «hundred» (сто) родилось из словосочетания «end road» (конец дороги). Таким образом, последний слог числительного «девяносто» как бы предупреждает, что скоро грядёт переход к новому разряду.

Составители «гаммы» чисел уважительно относились к людям, которым предстояло научиться считать. За десять шагов до сотни они, вместо обозначения кончающегося разряда, выставили предупреждающий знак «стой» и дублировали его перед каждым следующим числом. Получался следующий счёт: девять-стой, девять-стой один и т.д. «Стой» стало наименованием нового разряда. Впоследствии последняя буква отпала, а про изначальный смысл обозначения разряда забыли и склоняли число «сто» по правилам грамматики.

Но на этапе счёта сотнями обнаружился методический просчёт. Число «девятьсот» практически повторяло оборот «девять-стой». Вот тогда-то директивно, сверху и ввели слово «девяносто». Эксперимент с предупреждающими знаками был признан неудачным и при переходе на счёт тысячами они уже не выставлялись. От идеи остановки перед введением нового разряда при этом не отказались. Слово «тысяча» значит «то усеча» – «отсекание, отруб» («то» – указательное местоимение). Для сравнения укажем, что у англичан «thousand» («тысяча») является слегка искажённым словосочетанием «those end» («этот конец»). Аналогия полная.

РУССКАЯ ФОРМУЛА СЧЁТА

Как и всякая наука, арифметика вненациональна. Числа и действия над ними везде одинаковы, будь то чёрный или зелёный континент. Это следствие формализации процедуры вычислений. Но русский язык указывает на возможность несколько иного взгляда на сам процесс счёта. По-русски слова «считать» и «читать» означают в сущности одно и то же (правило буквы «с»!). Ни в одном другом языке ничего подобного нет. Читать – значит смотреть в текст, а считать – значит оперировать с числами. У русских же эти два процесса объединяются. У нас работает формула счёта:

СЧИТАТЬ – ЗНАЧИТ ЧИТАТЬ!

Она пережила тысячелетия и отражает народный характер. Наша натура бунтует против абстрагирования от природы. Нам не всё равно, что считать, и не всё равно, как считать. В нас живёт идущая от предков установка – оживить процедуру счёта, наполнить её жизненными реалиями. Если счёт подразумевает обезличение предмета, то чтение, наоборот, предполагает его образное восприятие.

Имена первых русских числительных рождались на основе первообразов, прочно закрепившихся в сознании людей. Числа от одного до четырёх связаны с эротическими символами, числа от пяти до дюжины обязаны своими названиями русскому алфавиту, а число «сорок» возникло после укоренения на Руси пальцевого счёта. Исключениями в этом ряду являются девяносто, сто и тысяча. Они вводились, как обозначение перехода в новую зону счёта. Но исключения лишь украшают правило. В названиях основополагающих наших числительных живёт поэзия, и это ещё одно свидетельство в пользу того, что наш язык – живой.

Н.С. Беллюстин

ЗНАКОВАЯ ФИГУРА СОВЕТСКОЙ РАДИОФИЗИКИ: ГЕРМАН ГРИГОРЬЕВИЧ ГЕТМАНЦЕВ

1. ВВЕДЕНИЕ

Герман Григорьевич Гетманцев родился 4 июля 1926 года в Нижнем Новгороде, и все события его не очень долгой жизни были тесно связаны с нашим городом: здесь он учился, работал, женился, совершал научные открытия, воспитывал детей и внуков. Если он и уезжал отсюда, то ненадолго, в командировки или в отпуск, а по возвращении всегда продолжал то своё дело, которое он однажды выбрал, делал всю жизнь и к которому имел несомненное призвание.

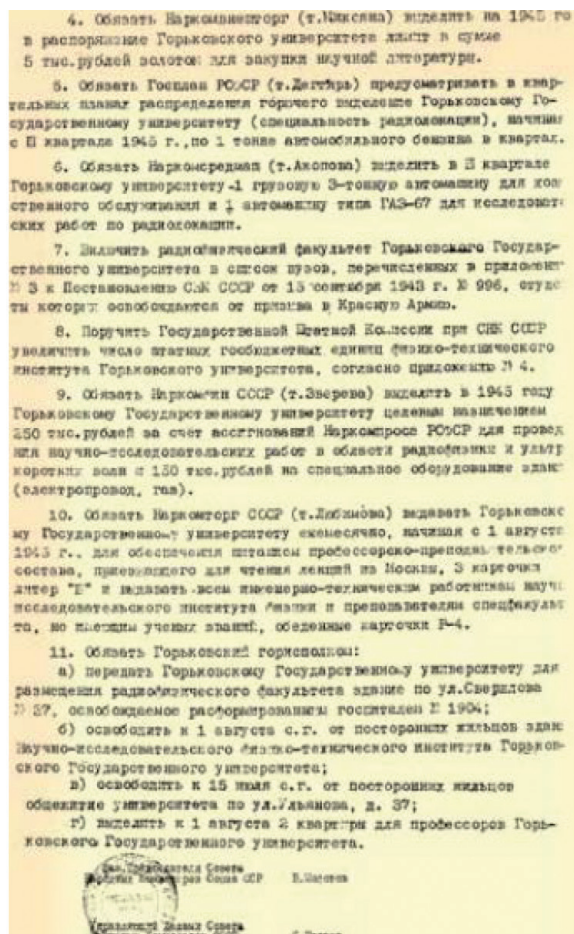
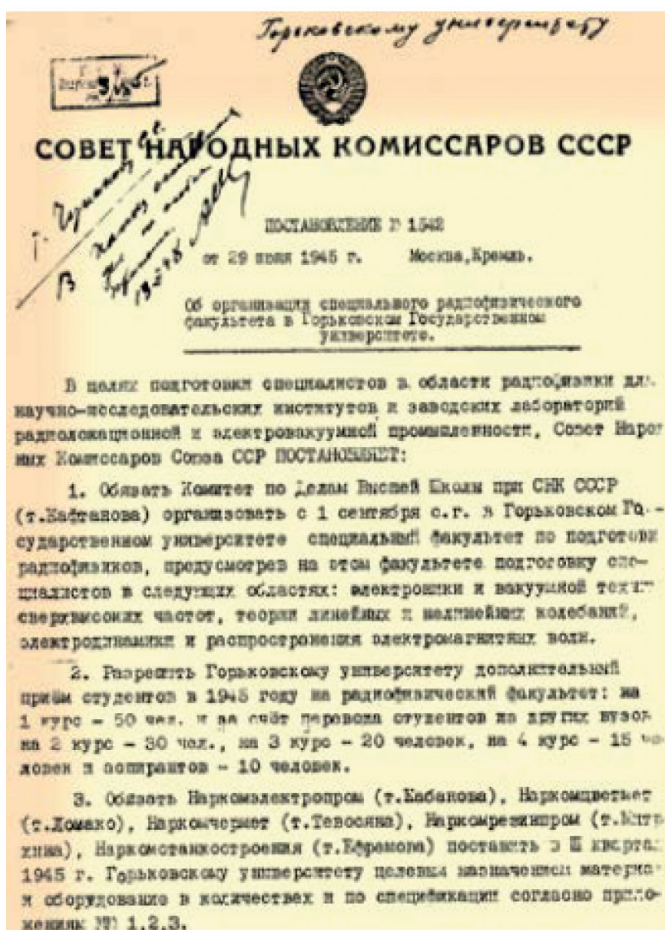
Родители Германа Григорьевича были представителями среднего класса – мещане и купцы, от них Герман унаследовал притяжение к Волге и городу на её берегах.

У автора этих строк нет прямых свидетельств о детских и юношеских годах Германа Григорьевича, и чтобы как-то представить себе его школьные годы, приходится опираться на общие сведения о том периоде. Гетманцев родился в один год с моей мамой, и на их юность наложились события Великой Отечественной войны. Когда мама рассказывала о событиях той поры, она больше всего вспоминала о бомбардировках города. Все – от мала до велика тогда переживали не только из-за риска быть случайно убитым, но и из-за событий на фронте. Война, несомненно, влияла на формирование характера и мировосприятие тогдашних 15-летних школьников, и Германа Гетманцева в том числе. Среди важных его качеств, выделявших его среди сверстников и оформившихся ещё в годы учёбы, были предельная сосредоточенность и стремление к намеченной цели.

В школе у Германа открылась тяга к технике и точным наукам. Этот интерес способствовал успехам в физике и математике и предопределил направление для получения высшего образования: в 1943 году он, окончив среднюю школу, поступил учиться в Горьковский политехнический институт. Как и в большинстве других вузов, курс обучения здесь был рассчитан на пять лет, однако Герман проучился в Политехе только первые два курса. Далее в его судьбу «вмешалась» большая политика.

В послевоенные годы наши вчерашние союзники из США и Великобритании быстро развернули вектор своих политических пристрастий в обратную сторону и превратились в потенциальных противников. В годы войны эти страны приобрели большой опыт боевых действий на море, в ходе которых активно применялись средства радиолокации и радионавигации. В итоге они оказались несколько впереди нашей страны в этих областях, а допускать серьёзное отставание в сфере радиофизических средств управления и наведения на цели нового оружия мы уже не могли.

Следует признать, что уже в 1920-30 годах руководство страны предпринимало шаги по оснащению вооружённых сил радиотехническими средствами и применяло системы радиовооружения. Но во время войны была осознана их недостаточность. В 1943 году был создан Совет по радиолокации при Государственном Комитете Обороны (ГКО), а в 1945-ом году специальное обучение радиофизиков в стране было решено начать с организации соответствующего факультета в Горьковском государственном университете (ГГУ). Постановление СНК СССР № 1542 по этому вопросу было подписано 29 июня 1945 года (см. документ на Фото). Оно позволяло не только принять 50 студентов на первый курс нового факультета в 1945/1946 учебном году, но также и принять дополнительно 30 студентов на второй, 20 – на третий и 15 – на четвёртый курс. На старшие курсы студентов брали из числа лучших из других вузов: от итогов проводившегося собеседования мог зависеть и номер курса, на который зачислялся студент. Так, Герман Гетманцев, окончивший в 1945 году второй курс политехнического института, был зачислен в том же 1945-м для дальнейшей учёбы на второй курс радиофизического факультета. Окончил он радиофак через четыре года, в 1949 году.

Текст Постановления № 1542 1945.06.29, определившего творческую судьбу Германа Григорьевича Гетманцева и многих его коллег. В этом документе создаваемый новый факультет именуется пока как «специальный факультет по подготовке радиофизиков»

Для масштабного развития радиофизики в СССР был выбран город Горький – крупный промышленный центр, находящийся неподалёку от столицы. В городе были вузы и другие «очаги» культуры, но не было столичной суеты. Такого рода провинциальность огромного города, как сегодня ясно, тоже оказалась плюсом. Но ещё более важным фактором для развития нового научного направления стало наличие в Горьком работоспособного коллектива, состоящего из ярких и талантливых людей, которые чувствуют себя единомышленниками и могут слаженно работать вместе.

2. О СОЗДАТЕЛЯХ НИЖЕГОРОДСКОЙ РАДИОФИЗИКИ

История становления нижегородской радиофизики многократно освещалась в различных публикациях, в том числе в одном из выпусков настоящего альманаха¹. Потому здесь мы не ставим задачу системного изложения этого вопроса, а ограничимся лишь изложением нескольких исторических фрагментов в отношении тех лиц, которые либо видятся нам ключевыми фигурами, либо имеют непосредственное отношение к Герману Григорьевичу Гетманцеву.

1. В ноябре 1931 года на работу в город Нижний Новгород переехал с семьёй из Москвы Александр Александрович Андронов – выпускник Московского университета, молодой тогда кандидат физико-математических наук, ученик академика Л.И. Мандельштама. Андронову было 16 лет, когда в России произошла Октябрьская революция, и он так позитивно воспринял идеи большевистской перестройки, что хорошо знакомые люди называли его «беспартийным большевиком». Андронов считал, что Советская Россия стратегически заинтересована в развитии науч-

ных центров в провинции, поскольку на периферии талантливых людей рождается не меньше, но им намного труднее реализовывать свои возможности. По его мнению, для решения задач безопасности и процветания государство должно было развивать научные центры в самых разных городах и активно встраивать их в свои научные и оборонные структуры.

В большой стране миграционные потоки людей из столицы страны в провинцию и обратно идут всегда, но нам сегодня более знаком поток в сторону столицы, куда (в основном) талантливые люди приезжают жить и работать. Эти люди обычно экономически мотивированы тем, что через столицу проходят большие финансовые потоки, которые в ней частично и оседают – потому там можно достигать более высоких зарплат и доходов при тех же личных усилиях и способностях. Обратный поток людей из столицы в провинцию государство мотивирует либо перераспределением бюджетных средств, либо раздачей бесплатного жилья, либо другими средствами. Но в 1930-х годах особо значимым был ещё и фактор репрессий. Когда они редки и неожиданны для жертвы, то к ним трудно подготовиться и предпринять заранее шаги к спасению. Однако в условиях масштабных преследований потенциальные жертвы нередко их предвидели и спасались, переезжая жить в другой населённый пункт. В итоге репрессивные мероприятия 1930-1940 годов стали также одной из мотиваций перетока людей, в том числе и учёных, из столицы на периферию.

Возвращаясь к Андронову, отмечу, что в моей жизни он сыграл большую роль из-за того, что мой отец, Беллюстин Сергей Всеволодович, в 1932 году стал его аспирантом, успешно окончил аспирантуру и защитил кандидатскую диссертацию (1938 г.). С обстоятельствами переезда Андропова из Москвы в Нижний Новгород я знакомился неоднократно, и в качестве главной причины обычно назывался «квартирный вопрос». Но никогда тема влияния возможных гонений на этот переезд не возникала: это казалось очевидным из-за общераспространённого убеждения в лояльности Андропова большевистской власти. И лишь в этом году мне стало известно, что незадолго до переезда в Нижний Новгород у А.А. Андропова состоялся разговор с Л.И. Мандельштамом, выявивший принципиальное различие их политических взглядов. Эта беседа убедила Андропова, что вскоре ему, очень вероятно, придётся выступать и свидетельствовать против своего учителя, которому он был многим обязан. Угроза такого сценария, скорей всего, и стала для Александра Александровича решающим аргументом к переезду².

Андронов одновременно работал в Горьковском исследовательском физико-техническом институте (ГИФТИ) и в ГГУ. За годы работы здесь он сумел создать и сплотить вокруг себя мощный научный коллектив. В итоге создалась неформальная структура, которую можно назвать творческой научной группой (ТНГ) Андропова. Обычно говорят о школе Андропова. Но понятие «ТНГ» шире, творческая научная группа Андропова включала не только его учеников и аспирантов, но и талантливых студентов и преподавателей университета, а также московских учёных, приезжавших в Горький для чтения лекций. Она сыграла важную роль для развития советской радиофизики. Герман Григорьевич Гетманцев, войдя в неё поначалу как талантливый студент, стал впоследствии одним из наиболее ярких её представителей.

2. История ТНГ отчётливо продемонстрировала, что важную роль в обеспечении устойчивой работы и её общественного успеха может играть не только руководитель, но и его заместитель. После нескольких лет работы с Андроновым в Горьком эту роль взяла на себя Мария Тихоновна Грехова.

В 1918 году она окончила в Москве среднюю школу и поступила на физико-математический факультет Московского государственного университета. В 1922 году её, студентку 4-го курса, пригласили работать в Государственный физико-технический институт на должность младшего научного сотрудника. Здесь она занялась исследованием коротких электромагнитных волн: вопросами их генерирования, распространения и практического использования. С 1924 по 1928 гг. Мария Тихоновна училась в аспирантуре МГУ и продолжала экспериментальные исследования, руководя работой лаборатории. В процессе этих исследований она познакомилась с морским офицером Акселем Ивановичем Бергом, который позднее станет первой фигурой советской радиотехники и радиолокации. Заложенные тогда их дружеские отношения станут через десятилетия одной из причин появления в Горьком Научно-исследовательского радиофизического института (НИРФИ).

В 1932 году Грехова приехала в Нижний Новгород по путёвке Наркомпроса и работала в Нижегородских организациях ГИФТИ, ГГУ и ЦВИРЛ (Центральная военно-индустриальная радиолaborатория). В научном плане Грехова занималась вопросами генерации, излучения, распространения и приёма волн дециметрового диапазона.

Однако наиболее ярко талант Греховой проявился в сфере организации научных исследований. Мария Тихоновна понимала, что в то время научно-административный карьерный путь был намного более рискован, чем чисто научный. Поэтому до поры, до времени она старалась быть в тени Андропова. И только в декабре 1941 года Грехова впервые проявляет себя как второй человек в ТНГ Андропова, когда по его инициативе занимает пост директора ГИФТИ. Фактически это был её первый пробный шаг на пути администратора нижегородской радиофизики.

Второй существенный шаг, как ученый-администратор, Грехова делает уже по окончании войны, когда вместе с Андроновым создаёт первый в стране радиофизический факультет в ГГУ и становится первым его деканом. Факультет стремительно становится символом нижегородской науки, втягивающим в свою работу лучших учёных, преподавателей и студентов региона. На этапе его создания Грехова и Андронов уже смотрятся (в масштабе горьковской научной жизни) как близкие по степени влияния фигуры. Интересно, что с открытием факультета, который на начальном этапе формирования назывался «специальным», был фактически запущен в активный научный оборот и сам термин «радиофизика». Причём, авторитет и популярность в научных кругах он завоевал себе исключительно в Советском Союзе – зарубежным коллегам понятие «радиофизика» плохо понятно до сих пор, и практически всегда им приходится разъяснять, о чем идёт речь.

Существенно и то, что тематика радиофизического факультета в значительной степени включала научные интересы Греховой, тогда как большая часть интересовавших Андропова научных задач в рамки факультетской специальности не вошла. И это с учётом того, что после создания радиофака рамки термина «радиофизика» непрерывно расширялись. К примеру, Ю.И. Неймарк – один наиболее ярких продолжателей дела Андропова, в радиофизическую тематику так и не вписался и работал в рамках тематики другого факультета ГГУ.

Андронов и Грехова были практически ровесниками, но Мария Тихоновна пережила Александра Александровича на 43 года. Такой большой срок фактически вмещает два поколения людей. Когда в 1952 году Андронов умер, Грехова по существу унаследовала руководство ТНГ, а в 1956 году ещё и закрепила свой авторитет созданием НИРФИ, которым руководила вплоть до 1972 года, когда на посту директора института её сменил Г.Г. Гетманцев

Ещё полезно отметить, что структура управления в ТНГ Андропова-Греховой всегда включала и столичный центр, потому по своим организационным принципам напоминала посольство одной страны в другой: у такой организации есть внешняя вывеска с указанием состава и официальных функций сотрудников: кто-то из них «третий секретарь посольства», а кто-то «военный атташе»... Однако из-за того, что наиболее важной функцией посольства является организация разведывательной деятельности, то работа такой организации обязательно имеет «двойное дно» и регулируется своим внутренним регламентом, который публично не обнародуется. При этом группа функционирует как закрытое сообщество, проникнуть в суть работы которого извне, практически невозможно. Каждый сотрудник знает, что ему делать по работе, а при необходимости может консультироваться с лидером группы как поступить в конкретных обстоятельствах. Только в особо сложных ситуациях требуется контакт лидера группы с «внешними» – «столичными» руководителями, которые рядовым членам группы практически не видны. Конечно, такая аналогия ТНГ с зарубежным посольством имеет свои пределы применимости.

3. В декабре 1945 года по приглашению Андропова на радиофак ГГУ был зачислен работать заведующим кафедрой распространения радиоволн В.Л. Гинзбург. Здесь он познакомился со студентом Гетманцевым и стал его научным руководителем. Гетманцев участвовал в написании одной из наиболее известных книг мэтра – «Распространение электромагнитных волн в плазме». История книги такова. Коллеги и ученики Гинзбурга писали каждый свою главу, а тот, собрав тексты, отредактировал и объединил их в книгу под своей фамилией. Гетманцев написал главу об ионосферных исследованиях и распространении радиоволн в ионосфере.

Под руководством Виталия Лазаревича прошло становление Гетманцева как учёного. Именно Гинзбург он имел в виду, когда говорил, что учился у прекрасных учителей. Кроме научных знаний

ученику передалось и любимое слово учителя «эффектик»: и тот, и другой понимали сколь важно в науке заслужить эффект своего имени. Но в итоге в этом вопросе ученику довелось превзойти своего учителя: на сегодня в науке эффект Гетманцева есть, а эффекта Гинзбурга нет.

4. Завершая перечень архиважных персон, причастных к развитию нижегородской радиофизики, отметим непосредственного создателя НИРФИ – адмирала и академика Акселя Ивановича Берга. Без его прямого участия институт в Горьком никогда не появился бы, хотя местные историки и физики – «краеведы» крайне редко вспоминают о нем. Академик Берг является не менее известной фигурой³, чем те же Андронов и Гинзбург. Как и для этих традиционно упоминаемых академиков, для Берга город Горький с его первой в стране радиофизической школой стал важным эпизодом научно-организаторской деятельности.

Аксель Иванович Берг родился в 1893 году в семье генерала. В 1904-1908 годах он учился в Александровском кадетском корпусе в Петербурге, в 1908-1914 годах – в Морском корпусе. В июле 1916 года мичман Берг был назначен штурманом подводной лодки и участвовал в военных действиях против Германии. В феврале 1917 года он получил звание лейтенанта, а в 1920-1921 годах служил командиром подводной лодки. В 1925 году Берг окончил Военную академию, преподавал, написал несколько книг. В 1926 г. он был назначен председателем Комиссии для выработки политики в области вооружения флота радиотехническими средствами, а с мая 1927 г. стал председателем секции радиосвязи и радионавигации Научно-технического комитета Военно-морских сил Рабоче-крестьянской Красной армии (РККА). В тот период Берг познакомился с аспиранткой МГУ Марией Тихоновной Греховой.

К концу 1920-х годов Берг становится главной фигурой, отвечающей за системы радиовооружения в СССР: первая система радио-вооружения советского флота «Блокада-1» разрабатывалась под его руководством и была реализована в 1928-1934 гг. Следующий вариант комплекса «Блокада-2» с 1934 года создавался Научно-исследовательским морским институтом связи (НИМИС), директором которого был Берг. В 1936 г. НИМИС начал проводить опыты по радиолокации.

Берг был арестован «по делу Тухачевского» в декабре 1937 года. При прочтении протоколов допросов НКВД смешно не бывает почти никогда, но дело Берга – одно из исключений. «Акселя Ивановича сильно били <...> Берг сломался. Попросил лист бумаги, начал писать чистосердечное раскаяние, в котором признавал себя виновным в том, что в течение ряда лет осуществлял шпионскую деятельность в пользу ВМФ Швейцарской Конфедерации. Следователь допрос сразу же закончил, проставил время окончания допроса и побегал по начальству. Не догадался, что Швейцария военно-морского флота не имеет...»³.

Из-под стражи Берга освободили 28 мая 1940 года. После освобождения он продолжил заведовать кафедрами в Ленинградском электротехническом институте и в Военно-морской академии, в 1940 г. ему было присвоено звание инженер-контрадмирала.

10 марта 1943 г. Берг получил приказ начальника Главного морского штаба выехать в Москву, где он стал основным составителем доклада на имя Председателя ГКО И.В. Сталина. В результате, 4 июля 1943 г. вышло Постановление о создании Совета по радиолокации при ГКО. Берг был назначен заместителем Председателя Совета Г.М. Маленкова и фактически руководил его повседневной деятельностью. Совет не имел в прямом подчинении промышленных предприятий и научно-исследовательских учреждений,

М.Т. Грехова с академиком А.И. Бергом (в центре) на полигоне НИРФИ в Зимёнках. Разъяснения дает Г.Г. Гетманцев

поэтому для руководства развитием радиолокационной техники в промышленности Берг этим же постановлением назначался заместителем народного комиссара электропромышленности СССР. Для развития научно-технической базы этим же постановлением создавался Институт радиолокации, получивший наименование «Всесоюзный научно-исследовательский институт № 108» (ВНИИ-108), директором которого стал Берг. В 1943 г. Берг был избран членом-корреспондентом Академии наук, в 1944 г. ему присвоили звание инженер-вице-адмирала, а в 1946 году он стал академиком.

Высшей точкой служебного продвижения Берга стало назначение его в 1953 году заместителем министра обороны по радиовооружению. На этом посту он напрямую влиял на решение вопросов, связанных с оборонной промышленностью. Назначению Берга предшествовал эпизод, связанный с войной в Корее. Американские самолёты «Сейбры», действовавшие там, оснащались специальными радиоэлектронными бомбоприцелами, которые имели высокую дальность и позволяли массово сбивать наши МиГи. Советскими инженерами было найдено противодействие в виде компактной РЛС 10 сантиметрового диапазона с дальностью 10 километров, которая практически нейтрализовала дорогостоящие оптические прицелы американцев. Когда высокая эффективность этих станций подтвердилась на испытаниях, Сталин приказал в течение трёх месяцев сделать 500 таких станций и установить их на самолёты МиГ-15 в Корее. Из всех директоров заводов за эту работу взялся только Берг и с блеском её выполнил.

20 июня 1955 г. ему присваивается звание инженер-адмирала. Несмотря на огромную занятость на этом государственном посту, академик Берг продолжал руководить ЦНИИ-108 и работой Радиосовета АН СССР. Колоссальная перегрузка дала себя знать: в связи с ухудшением состояния здоровья, после сильнейшего сердечного приступа Аксель Иванович оставил должность начальника ЦНИИ-108, а в ноябре 1957 г. был освобождён от поста заместителя Министра обороны СССР. Основная деятельность Берга была теперь сосредоточена в Академии наук. Кроме того, с 1956 г. академик Берг был заместителем председателя Комитета по Ленинским премиям в области науки и техники. В 1959 г. в Академии наук СССР создаётся Научный совет по комплексной проблеме «Кибернетика», и Берг становится председателем этого Научного совета.

Герой Социалистического Труда Аксель Иванович Берг был награждён четырьмя орденами Ленина, тремя орденами Красной Звезды и орденом Октябрьской революции, двумя орденами Красного Знамени, орденом Отечественной войны первой степени и многочисленными медалями. В начале 2004 года институту ВНИИ-108 было присвоено его имя. Институт получил официальное наименование: «Центральный научно-исследовательский радиотехнический институт имени академика А.И. Берга».

Вот такой человек стоял у истоков НИРФИ, которым посчастливилось руководить герою нашего повествования.

3. ГЕТМАНЦЕВ ГЕРМАН ГРИГОРЬЕВИЧ

В 1949 году состоялся третий выпуск радиофизического факультета ГГУ – радиофак окончили 17 человек, а дипломы с отличием получили четверо из них: Г.Г. Гетманцев, А.В. Гапонов-Грехов, М.А. Миллер, Н.А. Фуфаев. По окончании вуза Гетманцев поступил в аспирантуру к В.Л. Гинзбургу. На первом этапе своей научной деятельности он по заданию Учителя сосредоточился на тех астрофизических задачах, которые позволяла решать бурно развивавшаяся в то время радиоастрономия. Исследования Германа Григорьевича, проведённые совместно с Гинзбургом, касались дифракции солнечного и космического радиоизлучения на диске Луны. Ими был разработан прецизионный метод определения координат и угловых размеров дискретных космических радиоисточников при их затмении лунным диском (Гетманцев Г.Г., Гинзбург В.Л. О дифракции солнечного и космического радиоизлучения на Луне, ЖЭТФ, 1950, т. 20, № 4, с 347-350). Разработанный метод стал классическим в экспериментальной радиоастрономии. Отметим, что в своих поздних интервью Гинзбург любил рассказывать о том, что почти все его публикации написаны без соавторов. К этому стоит добавить, что две публикации нобелевского лауреата написаны совместно с Гетманцевым.

Гетманцев и Гинзбург также работали над развитием представлений о магнитотормозной (синхротронной) природе распределённого нетеплового космического радиоизлучения. Выступая против гипотезы «радиозвёзд», согласно которой распределённая компонента является простой суммой излучения не обнаруживаемых радиотелескопами космических радиоисточников – радиозвёзд, они утверждали, что теория галактического радиоизлучения должна объяснять не только величину, но и частотную зависимость наблюдаемой радиояркости небосвода. Гетманцев вывел ставшее позднее классическим соотношение, которое связывает распределение релятивистских электронов по энергиям со спектром синхротронного излучения этих электронов. Он обосновал необходимость учёта трансформации спектра электронной компоненты космических лучей при их движении в межзвёздной среде от места расположения их источников в Галактике. Выполненные Гетманцевым исследования особенностей генерации радиоволн релятивистскими электронами, движущимися в межзвёздных магнитных полях, стали частью фундамента современных представлений о нетепловом космическом радиоизлучении и происхождении космических лучей. Плодотворными оказались соображения, высказанные Гетманцевым (совместно с В.А. Разиным), в пользу присутствия в космическом радиоизлучении линейно поляризованной компоненты, зависящей от структуры галактического магнитного поля. Предпринятые после этого Разиным целенаправленные исследования привели к открытию линейной поляризации нетеплового радиоизлучения, доказательству синхротронного механизма регистрируемого радиоизлучения и наличия магнитного поля в Галактике⁴. По окончании аспирантуры Гетманцев в 1952 году под руководством Гинзбурга защитил кандидатскую диссертацию.

До 1956 года Гетманцев работал в отделе В.С. Троицкого в ГИФТИ, а после образования НИРФИ стал заведовать там одним из научных отделов, тематика которого определяла научное направление института. Кроме того, Герман Григорьевич преподавал на радиофизическом факультете, читая специальные курсы, и руководил научными исследованиями аспирантов и соискателей.

Когда был запущен первый искусственный спутник Земли (ИСЗ), Гетманцев в соавторстве с Гинзбургом и Шкловским выступил со статьёй «Радиоастрономические исследования с помощью искусственных спутников Земли» (УФН, 1958, т.66. в.2. с.157-161), ставшей развёрнутой программой первых в стране внеатмосферных исследований космического и околоземного пространства радиоастрономическими методами.

Возможность применения ИСЗ в научных исследованиях повлияла на постепенное смещение круга научных интересов Гетманцева в сторону исследований ионосферной плазмы. Знаковой на этом пути стала его совместная с Н.Г. Денисовым статья «Об одном эффекте при измерении электронной концентрации в ионосфере методом антенного зонда» (Геомagnetизм и аэрoномия. 1962. т.2. №4. С.691-693). В ней авторы обратили внимание на заниженные значения концентрации плазмы, измеряемые на ИСЗ, и объяснили причину этого явления. С этой работы в институте (и в стране!) начали развиваться исследования широтного распределения концентрации плазмы и эффектов воздействия мощным радиоизлучением на ионосферную плазму.

В 1964 году был запущен советский спутник «Электрон-2» с радиоастрономической аппаратурой, на котором находились разработанные Гетманцевым и сотрудниками его отдела приборы. С помощью этих приборов, а также их аналогов, установленных на ИСЗ «Электрон-4», впервые был надёжно определён характер низкочастотного спектра галактического радиоизлучения в диа-

Слева направо: В.О. Рапопорт, Л.М. Ерухимов, М.Т. Грехова, Г.Г. Гетманцев

**Молодые сотрудники НИРФИ (слева направо):
Н.Г. Денисов, Г.Г. Гетманцев, Л.В. Гришкевич на первомайской
демонстрации**

В 1965 году Г.Г. Гетманцев защитил докторскую диссертацию, в 1967 году ему было присвоено звание профессора кафедры распространения радиоволн радиофака ГГУ. Под руководством Гетманцева были выполнены экспериментальные измерения спектра космического радиоизлучения в широком диапазоне частот и вариации спектрального индекса нетеплового космического радиоизлучения по небосводу, а также проведены теоретические исследования механизмов радиоизлучения релятивистских электронов в космических условиях. Но, продолжая радиоастрономические исследования, Гетманцев, стал уделять все больше внимания анализу и развитию различных методов изучения ионосферы и ближнего космоса, от измерений непосредственно на ИСЗ и просвечивания ионосферы сигналами бортовых радиопередатчиков до методов, основанных на собственном радиоизлучении среды.

В первой половине 1970-х годов в СССР и США начали строиться нагревные стенды, использующие принцип разогрева ионосферы модулированным коротковолновым радиоизлучением:

в 1970 г. – Боулдер, США;

в 1971 г. – г. Аресибо, Пуэрто-Рико

(принадлежит США);

в 1973 г. – поселок Зимёнки, Нижегородская область (НИРФИ), установка «Ястреб».

Как видно, мы чуть отставали, но конкуренция была налицо.

Для развёртывания установки «Ястреб» от НИРФИ требовалось то, что мы сегодня назвали бы денежными ресурсами. Тогда, при развитом социализме, система управления материальными средствами была существенно иной: когда на счету уже есть «деньги», то для того, чтобы их использовать в нужном направлении, следовало ещё «выбить фонды», а потом и «получить лимиты». Для человека, мало-мальски склонного к логическому анализу, переварить всю эту ахинею было

пазоне частот 0,7–2,3 МГц. В этих же экспериментах было обнаружено километровое радиоизлучение магнитосферы Земли.

В 1964 году были проведены эксперименты по радиосвязи между английской обсерваторией «Джодрелл Бэнк» и загородной станцией НИРФИ «Зимёнки» через американский спутник-ретранслятор «Эхо-2», которые стали фактически первым примером международного сотрудничества в космической сфере. Герман Григорьевич был руководителем эксперимента с советской стороны, и блестяще организовал работу по регистрации радиосигналов, хотя для успешного завершения эксперимента требовались усилия не только НИРФИ, но и других организаций, как горьковских, так и московских.

Г.Г. Гетманцев за рабочим столом

совершенно непосильной задачей, но один человек, способный «занырнуть» в эту среду и после выдавать осмысленные действия, у Гетманцева в институте был. Звали её Жмаева Алевтина Андреевна, и работала она даже не бухгалтером, а начальницей планового отдела. Алевтина Андреевна была человеком совершенно уникальным, и для института совершенно незаменимым.

Автор этих строк стал сотрудником теоретического отдела НИРФИ в августе 1972 года. Этим отделом когда-то заведовал Гинзбург, а в момент моего поступления им руководил бывший аспирант Гинзбурга Николай Григорьевич Денисов. Наш отдел занимал одну комнату №520, которая подразделялась на три подкомнаты: №520а (5 рабочих столов), №520б (3 стола) и № 520в (4 стола). После моего зачисления, в отделе стало 6 штатных сотрудников и несколько совместителей (у некоторых совместителей были свои рабочие столы, но не у всех).

Комната 520а была главной, здесь был стол заведующего, он был больше других по размеру и стоял у окна. Денисов любил время от времени вспоминать, что за этим столом сидел Гинзбург, когда работал в НИРФИ, а когда он уже просто приезжал из Москвы, то, ругая сотрудников отдела, бил кулаком по «вот этой части стола». И мы, молодые сотрудники, упорно вглядывались в этот угол стола, стараясь рассмотреть следы от ударов кулака выдающегося человека. Другой, ещё более важной достопримечательностью комнаты, был диван. Прийти и развалиться на нём мог любой сотрудник как нашего, так и соседних отделов, во всяком случае из числа тех, кто был вхож к кабинет Денисову. Диван не был ни особо мягким, ни особо большим, но на нашем пятом этаже он представлялся неким чудом из-за своей априорной демократичности. Мой рабочий стол находился в двух метрах напротив дивана.

Рабочий день в НИРФИ тогда начинался в 8:15, но Денисов приходил обычно в 11 часов, ещё один штатный сотрудник В.П. Докучаев примерно в 10 часов. Два других стола занимали совместители – Б.Н. Гершман и В.В. Тамойкин, которые работали преподавателями и приходили не каждую неделю. Как самый молодой, я чувствовал, что должен приходить раньше остальных, что и делал, появляясь в кабинете в 9 утра. Так что нередко первые час-полтора рабочего времени я сидел в своей рабочей комнате один. Однако с осени 1972 года в нашей комнате стал появляться и занимать диван ещё один постоянный сотрудник: директор Института Гетманцев. Герман Григорьевич с молодых лет был большим другом Денисова – эта их дружба сохранялась до конца дней. Став директором, Гетманцев использовал кабинет Денисова как убежище: в 8 часов утра он появлялся в директорском кабинете, подписывал срочные документы и убегал «думать» в кабинет Денисова. При этом секретарь директора Вера Ивановна, хотя и знала, где находится директор, никому об этом не говорила.

В итоге мы с Гетманцевым подолгу сидели вдвоём, хотя разговаривали и не так много – каждый старался не мешать думать другому. Но когда Гетманцева находила Жмаева или кто-то из заведующих отделами, я нередко становился свидетелем конфиденциальных бесед директора НИРФИ с подчинёнными: выгнать меня никто не мог, в том числе и директор... В итоге в период 1972-1977 годов, когда активно развивался ключевой для НИРФИ конфликт Г.Г. Гетманцева и А.В. Гапонова-Грехова, существенная часть информации об этом процессе не прошла мимо меня. Но надо отметить, что, в отличие от описанного ранее и не менее важного для НИРФИ конфликта Разин-Гинзбург⁴, в котором некоторые ключевые моменты остались не выясненными до конца, конфликт «Гетманцев-Гапонов» по своей структуре достаточно прозрачен и прост.

Став директором института, Гетманцев впервые смог внимательно рассмотреть финансовые (или, лучше сказать, ресурсные) потоки НИРФИ. В частности, он убедился, что секция Гапонова-Грехова, содержащая 1/3 научных сотрудников института, поглощает 2/3 ресурсов, и счёл это несправедливым. Разумеется, Гапонов-Грехов не мог с такой оценкой согласиться и допустить, чтобы часть ресурсов с его научных тем перенаправлялась на ионосферные исследования. Подконтрольная ему научная секция в институте разрабатывала и совершенствовала гиротроны, и старалась занять в этой области лидирующие позиции в мире. Конфликт постепенно усиливался, набирал обороты и вовлекал в себя вышестоящие круги руководства. Гетманцев имел поддержку со стороны министра образования СССР, которому НИРФИ подчинялось напрямую, благодаря созданному в рамках министерства хозрасчётному научному объединению: в него сразу отчислялись около 30% от суммы заключённых НИРФИ договоров. Для Гетманцева эта поддержка представлялось поначалу вполне достаточным фактором для того, чтобы сохранить НИРФИ без серьёзных изменений и сокращений. По моим данным, он получил на этот счёт соответствующие заверения.

Но на стороне Гапонова-Грехова активно действовала его мать Мария Тихоновна Грехова, которая за многие годы своей работы наработала важные связи в Академии наук СССР и других руководящих кругах в Москве. И когда одним из инициаторов создания Института прикладной физики (ИПФ) на базе НИРФИ (!) стал президент Академии наук А.П. Александров, вопрос был фактически решён. В итоге Г.Г. Гетманцев проиграл, и очень значительная часть научных сил НИРФИ в 1977 г. ушла в ИПФ. Герман Григорьевич страшно переживал за этот разгром НИРФИ, и, несомненно, именно этот разворот судьбы Института подорвал его силы и здоровье.

Противостояние НИРФИ с Академией наук осложнило (и дало трещины) и в ряде межличностных отношений. Хотя Гетманцев формально отношения с Гинзбургом не портил, но к тому времени когда он стал директором НИРФИ, академик всерьёз и навсегда обиделся на весь НИРФИ: причиной стало то, что в 1971 году диссертационный совет института пропустил В.А. Разина в доктора наук⁴. И хотя на этой защите Гетманцев выступил против диссертанта, по итогам защиты искомая учёная степень была присуждена. Гинзбург счёл такой результат личным оскорблением. В свете этих событий согласие Г.Г. Гетманцева на директорское кресло в НИРФИ стало фактором, ухудшающим его отношения с Гинзбургом. Таким образом, негативный настрой в отношении НИРФИ в Академии наук начал формироваться уже в 1971-72 гг. Он усилился после отпознования ИПФ и принял конкретные очертания в 1980 году, когда директором НИРФИ стал Разин.

Но как ни остры были внутривидовые разногласия, наука для обеих конфликтующих сторон все равно стояла на первом месте. В 1972-1980 годах ионосферное направление в НИРФИ продолжало достаточно активно развиваться. На полигоне в Зимёнках установка «Ястреб», обладавшая эффективной мощностью 15 МВт, создавала в ионосфере настолько большие значения электромагнитного поля, что они вызывали нелинейные явления. Для этого была построена передающая антенна размерами 150x150 метров, переоборудовано помещение для передатчика, созданы системы энергопитания и охлаждения, построены фидерные линии и т.п. Для НИРФИ эта задача оказалась выполнимой, но она уже фактически ставила вопрос о перераспределении ресурсов в рамках других научных направлений. В итоге первая научно-исследовательская установка «Ястреб» для воздействия на ионосферу мощным непрерывным излучением вступила в строй весной 1973 года – всего через полгода после начала работы Гетманцева в качестве директора. Важным результатом работы стенда «Ястреб» стало то, что 3 июня 1974 года Гетманцев обнаружил ранее неизвестное явление: при облучении нижних слоёв ионосферы мощным модулированным радиоизлучением обнаружено низкочастотное излучение ионосферных токовых систем. В 1980 году это открытие регистрируют и назовут «эффектом Гетманцева». Обнаруженный эффект доказал связь солнечной активности с состоянием ионосферы и открыл возможность регулировать ионосферно-магнитосферные процессы.

Приведём сухие данные о главном научном результате Г.Г. Гетманцева:

Формула открытия: Установлено неизвестное ранее явление генерации электромагнитных волн ионосферными токами под воздействием на ионосферу модулированного коротковолнового радиоизлучения, обусловленное изменением этих токов во времени с частотой модуляции коротковолнового радиоизлучения.

Авторы: Г. Г. Гетманцев, Д. С. Котик, Н. А. Митяков, О. М. Распопов, И. Н. Капустин, В. С. Смирнов, Р. А. Перцовский, А. Н. Васильев.

Номер и даты приоритета: №231 от 3 июня 1974 г. в части экспериментального доказательства явления, 20 января 1975 г. в части его теоретического доказательства и 1 апреля 1976 г. в части экспериментального доказательства обусловленности обнаруженного явления изменением ионосферных токов во времени с частотой модуляции радиоизлучения.

Дата регистрации: 22 мая 1980 г.

Описание открытия. Открытие существенно расширило представления о физике ближнего космоса и положило начало новому научному направлению, основанному на возможности регулирования ионосферно-магнитосферных процессов. Обнаруженное явление имеет большое значение для решения сложной проблемы связи солнечной активности с состоянием магнитосферы и ионосферы Земли. В частности, разработаны принципиально новые методы измерения плотности ионосферных токов, напряжённости постоянных электрических полей, электронной концентрации и т. д. Название новому открытому физическому эффекту присвоено в честь Гетманцева Германа

Григорьевича, под руководством которого проводились работы в Научно-исследовательском радиофизическом институте (НИРФИ, Нижний Новгород).

Результаты, полученные Г.Г. Гетманцевым и его сотрудниками по исследованиям воздействия мощными пучками радиоволн на ионосферную плазму, были столь значительны, что Герман Григорьевич стал признанным лидером исследований в этой области. По его инициативе были созданы нагревные стенды в Апатитах и Душанбе для изучения эффектов воздействия в условиях высоких и низких широт; к решению проблемы воздействия на ионосферу мощным радиоизлучением подключились учёные Полярного геофизического института (ПГИ) Кольского филиала АН СССР, Казанского госуниверситета, Института астрофизики Таджикской ССР и др.

После этого Гетманцев пришёл к выводу о необходимости строительства нового, существенно более мощного нагревного стенда, который позволил бы резко повысить информативность проводимых исследований и обеспечить более высокую мощность излучения для получения качественно новых эффектов. Фактически, после этого он и ввязался в ту драку «на высшем уровне», о которой уже упомянуто выше и которую он, в конце концов, проиграл. Учёный полностью вложил в создание новой экспериментальной установки, которую было решено расположить неподалёку от Васильурска, где к тому времени была уже обустроена база для радиоастрономических измерений.

Стенд «Сура», который удалось построить и запустить в 1981 году (уже после смерти Германа Григорьевича), стал уникальной установкой, о которой известно не только в нашей стране, но и за её пределами. После периода упадка интереса к радиофизическим и другим научным исследованиям в нашей стране, а также к развалу самой страны в 1991-ом, стенд «Сура» в 2021 году был восстановлен и в настоящее время продолжает работать. Предназначенный для исследования нелинейных эффектов в ионосфере он сегодня успешно применяется для изучения магнитосферы и ближнего космического пространства, радиоастрономических исследований в декаметровом диапазоне длин волн, применяется для исследования Луны и других небесных тел Солнечной системы. В настоящее время этот стенд является одной из трёх работающих установок такого типа в мире, причём два других аналога расположены в полярных областях Земли (один – на Аляске, другой – в Норвегии), в то время как «Сура» – единственная установка, работающая в средних широтах, где характер ионосферы иной. Стенд «Сура» стал по существу действующим памятником нашему нижегородскому учёному Г.Г. Гетманцеву, который любил науку, любил нашу страну и реку Волгу, у берегов которой мы с вами живём.

Г.Г. Гетманцев с коллегами
(слева В.О. Рапопорт, справа Л.М. Ерухимов)

У многих людей, кто работал с Германом Григорьевичем, сохранились тёплые воспоминания о нем, они запомнили его доброжелательность, которая проявлялась в общении с учениками и студентами, и сочеталась с требовательностью.

Г.Г. Гетманцев умер 30 апреля 1980 года. Его уход произошёл без видимых «предвестников» и был страшным ударом для его жены, для сыновей и других близких родственников. Тяжёлый, не совместимый с жизнью инфаркт настиг его в обычный рабочий день в кресле директорского кабинета НИРФИ. Оттуда учёного увезли на скорой помощи в больницу № 38, где он скончался через несколько часов.

В препринте НИРФИ⁵, вышедшем в 1986 году к 60-летию Г.Г. Гетманцева, его ближайшие ученики и сотрудники Л.М. Ерухимов, В.О. Рапопорт и Ю.В. Токарев пишут о своём учителе: «Мы хотим рассказать об обаятельном и жизнерадостном человеке, о доброжелательном воспитателе, о талантливом и увлечённом учёном, о гражданине, для которого интересы отечества занимали приоритетное место в его научной и общественной деятельности».

Личные пристрастия Гетманцева почти всегда были продолжением его научных исследований, среди них трудно выделить одно, какое-то яркое, никак не связанное с наукой. У Германа Григорьевича с его супругой Маргаритой Ивановной, как и у многих в то время, был загородный домик с небольшим участком земли, однако увлечённым садоводом Герман Григорьевич так и не стал. Его больше привлекал простор институтских научных экспедиций, где разговоры с коллегами о Природе и науке захватывали воображение. За чаем и у костра на берегу реки научное озарение приходило к нему чаще, чем в здании института за письменным столом. Гетманцев всегда старался по мере возможности принимать участие в дальних и экзотических экспедициях – они заменяли ему те походы на природу, на которые другие люди тратят свой отпуск. Происходить это могло, как на Кольском полуострове, так и в таджикских степях, или в нашей средней полосе. В процессе освоения Васильсурского полигона НИРФИ это «хобби» Германа Григорьевича проявлялось особенно отчётливо. Пропагандируя этот проект среди коллег, профессор Гетманцев неоднократно заявлял, что со временем обязательно переедет в Васильсурск и станет тут начальником лаборатории. Он очень любил Волгу и всё, что с ней было связано. Его коллеги запомнили, что когда во время освоения полигона под Васильсурском проводили необходимые измерения расстояний, плавая на сухогрузе по Волге, то Герман Григорьевич всегда старался стать участником этих экспедиций и, когда это удавалось, мужественно переносил все неизбежные неустроенности быта. Он по-детски радовался возможности совмещения дела с речной экспедицией. Для недалёких поездок по реке и рыбалки Гетманцев приобрёл и содержал небольшую лодку, для сухопутных поездок – автомобиль «Москвич», при этом к содержанию в порядке своей личной техники он относился внимательно и серьёзно, но без фанатизма. На речной рыбалке у Васильсурска Гетманцев старался уступить лидирующую роль другому, например, коллеге Ю.А. Рыжову, у которого был большой катер «Прогресс», профессиональный набор рыболовных инструментов для ловли и серьёзный рыболовецкий апломб.

Что ещё сказать?.. Мудрый человек и большой учёный. Знаковая фигура советской радиофизики, понимание масштаба сделанного которым с годами будет только расти.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Абрашкин А.А. Горьковская радиофизика: этапы становления. Русское междуречье. Нижний Новгород: Дятловы горы. Вып.1. с. 157-164.

² Андропова Е.А. 2022. Частное сообщение.

³ В списке публикаций о Берге книга И. Радунской «Аксель Берг – человек XX века» (1971), сборник «Путь в большую науку: академик Аксель Берг» (1988), брошюра «Академик Аксель Иванович Берг» (1993), ряд статей в различных изданиях.

⁴ Беллюстин Н.С. Владимир Андреевич Разин – человек советской эпохи. Русское междуречье. Нижний Новгород: Дятловы горы. Вып.2. с. 158-165.

⁵ Ерухимов Л.М., Митяков Н.А. Токарев Ю.В. Г.Г. Гетманцев (к шестидесятилетию со дня рождения). Препринт НИРФИ № 230, 1986.

А. Абрашкин

ИДЕАЛЬНЫЙ УЧЕНЫЙ: ЕВСЕЙ ИСААКОВИЧ ЯКУБОВИЧ

Он жил и дышал наукой, её каверзными вопросами и парадоксами. Для него радостью было найти загадочное и непонятное в природе и тут же начать его обсуждать. В собеседники мог быть выбран первый встречный: на нем оттачивались первые догадки и возможные объяснения, чтобы потом перенести диспут уже в круг профессионалов.

В научной проблематике Евсей Исаакович выбирал задачи из разряда топ-уровня. Эта линия поведения определилась с первых же лет работы в Научно-исследовательском радиофизическом институте (НИРФИ), и он никогда ей не изменял. Нет нужды говорить, насколько трудно учёному переключаться на новую тематику. Только освоение накопленного другими опыта занимает обычно два-три года. А уж чтобы браться за проблемы, которые оказались не по зубам классикам, – нужна особая отвага. Но Якубовича это не останавливало.

Среди физиков его кумиром был Ландау: тома многолетнего курса «Теоретической физики» Л.Д. Ландау и Е.М. Лифшица были настольными книгами Евсея Исааковича. Вообще он равнялся на классиков науки и стремился стать с ними вровень. В своё время меня потрясло, что в его библиотеке была «Аналитическая механика» Лагранжа, которую, судя по пометкам на полях, он внимательно изучил. У студентов моего поколения установки – читать классиков науки – точно не было, и я ощутил в тот момент почувствовал пробелы в своём физико-математическом образовании.

Но всё-таки самым любимым учёным у Евсея Исааковича был Леонард Эйлер. Величайший математик в истории, Эйлер вместе с тем прекрасно разбирался в физике и астрономии. Якубовича привлекала разносторонность интересов великого учёного. Он приобрёл знаменитую книгу Эйлера «Письма к немецкой принцессе о разных физических и философских материях» и держал её на рабочем столе. Уже в солидном возрасте Евсей Исаакович признавался, что всю жизнь мечтал, чтобы в его кабинете висел портрет Эйлера, не репродукция, воспроизведённая многотысячным тиражом и, тем самым, обезличенная, а написанная профессиональным художником картина. Так ему хотелось...

Учёные не любят упоминать о мистических моментах своего творчества. Но из песни слова не выкинешь. Два наиболее выдающихся достижения Евсея Исааковича связаны как раз с именем Эйлера, вернее, с уравнением, названным в его честь.

В 1752 г. Эйлер предложил уравнение, описывающее движение идеальной (невязкой) жидкости. Он же указал, что это уравнение можно записать в двух представлениях. Они относятся к разным способам описания жидкости. Один предполагает, что поле скорости рассматривается в определённой точке пространства. Другой способ исходит из того, что прослеживается траектория отдельной жидкой частицы. Первый способ называется эйлеровым, а второй – лагранжевым. Это устоявшаяся в науке терминология, хотя, повторимся, оба подхода к описанию течений предложил Эйлер.

В математическом плане эйлеров подход более прост и привлекателен, поэтому подавляющее большинство исследователей пользуются им. Даже в плоском случае для лагранжевой формы уравнения Эйлера число нетривиальных точных решений ограничивается единичными случаями. А Якубович нашёл целый класс нестационарных точных решений, зависящий от двух произвольных функций пространственных переменных. Этот класс включает в себя классические течения, служащие эталоном описания двумерных вихревых течений – волны Герстнера (1802 г.) и вихрь Кирхгофа

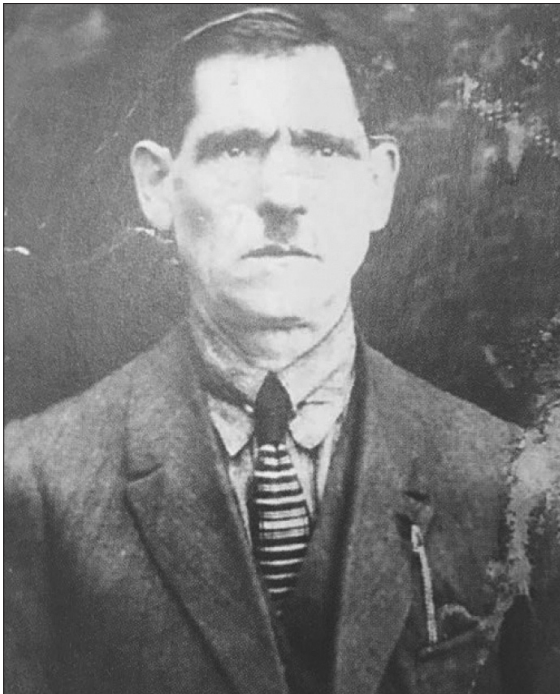
(1876 г.). Результат классический! Стоит добавить, что полученные решения ещё и красивы в своём формульном выражении и физическом воплощении. Частицы жидкости равномерно вращаются по окружности, центр которой, в свою очередь, движется по окружности другого радиуса. Как результат, траекториями частиц, в зависимости от направлений вращения, служат эпи- или гипоциклоиды. По таким кривым двигались планеты в Птолемеевой картине мира, поэтому свои течения Евсей Исаакович назвал птолемеевскими (1984 г.).

Второй замечательный результат в гидродинамике связан уже с описанием пространственных течений идеальной жидкости. Якубович предложил использовать в качестве неизвестной величины особым образом составленную матрицу (матрицу Якоби), и сумел свести векторное уравнение Эйлера (в лагранжевом представлении) к одному матричному (1996 г.). Здесь нелишне добавить, что мимо возможности матричной записи прошёл сам Огюстен Луи Коши, который первым записал эти уравнения в координатной форме (1815 г.). Удивительно, но такое преобразование удаётся осуществить для нелинейного уравнения. Новая форма уравнений получила название матричной формулировки гидродинамики. На её основе удалось получить классы новых точных решений, в том числе, и обобщающих птолемеевские течения.

Свои гидродинамические статьи, так получилось, Евсей Исаакович публиковал только с соавторами. Но я, как участник и непосредственный свидетель событий, подчёркиваю, что роль Якубовича в этих работах была определяющей, а открытия птолемеевских течений и матричной формулировки принадлежат исключительно ему.

К гидродинамике Евсей Исаакович прикипел, будучи зрелым учёным. Это была, если так можно сказать, «поздняя» любовь. Но путь к ней, с точки зрения научных результатов, был не менее интересным и впечатляющим.

* * *

Георгиевский кавалер – Якубович Г.Г. (1882-1933)

Евсей Исаакович Якубович родился 7 ноября 1934 года в Горьком. Его семья проживала тогда на Большой Покровской улице, 10 (в бывшем доме купца Чеснокова). Дом этот находится напротив театра Драмы. Якубовичи имели здесь две комнаты в коммунальной квартире, и история их обретения крайне интересна.

У Евсея Исааковича был легендарный дед. Якубович Гессель Гиршевич, или Евсей Григорьевич, до 1905 года жил в местечке Шоршелы Мглинского уезда Черниговской губернии. Он остался без отца в раннем детстве и жил с матерью. Закончил хедер – базовую начальную школу в традиционной еврейской ашкеназской религиозной системе образования. Хедер был платной школой (не для бедных детей). Видимо, матери Гесселя помогал дядя, имевший мануфактурную лавку. У него Гессель стал работать после окончания школы. В 1903 году он был призван в армию, хотя ещё не достиг призывного возраста. Богатый родственник отдал его в солдаты вместо своего сына. Когда в 1904 году началась Русско-Японская война, солдат Якубович принимал участие в военных действиях в Манчжурии, был тяжело контужен и за проявленную

смелость и находчивость награждён Георгиевским крестом. После женитьбы, как николаевский солдат и кавалер ордена Святого Георгия, Гессель Гиршевич получил право жить вне черты осёдлости. В конце 1905 года он с женой и матерью переезжает в Нижний Новгород. Семья поселилась в Сормове на Шоссейной улице. Глава семейства поступил на Сормовский завод, где и проработал всю жизнь в

качестве квалифицированного рабочего-медника. Он был членом Нижегородской еврейской общины, известным и уважаемым человеком в Сормове. К нему всегда можно было обратиться за советом и помощью. У него были «золотые руки»: он шил, как профессиональный портной, обшивал всю семью, в доме все было сделано его руками, к тому же, хотя он был единственным кормильцем в семье, у Якубовичей почти всегда жил кто-то из родственников или знакомых. Со временем семья Гесселя

В детском саду на утреннике в честь Дня Красной Армии (23.02.1941). Сева Якубович – крайний слева

Гиршевича переехала в Канавино, на улицу Советскую, а в 1930 году поселилась на Большой Покровской. Дед-герой predetermined будущее всего рода Якубовичей. В честь него назвали героя нашего очерка, который, можно сказать, повторил подвиги деда, но на интеллектуальном фронте. Ещё в школе юный Сева проявил блестящие математические способности, с успехом участвуя в физических и математических олимпиадах. Он полюбил играть в шахматы и записался в шахматный кружок при Дворце пионеров. Но был исключён из него за то, что во время соревнований подсказывал противнику. В этом эпизоде в полной мере проявился его характер. Он не стремился победить, достичь цели, невзирая на разные трудности, конфликтовать при этом и что-то доказывать. Он считал, что вполне достаточно ощущения своего перевеса. Он был неспособен к «дарвиновской» борьбе за существование. Отсюда нежелание публиковать результаты, которые не столь высокого ранга, и равнодушное отношение к степеням и званиям. Правда, в канун 70-летия Евсей Исаакович совершил научный «подвиг» и защитил-таки докторскую диссертацию, которую давно уже и не один раз заслужил. Но, как говорится, такова научная жизнь...

В школе у Евсея был друг-одноклассник Роман Филиппов. Да-да, тот самый любимый народом артист, который в «Бриллиантовой руке» приглашал Семен Семеныча (Ю. Никулин) «к нам на Колыму», в «12 Стульях» гениально играл Ляписа-Трубецкого, а в фильме «Тени исчезают в полдень» – полицая Демида. Что-то сблизило в юности будущего физика и будущего заслуженного артиста. Может, это были шахматы: Филиппов был кандидатом в мастера. Дружба их была крепкой и взаимной, в этом я убедился лично, когда вместе с Евсеем Исааковичем оказался в гостях у Романа Сергеевича в его московской квартире. Но билеты в сверхпопулярный Малый театр он попросить у друга постеснялся (хотя, надо признать, театралом не был).

В 1953 г. Е.И. Якубович поступил на радиوفизический факультет Горьковского госуниверситета (ГГУ) и через пять лет вышел уже сформировавшимся специалистом по радиофизике и электронике. В процессе учёбы у него оформилась тяга к теоретической физике, но сразу попасть в тогдашний флагман

Гиршевича переехала в Канавино, на улицу Советскую, а в 1930 году поселилась на Большой Покровской.

Дед-герой predetermined будущее всего рода Якубовичей. В честь него назвали героя нашего очерка, который, можно сказать, повторил подвиги деда, но на интеллектуальном фронте. Ещё в школе юный Сева проявил блестящие математические способности, с успехом участвуя в физических и математических олимпиадах. Он полюбил играть в шахматы и записался в шахматный кружок при Дворце пионеров. Но был

Е.И. Якубович с женой Галиной Алексеевной и дочерью Наташей (С.-Петербург)

нижегородской науки – Научно-исследовательский радиофизический институт (НИРФИ) не удалось. После окончания университета он три года проработал на заводе Фрунзе, но фундаментальную науку при этом не бросал. В 1960 году он поступил в аспирантуру ГГУ (научный руководитель – А.В. Гапонов-Грехов), проучился там три года, и только тогда был принят на работу в НИРФИ.

Молодой и амбициозный Е.И. Якубович всеми силами стремился в науку, работу на заводе он рассматривал, как фактор, тормозящий его вхождение в теоретическую физику. Но жизнь мудрее нас. Именно здесь Евсей Исаакович обрёл свою «вторую половинку». Галина Алексеевна тоже закончила радиофак, но по-настоящему они узнали друг друга, только став сотрудниками завода.

1960-70-е годы можно назвать временем созревания и расцвета горьковской (нижегородской) радиофизики. В это время достижения учёных НИРФИ обрели всесоюзную и мировую известность. Молодые выпускники (преимущественно) радиофизического факультета успешно брались за решение новых задач в самых разных областях физики. Е.И. Якубович был в их числе. Приведу некоторые из достижений в его «нирфинский период»:

– Первая распределённая модель лазера (1964; совместно с Л.А. Островским);

– Объяснение пикового режима работы лазера (1965; совместно с В.И. Беспаловым). При этом был описан механизм хаотической автомодуляции, который сейчас называется «странным аттрактором». Ознакомьтесь с работой Лоренца на эту тему авторам тогда не представлялось возможным.

– Открыты новые законы сохранения для взаимодействия встречных световых волн в нелинейных средах, предсказан эффект вращения плоскостей поляризации встречных волн в изотропной нелинейной среде (1969). Данный эффект нашёл важное приложение в поляризационной спектроскопии.

– Защита кандидатской диссертации «Некоторые вопросы электродинамики нелинейных резонансных сред» (1971);

– Точное решение задачи трехволнового взаимодействия (1974).

Стоит подчеркнуть, однако, что добившись яркого результата в каком-либо вопросе, Евсей Исаакович не стремился его, что называется, развить и приумножить, обрести «мясом» приложений, пропагандировать на различных уровнях и довести, тем самым, до широкой публики. Он предпочитал переключаться на другие задачи. Как следствие, его работы оставались известными лишь узкому кругу учёных, и не отзывались резонансно в научном сообществе. А ведь аттрактор Лоренца в конце прошлого тысячелетия триумфально пленил головы специалистов по хаосу, а за поляризационную спектроскопию в 2005 году была вручена Нобелевская премия.

В 1977 году, перейдя на работу в Институт прикладной физики, Евсей Исаакович стал заниматься гидродинамикой, и, как я уже написал, весьма преуспел и там. Статьи по нелинейной оптике он больше не писал, но придумал и запатентовал несколько изобретений в области гидродинамики и оптики. Среди них:

– «Способ определения поля завихренности» (1987; совместно с А.М. Киселевым);

– «Способ формирования и воспроизведения трёхмерного изображения и устройства для его осуществления» (телевидение, фотография) (1995).

Однажды, в пору повального увлечения кубиком Рубика, когда ещё не было готовых алгоритмов сборки, Евсей Исаакович заключил пари, что в течение трёх дней придумает их и научится за минуту собирать его из любого начального положения. Разумеется, спор он выиграл.

К 70-летию Якубовича я написал стихотворение:

Нет, не мельчает человек,
Не превращается в профана!
И в наш умалишённый век
Живут и здравствуют титаны.

Блажен, кому ниспослан дар
Служить науке как кумиру:
Ведь никогда не станешь стар,
По-детски удивляясь миру.

А истины желанный свет
Сверкнёт одним из отражений,
И скажешь ты на склоне лет:
Я всё-таки немного гений.

Нет, не мельчает человек,
Не превращается в профана!
И в наш умалишённый век
Живут и здравствуют титаны.

С первой же встречи я почувствовал неординарность Е.И. Якубовича как учёного, его научный талант, который высвечивался в каждой решённой им задачке. Математика его работ изящна и по-настоящему красива. Поначалу рабочим названием для этого текста было «Гений радиофизики». Но я отказался от него, и вот почему.

* * *

В названии Института прикладной физики предельно ясно отражена генеральная линия исследований, которые в нем выполняются. Конечно, как и во всякой научно-академической структуре, здесь приветствовались, а иногда даже и поощрялись фундаментальные изыскания сотрудников. Но прикладные проблемы во все времена доминировали, если не сказать, «правили единолично». Это в значительной степени понятно, поскольку с одной стороны ИПФ выступал как выросшая из НИРФИ «ветвь», а с другой – государство выделило ему огромные деньги на решение приоритетных гидрофизических задач, связанных с океаном. Не секрет, что учёные, взвалившие на себя груз прикладных работ, косо поглядывали на тех, кто старался заниматься «чистой» наукой. Работа с секретными материалами, непрерывная отчётность, связанная с написанием многостраничных текстов, наконец, нервозность, связанная с выполнением заявленных планов и со сроками их реализации. В этом смысле учёный, настроенный на решение фундаментальных проблем и публикацию их в открытых научных журналах, служил для них объектом раздражения. При этом забывалось, что именно «прикладники» получали весомые надбавки и руководящие должности, и что никто не запрещал им заниматься фундаментальными вопросами (многие ведущие учёные так и поступали).

К чему я это все. Якубович, по крайней мере, в зрелый период своего творчества в прикладных темах не участвовал. Ему это позволялось. Он был, что называется, «свободный художник». Кстати, необременённость повседневной текучкой позволяла ему каждое утро начинать с очередного приступа к гидродинамическому уравнению Эйлера. Мне запомнился такой эпизод из начала 80-х.

Мы с Евсеем Исааковичем обедали в НИРФИнской столовой. К нам подсел Михаил Израильевич Рабинович, крайне возбуждённый и в чрезвычайно хорошем настроении. После обычных приветствий он сообщил, что за утро закончил новую статью, а потом неожиданно спросил:

- Сева, а что ты сделал сегодня утром?
- Решал свою гидродинамику, – ответил тот.
- То есть, как решал, а что-нибудь получил?

С М.И. Рабиновичем. Евсей спрашивает:
«Миша, зачем ты встаешь на носки, ты же и без
этого выше»

– Да, нет, все как-то не склеивается (речь шла о склейке вихревых и потенциальных течений в плоской гидродинамике).

– И долго будет не склеиваться?

– Кто же знает? Но, думаю, Миша, ты успеешь ещё пару статей закончить.

В этом коротком отрывке отразились основные принципы научной деятельности Евсея Исаковича. Его интересовали только сверхсложные нелинейные задачи. При этом он не любил применять приближенные методы. Исследовательская программа Якубовича состояла в нахождении точных решений, и тут с ним, думаю, мало кто сравнится. Но точная аналитика, тем более, в современной гидродинамике – это «высший пилотаж», каждое новое решение – «штучный товар», к которому рано или поздно будет прикреплено имя первооткрывателя. Учёные, использующие метод последовательных приближений или численные расчёты, обречены на получение результата и написание научной статьи. Это обычная техника. Совсем другое – точное аналитическое решение нелинейного уравнения. Перефразируя Маяковского – изводишь единой формулы ради тысячи тонн бумажной «руды».

К слову сказать, склейка течений состоялась! Мы вместе с Евсеем Исааковичем решили задачи об обтекании бугорка и траншеи однородным потоком с образованием присоединённого вихря (1986). Путь к победе занял не один год, но результат был достигнут...

Выступая на 80-летию академика В.И. Таланова, научный руководитель ИПФ А.В. Гапонов-Грехов предложил делить всех профессионально занимающихся наукой на два (в значительной степени противостоящих «лагеря») – научных работников и учёных. Эта классификация, по существу, есть отражение известного деления физиков на прикладников и фундаментальщиков. Для А.В. Гапонова-Грехова, отвечавшего за выполнение крупных государственных проектов, прикладники всегда стояли на первом месте и значили, с точки зрения вклада в общее дело, неизмеримо выше. Сам Андрей Викторович неизменно заявлял, что вклад коллективного творчества на порядок выше индивидуальных усилий. На упоминавшемся банкете он назвал В.И. Таланова идеальным научным работником. У Владимира Ильича есть достижения мирового уровня, прежде всего, в нелинейной оптике, но его непосредственный начальник выделил в качестве наиболее ценных и ценных заслуг именно работы в прикладной физике.

С Евсеем Исааковичем Якубовичем, как мне кажется, все наоборот. И я в своей прощальной речи назвал его идеальным учёным.

Т.Г. Талипова

ПЕЛИНОВСКИЙ – СВЕРХНЕОРДИНАРНЫЙ ПРОФЕССОР

Учёный мирового уровня. Это определение идеально подходит Ефиму Наумовичу Пелиновскому. Подходит больше, чем некоторым академикам и членам-корреспондентам Российской Академии Наук. Пелиновского знают физики всего мира, занимающиеся распространением нелинейных волн в океане, в плазме, в атмосфере, и это не преувеличение. Поскольку нелинейные волны существуют во многих средах, то порой невозможно определить, какова специальность этого замечательного учёного. Океанолог вроде бы, поскольку теория эволюции внутренних волн, а также гидродинамика волн цунами разработана и описана им в нескольких книгах. Он также дал начало теории волн – убийц, в основном на поверхности и в толще океана, чему также посвящены несколько книг в соавторстве с другими известными учёными. Но сейчас высоко цитируются статьи Е.Н. Пелиновского, посвящённые волнам в плазме, в атмосфере звёзд, в развитии эпидемии коронавирусной инфекции и многим другим нелинейным явлениям.

По «цунамной» тематике Ефим Наумович работал в Советском Союзе и России, Турции, Южной Корее, Индонезии и даже на Карибских островах. Что поделать, цунами – общая проблема, и их вторжения оставили следы на территории этих стран. А кто лучший специалист по теории волн цунами?..

В экспедиции по следам цунами. Индонезия, о. Сулавеси, 1996 год

Но география – это одно. А есть ещё и отклик научного сообщества: то, как цитируют учёного и кому интересны его исследования. И тут, следует признать, данные о научном творчестве Пелиновского зашкаливают. У учёных есть свои мерил творческой активности учёного – типа индекса Хирша (мера цитируемости статей) или общего числа публикаций в рецензируемых журналах. Можно обсуждать, насколько эти величины содержательны и дают представление о научном потенциале учёного. Но мы выскажем предположение, что как и в рассматриваемых до сих пор наукометрических оценках, так и в любых других, более изощрённых «формулах интересности и актуальности», Ефим Наумович будет в лидерах. И что примечательно, во время своей службы Науке он

никогда не занимал должностных позиций вроде начальника отдела или директора отделения (Института). Как выражается сам Пелиновский: «Я органически не способен к административной работе». Если многие руководители, какими бы они ни были талантливыми учёными, часто просто плодят число публикаций, то Ефим Наумович неизменно вникает в суть статьи, под которой подписывается, и вносит в неё свой весьма весомый вклад.

Соавторы Пелиновского живут в Австралии, Великобритании, Франции, Австрии, Израиле, Эстонии, на Карибских островах (Гваделупа) и Южной Корее. Он активно контактирует с исследова-

Слева направо: Онно Бохоув, Роджер Гримшоу и Ефим Пелиновский на конференции в честь 80-летия Гримшоу, Лафборо, Великобритания, 2012

телями Польши, Норвегии, Германии, Китая, Канады, Тайваня и Украины. Статьи, написанные во время научных визитов в Австралию с австралийским исследователем П. Голловеем по динамике нелинейных внутренних волн на северо-западном шельфе Австралии, дали весомый толчок к развитию моделей эволюции длинных внутренних волн. Они активно цитируются до сих пор, в основном, китайскими учеными, работающими над этой проблемой для Южно-Китайского моря. Многолетние соавторы Е.Н. Пелиновского – Р. Гримшоу (Австралия, Англия) и К. Хариф (Франция) – гидродинамики топ-уровня. Уже один этот факт определяет вы-

сочайший уровень их совместных статей.

Анатолий Абрашкин к 70-летию юбилею Ефима Наумовича написал стихотворение, в котором были такие строки:

Вы – экстремальный солитон
 Научных волеустремлений,
 Моделей, волновых решений
 И свойств, которых полон он.

Всегда в движении, при деле,
 Объехали полмира Вы:
 От Гваделупы до Москвы
 И от Камчатки до Марселя.

Вас не пугает встречный бой,
 Вы наслаждаетесь общением
 И дорожите дельным мнением,
 Коль человек умён собой.

Автор этих четверостиший – соавтор Пелиновского, знающий его методы работы и отношение к делу. Он отразил очень важные черты Ефима Наумовича, как учёного. Их стоит охарактеризовать подробнее.

Начнём с того, что солитон – это одинокий странник (волна) большой амплитуды (образ человека с высоким коэффициентом интеллекта IQ). Конечно, Ефим Наумович далеко не одинок, с ним всегда работают как специалисты высокого уровня, так и аспиранты и студенты, но по своим удивительным рабочим качествам он, пожалуй, действительно «солитон». Пелиновский – максималист в охвате областей приложения найденных им решений. Как правило, он изучает различные режимы распространения волновых возмущений, но главное – в другом! Случается так, что одни и те же уравнения описывают и акустические, и плазменные, и геофизические, и даже социальные процессы. Перескочить из одной области в другую для большинства физиков – проблема. Но только не для Е.Н. Пелиновского. Это, если хотите, его фирменный «финт» (по терминологии футболистов). Конечно, этот приём Ефим Наумович, как представитель горьковской (нижегородской) школы волновых явлений и колебаний, унаследовал от своих предшественников и учителей: А.В. Гапонова – Грехова, М. А. Миллера, Л. А. Островского и других выдающихся деятелей науки Горьковской радиофизической школы.

Но ведь есть общие принципы, высказываемые для всех «имеющих уши», и конкретные воплощения, о которых авторы принципиальных положений и не думали. И вот тут как раз сказывается чутьё учёного и его умение преподнести новый и красивый научный результат.

О географических перемещениях Пелиновского уже говорилось. Если рассматривать глобус и континентальные «куски» на нем, то Ефим Наумович не был разве что в Антарктиде и на Северном Полюсе (а что касается стран – ну, может быть, ещё не был в Чили, Пакистане, Гондурасе, Венесуэле и Вьетнаме). Опять-таки это не «охота к перемене мест». В каждом визите подразумевался определённый пласт работ, направленных на описание природных нелинейных волновых процессов. Но есть у Ефима Наумовича пристрастие к экстремальным явлениям – цунами, и «волнам-убийцам» в океане. Годы сотрудничества с профессором К. Харифом (Марсель, Франция) и тогда ещё аспирантом этих двух профессоров А.В. Слюняевым способствовали написанию совместной книги «Rogue Waves in the Ocean», число ссылок на которую перевалило за 1000. Тогда же, с их лёгкой руки, термин «волна-убийца» прочно вошёл в профессиональный язык.

Большой период жизни Пелиновского был связан с Карибскими островами (остров Гваделупа), где расположен Университет Антильских островов Гвианы. Под руководством Е.Н. Пелиновского там развернулись исследования морских природных катастроф (цунами, циклоны, извержения вулканов). Крайне примечательно, что как раз в то время там происходили постоянные извержения проснувшегося в 1995 году вулкана на острове Монсеррат, находящемся в 50 км от Гваделупы. Столица этого острова – город Плимут, был полностью разрушен. Автор, как непосредственный участник событий, свидетельствует, что изучались следы, оставленные цунами на побережье островов Монсеррат (под контролем сотрудников Вулканической обсерватории Монсеррата) и Гваделупа. Ефим Наумович подготовил в Гваделупском университете местного сотрудника Нарцисса Заибо к защите докторской диссертации. Сейчас Нарцисс является профессором университета, деканом, и возглавляет лабораторию природных катастроф (основанную при непосредственном влиянии Е.Н. Пелиновского) в этом университете.

Много лет Ефим Наумович сотрудничал с профессором морской гидротехники Сеульского университета Бынг Хо Чоем. В составе экспедиции они обследовали следы цунами 1993 года на западном (корейском) побере-

Ефим Пелиновский и Нарцисс Заибо при обследовании следов вулканического оползневоего цунами на о. Гваделупа

Е.Н. Пелиновский и Б.Х. Чой на конференции

жье Японского моря. В 2003 году они опубликовали работу по цунами от взрыва вулкана Кракатау, который произошёл в 1883 году и «навёл шорох» по всему миру. А на следующий год произошло землетрясение почти в том же месте и с той же силой, которое также распространилось по всему миру. Молодые сотрудники из группы Е.Н. Пелиновского участвовали в обследовании следов этого цунами на острове Суматра (Индонезия) и составили важную для будущих исследований картографию события. Совсем недавно статья с Чоем заиграла новыми красками после извержения вулкана Тонга 15 января 2022 года в Тихом океане, которое по многим характеристикам было похоже на извержение вулкана Кракатау.

В настоящее время Ефим Наумович – главный научный сотрудник Института прикладной физики Российской академии наук (РАН) и по совместительству профессор кафедры фундаментальной математики Национального исследовательского университета Высшая школа экономики (НИУ ВШЭ), а также профессор кафедры прикладной математики в Нижегородском техническом университете (НГТУ). Это говорит не только об удивительной активности учёного, но и об его исключительной востребованности как учёного, так и преподавателя. Он постоянный участник научных конференций, семинаров, член нескольких Ученых советов по защите диссертаций. Журналисты часто просят его дать интервью, записывают беседы с ним для передач на телевидении. Можно без преувеличения сказать, что Е.Н. Пелиновский в Нижнем Новгороде – фигура широко известная и даже легендарная. Среди его учеников 25 кандидатов наук, 9 докторов наук, 3 профессора РАН и один «научный внук» – член-корреспондент РАН (ученик его ученика, проректора по науке НГТУ им. Р. Е. Алексеева, профессора, профессора РАН А.А. Куркина).

В НИУ ВШЭ отдельным штатным преподавателям присваивается звание «ординарный профессор». Пелиновский трудится в университете по совместительству, и не может, несмотря на свои колоссальные заслуги, быть представленным к такому званию. Но для всех очевидно, что Ефим Наумович уже давно «перерос» уровень ординарного (английское «ordinary» – «обычный») профессора, его в полном смысле можно аттестовать как необычного (неординарного) и даже сверхнеобычного (сверхнеординарного) профессора. И мы чуть ниже подкрепим это мнение дополнительными фактами.

* * *

Ефим Наумович родился 12 июля 1945 года в Кемерове, но до этого их семья жила в Одессе. Его бабушки и дедушки происходили из относительно зажиточных еврейских семей. После революции один дед стал работать сапожником, а второй, вступив в партию по ленинскому призыву, руководил известным гастрономом на углу Дерибасовской и Преображенской. Отец – Наум Менделеевич в январе 1941 года закончил Одесский Индустриальный институт. Перед распределением в Сталинград он женился на будущей маме Ефима – Фриде Ильиничне, которая в то время ещё училась в Одесском медицинском институте.

Родители, Н.М. Пелиновский и Ф. И. Пелиновская, 1944 г

В июне после летней сессии она приехала на каникулы к мужу в Сталинград, поездом, без документов. В те времена по железным дорогам можно было ездить без предъявления паспорта. Там их и застала война. Мать в Одессу уже не вернулась. Она работала в госпитале, а высшее образование получала уже потом, экстерном. Когда немцы подходили к Сталинграду, родителей вместе с заводом на баржах, под бомбами, по Волге вывезли в Самару, а оттуда в Кемерово, где и родился Фима.

В 1950-м году отец был переведён на химический комбинат «Ява» в городе Дзержинске Горьковской области. Позже, уже окончив

университет, Ефим переберётся в Горький, но неизменно будет числить себя сибиряком.

Отец Ефима работал главным энергетиком химкомбината в Дзержинске. Он приносил сыну провода, резисторы, переключатели, реле, катушки индуктивности и прочие электротехнические штучки, из которых будущий профессор в сарае с огромным удовольствием мастерил линии электропередач. А ещё Ефим мечтал о путешествиях, в первую очередь морских. По окончании четвёртого класса он захотел пойти в Нахимовское училище, но мама воспротивилась этому. Однако как же всё-таки закономерно складываются человеческие судьбы: мечты маленького мальчика всё-таки стали реальностью! В 1989 году на Научно-исследовательском судне «Академик Вернадский» в четырехмесячный круиз из Севастополя по Атлантике, а в 1991 г. был ещё один научный круиз по Средиземному морю.

После седьмого класса Ефим поступил в электрический техникум в Дзержинске. Здесь, видимо, не последнюю роль сыграл пример профессии отца, но был и чисто материальный стимул: стипендия в 15 рублей позволяла 13-летнему подростку чувствовать себя практически независимым. В техникуме же девушки «переименовали» Фиму в Женю, так что многие с юности знают и зовут Пелиновского Женей. Физики и математики в техникуме было меньше, чем в школе. Поэтому подготовительные курсы были просто необходимы. Диплом с отличием гарантировал поступление после техникума сразу в ВУЗ, но какой? Электрофизический факультет Политехнического института выглядел наиболее привлекательно, но подготовительных курсов там ещё не было, а вот в Государственном университете на радиофизическом факультете уже были. Это и предопределило выбор абитуриента. К тому же, по окончании курсов проводились предварительные экзамены по физике и математике, оценки за которые учитывались при поступлении. Получив за них отличные оценки, Фима уже не упускал из рук свою удачу. Написав, когда пришло время, сочинение (тоже на «отлично») Ефим Пелиновский в 1964 году стал студентом радиофака ГГУ.

Группа на факультете подобралась достаточно сильная. В неё входили А.И. Саичев, В.З. Гринес, Д.А. Эренкранц, Г.М. Фрайман, впоследствии выросшие в известных профессоров, математиков, физиков, педагогов. Юношам нравилось учиться, они буквально жили в библиотеке ГГУ. Скоро их образовательный уровень вырос настолько, что они ни в чем не уступали выпускникам 40-й школы, учившимся вместе с ними. Получив на первой сессии все оценки «отлично», и обретя повышенную стипендию, Ефим так обрадовался, что начал сдавать все сессии досрочно и только на «отлично». Так, к примеру, экзамен по истории партии он сдал в начале учебного года, в сентябре!

Освободившееся от сессий время юный радиофизик тратил на чтение научной литературы. Со второго курса он начал выписывать журнал «Успехи физических наук», в котором, правда, по собственному признанию, мало, что понимал. В настоящее время Пелиновский сам периодически печатается в этом журнале (хотя, по его признанию, тоже не все статьи в нём понимает). Но тяга молодого человека к Большой физике обнаружилась нешуточная. Вначале он увлёкся квантовой радиофизикой, но очень быстро переквалифицировался на изучение нелинейных волновых процессов в сплошных средах. В этом бесспорно была заслуга его первого научного руководителя – Льва Ароновича Островского, который на третьем курсе увлёк юного Женю задачами о распространении солитонов, которые описываются знаменитым уравнением КДВ (Кортевега – де Вриза). В сущности, эту «первую любовь» Ефим Наумович пронёс через всю жизнь: изучение нелинейных волн стало главной темой его научной деятельности. Во время написания дипломной работы Пелиновский всё время фонтанировал идеями, которые стремился тут же донести до Л.А. Островского. Научный руководитель однажды даже попросил его делать это не так часто, поскольку ему тоже надо работать.

Фиме 1 год

Женился Ефим после второго курса на Валентине Михайловне Пелиновской (Балабиной) в 1966 году, а в 1969 году родился сын Дмитрий, который продолжил семейные традиции, также окончил радиофак НГУ, прошёл аспирантуру в Австралии у профессора Гримшоу, и сейчас профессор математики в университете Гамильтона в Канаде. Дмитрий Ефимович Пелиновский – один из известнейших математиков в мире в области математики нелинейных волн, он главный редактор журнала *Studied of Applied Mathematics*. Дочь Наталья Пелиновская родилась в 1977 году, закончила биофак нашего университета, защитила PhD во Франции, и сейчас живёт около Марселя с сыном Романом. Ещё у Ефима Наумовича есть старшая внучка, живущая в Австралии, она окончила университет Монаша в Мельбурне, медицинский работник, недавно у неё родилась дочь, правнучка Ефима Наумовича. Вторая внучка – стюардесса, и два внука живут в Канаде. Жаль, но физматнаукам из внуков себя никто не посвятил, вся надежда на правнуков!!! Старший внук, Альберт Пелиновский, учится в университете Торонто на психолога.

На защите кандидатской диссертации

Закончив в 1969 году радиофизический факультет с красным дипломом, Ефим Пелиновский поступил в аспирантуру ГГУ к академику Андрею Викторовичу Гапонову-Грехову. Первые статьи молодого учёного появились через год после первого курса аспирантуры в авторитетных отечественных журналах «Физика атмосферы и океана» и «Доклады Академии наук». В декабре 1972 года Ефим Наумович защитил кандидатскую диссертацию по специальности Радиопизика «Теория несинусоидальных волн в нелинейных диспергирующих средах».

К тому моменту на его счету уже было 12 статей, опубликованных в рецензируемых научных журналах. Следует подчеркнуть, что эту уникальную работоспособность, находящую

воплощение в многочисленных изданиях, Пелиновский сохранял и позже; не сбавляет этого темпа учёный и сейчас, печатая в российской и зарубежной периодике до 15 – 20 статей в год. Новопечённого кандидата наук охотно приняли на работу в НИРФИ, а потом и в ИПФ РАН (1977 год). Своего основного места работы он с тех пор не менял.

Один из важных теоретических результатов Пелиновского заключался в разработке теории наката волн цунами, что привело к созданию схем цунами районирования побережья Советского Союза. Мечтая обсудить проблему динамики волн цунами на самом высоком уровне, молодой учёный поехал на конференцию Международного геодезического и геофизического союза (Москва, 1971), где комитет по цунами возглавлял будущий академик, директор Сахалинского НИИ Сергей Леонидович Соловьев. Поговорив с ним, Пелиновский получил приглашение приехать на Сахалин: так завязались плодотворные научные контакты, которые продолжаются и до сих пор. Результатом этой деятельности Ефима Наумовича стало создание нелинейной теории волн цунами и их воздействия на берега, которая легла в основу докторской диссертации «Нелинейная динамика волн цунами» по специальности Океанология (защита в 1981 году). На тему наката длинных волн, в том числе и цунами, на берег Пелиновским написано пять книг, а точному числу статей автор уже утратил счёт. За эту деятельность он был удостоен престижной медали С. Л. Соловьева, учреждённой Европейским Геофизическим Союзом в 2006 году. По линии цунами есть у Е. Н. Пелиновского и другие награды, W. Adams Award (1993) от Международного общества по изучению стихийных бедствий, а также премия Международного общества цунами (2012).

В ИПФ АН академик А.В. Гапонов-Грехов доверил молодому учёному работу в рамках проектов по дистанционной диагностике океана. За результаты этой работы Е.Н. Пелиновский был

награждён медалью «За трудовую доблесть» (1985).

Вместе со своими друзьями-соавторами, А.И. Саичевым, О.В. Руденко, С.Н. Гурбатовым, В.Е. Фридманом, А.С. Чиркиным, А.Н. Малаховым и С.А. Рыбаком Ефим Наумович Пелиновский разработал ряд математических методов, позволивших изучить особенности генерации, распространения, трансформации и диссипации нелинейных волн в неоднородных и случайных средах. За этот цикл работ группа учёных была удостоена Государственной премии России (1997).

За разработку теории волн-убийц Е.Н. Пелиновский, А.В. Слюняев и А.С. Дьяченко получили премию РАН Манделъштама в 2018 году.

В последние годы профессор Пелиновский занимается сверхдальним распространением морских волн, акустических волн в плазме, развивает предложенную им ранее теорию наката волн на берег. Он также включился в исследования водного бассейна Нижегородской области, в частности, под его руководством разработан ряд сценариев прогноза аварийных экологических ситуаций на реках Ока и Волга. Не забывает он и свою «первую любовь» – уравнения типа Кортевега – де Вриза, где им дана классификация решений по степени нелинейности, и обнаружены такие необычные решения, как пирамидальные солитоны, компактоны и др. В последние два года ещё одним увлечением учёного стало моделирование заболеваемости ковидом нелинейными уравнениями.

Ефим Наумович шагает в такт с жизнью, это существенная черта его творчества, которое не может не восхищать.

Академик В.А. Котельников вручает Е.Н. Пелиновскому медаль «За трудовую доблесть», 1985 г

Д.В. Баландин, В.И. Ерофеев

**ЧЕЛОВЕК ПЛАНЕТАРНОГО МАСШТАБА:
НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ ДЕРЕНДЯЕВ**

Николай Васильевич Дерендяев родился 15 августа 1942 года, в 1965 году окончил Горьковский государственный университет (ГГУ), поступил на работу в родной ГГУ и проработал в нем до последнего дня своей жизни – 6 ноября 2021 года. Таковы основные вехи его жизни. Но она была неразрывно связана с наукой – главной его душевной страстью.

Николай Васильевич окончил радиофизический факультет по специальности «математические методы в радиофизике», был распределён в научно-исследовательский институт прикладной математики и кибернетики (НИИ ПМК) при ГГУ. Институт этот, организованный в 1964 году по инициативе профессора Юрия Исааковича Неймарка, принимал выпускников на работу тогда впервые. Новая диковинная наука так высоко котировалась на тот момент, что даже в знаменитом фильме «Кавказская пленница» прозвучал тост: «За кибернетику!»

Тридцать лет посвятил Николай Васильевич научной работе в Институте. Он прошёл путь от младшего научного сотрудника до заведующего сектором газодинамических задач и прославился уникальными способностями по разработке и исследованию математических моделей сложных процессов и явлений. Его основные результаты относятся к динамике роторных (вращающихся) систем, содержащих жидкость и, прежде всего, к изучению устойчивости их движения.

Теория устойчивости движения – область науки, в которой за последние полтора века потрудились многие классики. Возможно ли внести в неё какой-то существенный вклад? Дерендяеву это удалось. Но поговорим обо всем по порядку.

Основоположниками здесь принято считать Джеймса Клерка Максвелла (основателя электродинамики) и Ивана Алексеевича Вышнеградского, которые в конце 1860-х –

начале 1870-х годов, независимо друг от друга обратились к задаче об устойчивости режима работы паровой машины, снабжённой регулятором Уатта. Как итог, они получили необходимые и достаточные условия отрицательности действительных частей корней характеристического полинома третьей степени, а Вышнеградский дал ещё этому и геометрическую интерпретацию (диаграмма Вышнеградского). Идущие вслед за ними Эдвард Джон Раус и Адольф Гурвиц (опять же независимо друг от друга) получили критерий отрицательности действительных частей всех корней полинома уже произвольного порядка (критерий Рауса-Гурвица); Гурвиц к тому же ещё нашёл решение этой задачи в изящной форме детерминантных неравенств. Примерно в это же время Александр Михайлович Ляпунов в своей диссертации дал математическое обоснование исследованиям устойчивости при помощи линеаризованных уравнений. Это означало, что наработки математиков относительно свойств корней полиномов имеют фундаментальное значение. Подчеркнём, что все упомянутые достижения относятся к девятнадцатому веку.

В следующем веке основополагающим для исследователей стимулом стало стремление дать в руки учёных-прикладников приёмы, практически пригодные для определения устойчивости. В реальных условиях речь обычно идёт не столько о том, устойчива или нет данная система, сколько о выборе параметров, позволяющих в рамках её устойчивого поведения удовлетворить ряду технических требований. Такая задача сводится фактически к разбиению пространства параметров системы на области устойчивости и неустойчивости. В решении этой задачи существенным шагом стало появление частотных критериев Найквиста (1932 г.) и Михайлова (1938 г.) и метод D-разбиения Неймарка (1949 г.).

Дерендяевым был предложен и разработан оригинальный метод исследования устойчивости, в котором в отличие от традиционного метода D-разбиения не требуется знания характеристического уравнения. Более того, при определении устойчивости достаточно ограничиться рассмотрением лишь возмущений некоторых специальных видов. Предложенный метод был успешно применён учёным (вместе с его учениками) при решении ряда задач об устойчивости вращения роторных систем, содержащих жидкость. Здесь возмущениями специального вида являются движения типа круговой прецессии. Было установлено, что при возникновении неустойчивости режима стационарного вращения важно соотношение между внутренним трением в жидкости, содержащейся в роторе, и внешним демпфированием в опорах её оси. При этом получил объяснение известный экспериментальный факт, что потеря устойчивости режима стационарного вращения ротора, содержащего жидкость, может сопровождаться возникновением синхронной прецессии.

Метод Дерендяева был также успешно применён в задаче об устойчивости стационарного вращения в магнитном поле ротора с полостью, частично заполненной проводящей вязкой несжимаемой жидкостью. Определено, что в пространстве параметров возмущённое движение в виде круговой прецессии возможно только на границе областей с различной степенью неустойчивости. Движение типа круговой прецессии возникает в результате резонансного возбуждения волны на поверхности жидкости, т.е. при совпадении частоты прецессии ротора и частоты поверхностной волны.

В цикле работ, посвящённых систематическому исследованию волновых движений в слое вращающейся вязкой несжимаемой жидкости, Николаем Васильевичем также рассмотрены случаи, когда жидкость обладает микрополярной структурой, контактирует с упругоподатливыми стенками полости ротора, а также имеет инерционную свободную границу (флотирующая жидкость). Все эти задачи связаны с аналитическим решением уравнения Навье-Стокса – самого «крепкого орешка» гидродинамики. И то, что Дерендяеву удалось продвинуться в этом направлении, характеризует его как гидродинамика высочайшего уровня.

Научные результаты Н.В. Дерендяева по динамике роторных систем, получили широкую известность в России и за рубежом. Его работы представлялись для публикации в «Докладах академии наук» такими выдающимися отечественными механиками, как академики РАН А.Ю. Ишлинский, В.Ф. Журавлев, В.В. Козлов.

В 1970 году Николай Васильевич защитил кандидатскую диссертацию. Докторскую диссертацию (1999 г.) он готовил с большой неохотой, по сути, по настоятельному требованию друзей, коллег и учеников. В этом проявилась его настроенность на обретение, в первую очередь, понимания природы, а не получения степеней и званий за эту свою деятельность.

В 2015 году Н.В. Дерендяев был избран в состав Российского национального комитета по теоретической и прикладной механике.

Многие годы Николай Васильевич принимал участие в работах по математическому моделированию и расчёту центрифуг, применяющихся в атомной промышленности для разделения изотопов урана. Его теоретические результаты здесь нашли непосредственное практическое приложение. Редкое счастье для учёного-теоретика!

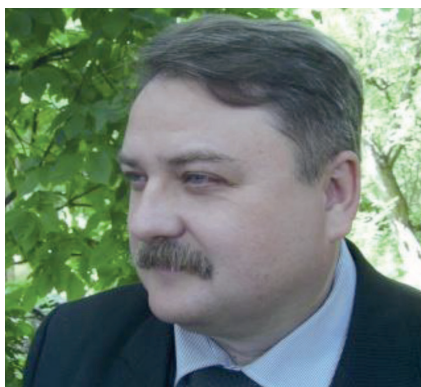
В 1996 году Н.В. Дерендяев перешёл на факультет вычислительной математики и кибернетики (ВМК), где тридцать лет проработал преподавателем (доцентом, профессором) кафедры теории управления и динамики машин. Его яркие, интересные лекции по уравнениям математической физики помнят многие выпускники факультета. Равно, как помнят коллеги-исследователи его яркие, часто интригующие доклады на научных семинарах и конференциях. Как научный работник Николай Васильевич был не столько писателем, сколько сказителем! Он обладал широкой эрудицией, хорошо знал отечественную и мировую историю, разбирался в литературе, изобразительном искусстве, архитектуре, любил и умел исполнять романсы. Николай Васильевич уважительно и чутко относился к людям. Беседа с ним на любую тему доставляла огромное удовольствие. Нас не покидает ощущение, что в минувшем году от нас ушёл человек планетарного масштаба.

Эпилог. В июне 2022 года в диссертационном совете ННГУ по механике была успешно защищена кандидатская диссертация на тему «Исследование влияния анизотропии закреплений оси роторной системы с жидкостью на устойчивость стационарного вращения». Автором диссертации проведено развитие метода Дерендяева на случай анизотропных закреплений. Осталось добавить, что автором диссертации является Дмитрий Николаевич Дерендяев – сын учёного. Значит и род Николая Васильевича, и дела его продолжают.

ОБ АВТОРАХ

Абрашкин Анатолий Александрович – докт. физ.-мат. наук, профессор кафедры математики НИУ ВШЭ (Нижний Новгород). Автор книг по древнейшей истории русского народа, исследования «Тайнопись в романе «Мастер и Маргарита» (в соавторстве с Г.В. Макаровой) и трёх сборников стихов. Печатался в журналах «Молодая гвардия», «Наш современник», газете «Литературная Россия» и др. Член Союза писателей России.

Кауров Ярослав Валерьевич родился 7.06.1964. Окончил Горьковский медицинский институт. Работал невропатологом, врачом «Скорой помощи», на кафедрах патологической анатомии и токсикологии. Доктор медицинских наук. Автор 32 изобретений, 2 монографий и 1 открытия. Член Союза Писателей России, Международного Литературного фонда. Один из создателей «Театра поэтов». Шеф-редактор журнала «Холм поэтов». Автор 13 стихотворных сборников, печатался в журналах «Наш современник», «Москва», «Юность», «Молодая гвардия» и множестве других изданий. E-mail: Jaroslav-kaurov@yandex.ru.

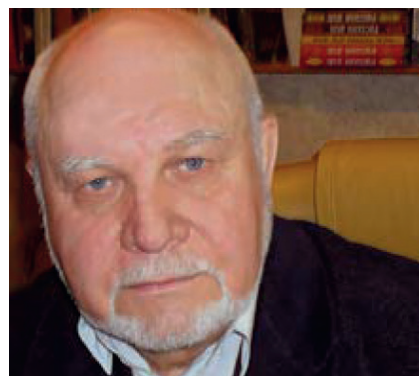

Шустов Сергей Борисович – родился в 1958 году в г. Яранск Кировской обл. Закончил ГГУ, работал преподавателем в НГПУ. Доцент, кандидат химических наук. Автор 15 учебников и более 200 научных и научно-методических публикаций в области элементарной органической химии и экологии, книг «Бах. Эссе о музыке и судьбе», «С детьми в лесу. Педагогическая флора с элементами осмоса и космоса» и 3 сборников стихов. Художник-анималист, иллюстратор Красной Книги Нижегородской области. Лауреат премии Нижнего Новгорода (1996), национальной премии РГО «Хрустальный компас» за серию из 8 книг о природе России для детей (2014 г.), премии им. В. Найдено в области экологического образования и просвещения (2016). В настоящее время директор учебно-исследовательского полевого стационара «Сережа».

Ёмкин Геннадий Максимович родился в 1961 году в городе Саров Горьковской области. Окончил физкультурное отделение Лукояновского физкультурного педагогического училища имени А.М. Горького и биолого-химический факультет Арзамасского педагогического института имени А.П. Гайдара. Работал инструктором по спорту, преподавателем, лаборантом, техником, инженером. Воевал в Афганистане. Сборники стихотворений: «Мне навеки дарована Русь» (2000), «Пусть в жизни всё произойдёт» (2007). Лауреат премии литературного журнала «Арина». Живёт в городе Саров Нижегородской области.

Петряшин Анатолий Сергеевич. В 1982-99 и 2004-14 гг. главный архитектор Арзамаса. Руководитель и разработчик пяти генеральных планов микрорайонов, генплана города, проекта возрождения и благоустройства реки Тёша. Создатель и директор Арзамасской реставрационной мастерской (1985), творческого производственного кооператива «Этюд» (1988). С 1991 г. – преподаватель Арзамасского Педагогического Института, кандидат исторических наук (2000). Автор 19 научных работ, а также книг «Арзамасские купола» и «Чёрный день» (о взрыве в Арзамасе в 1988 г.).

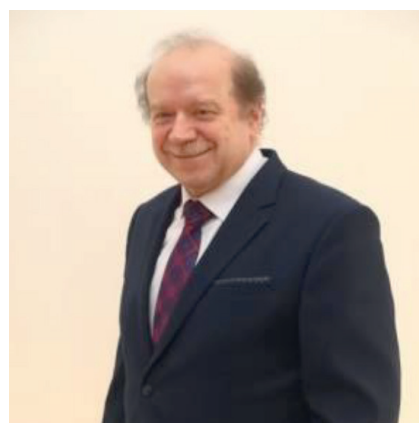
Таланова Галина (Бочкова Галина Борисовна) – биофизик, кандидат технических наук, автор восьми книг стихов и пяти прозы. Член Союза писателей России. Живёт в Нижнем Новгороде. Работает в ООО НПО «Диагностические системы». Лауреат премий «Болдинская осень» (2012), журнала «Север» (2012), им. М. Горького (2016), Нижнего Новгорода (2018) и других.

Эрастов Евгений Ростиславович – родился в 1963 году, доктор медицинских наук, доцент кафедры нормальной анатомии Приволжского исследовательского медицинского университета. Автор 7 поэтических и 4 прозаических книг, многочисленных литературных публикаций в периодике, более 60 научных статей и 8 учебно-методических пособий для студентов. Член Союза писателей России.

Ерофеев Владимир Иванович – 1959 года рождения, доктор физико-математических наук, профессор, директор Института проблем машиностроения РАН (Нижний Новгород). Автор монографий, научных статей, изобретений в области нелинейной механики и физической акустики. Опубликовал книгу «Толстой Американец», повести «Иван да Марья. Семейные предания», цикл рассказов «Третий путь».

Беллюстин Николай Сергеевич родился в 1950 г. в Горьком. В 1972 году окончил радиофак ГГУ. В 1972-2018 гг. сотрудник НИРФИ. Док. физ.-мат наук (2002), профессор кафедры общей и ядерной физики НГТУ (2003-2015), ведущий научный сотрудник музея НРЛ ННГУ (2018-2020). С 2017 г. Председатель правления

«Нижегородского кружка любителей физики и астрономии».

Родионов Сергей Иванович. Родился в 1952 году. Окончил ГХУ (1968-1972). Живописец. Автор портретов и тематических картин. Член Союза художников России с 1993 года. С 1975 года постоянный участник областных выставок.

Завьялов Андрей Иванович родился в 1969 году в Горьком. Закончил Нижегородскую высшую школу МВД РФ (1994), Российскую академию народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (2013), подполковник милиции в отставке. Активно занимается политической деятельностью. Кандидат в Губернаторы Нижегородской области (2014). Председатель Всероссийской политической партии «Партия Великое Отечество» (2019-2020). Помощник Депутата Государственной Думы РФ и помощник Председателя комитета по вопросам государственной власти и местного самоуправления Законодательного Собрания Нижегородской области.

Бочкарев Михаил Николаевич – доктор химических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации.

Малышев Алексей Владимирович родился 25.02.1971 в селе Саконы Ардатовского района Горьковской области. Учился в Санкт-Петербургском государственном экономическом университете, строитель, в свободное время – исследователь прошлого родного края. В круг увлечений входят история, ономастика, культура и фольклор народов Среднего Поволжья. Автор научно-популярных книг и научных статей по истории Нижегородского Поволжья, лауреат премии имени П. Еремеева в номинации «Краеведение» (2019).

Куликов Юрий Юрьевич – доктор физ.-мат. Наук

Бенедиктов Николай Анатольевич – доктор философских наук, известный российский политик, член Союза писателей России. Автор более 150 публикаций и более 10 книг, в том числе: «Исторический процесс: единство и многообразие» (1988), Русская идея (1993), Ленин: марксизм и русская идея (1994), Русские святые (1998), Словарь по русской истории (2000).

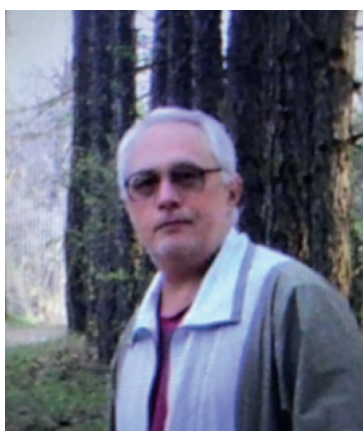

Коломиец Алексей Маркович родился в 1938 году. Заслуженный геолог России, почётный разведчик недр России. Награждён орденами «За заслуги перед Отечеством» IV степени, Трудового Красного Знамени, «Знак Почёта», медалями. Автор 9 поэтических сборников. Члена Союза писателей.

Баландин Дмитрий Владимирович – доктор физ.-мат наук, профессор ННГУ. Лауреат премии им. А.А. Андропова (2003)

Хилько Александр Иванович – доктор физ.-мат. наук, зав. лабораторией ИПФ РАН

Чих Николай Владимирович родился 17.11.1950 в поселке Малое Козино Балахнинского района. До призыва на действительную службу работал слесарем-сборщиком. Службу проходил в специальном батальоне милиции. После демобилизации был принят в органы внутренних дел. В 1977 г. окончил ВЮЗИ, в 1999 г. Академию управления РФ. В 1996 году перешел на службу в налоговую полицию России. Вышел в отставку в звании генерал-майора налоговой полиции. Кандидат юридических наук. Автор пяти поэтических сборников.

СОДЕРЖАНИЕ

Слово редактора. О русофобии славян	3
ПОЭЗИЯ	6
А.С. Пушкин. Клеветникам России	6
Е. Евтушенко. Хотят ли русские войны?	7
А. Абрашкин. Мы – русские, мы – не славяне	8
Ярослав Кауров. Героям Донбасса	13
НАША ИСТОРИЯ	16
А.С. Петряшин. Пьянское побоище	16
А. Малышев. О предыстории Кулебак	21
А. Малышев. Поход Ивана Грозного на Казань и народная этимология топонимов Нижегородского Поволжья	24
ПОЭЗИЯ	28
А. Тремасов. Памяти Александра Невского	28
Г. Коваль (перевод с украинского А.М. Коломийца, А. Абрашкина). За миг перед атакой	29
Геннадий Ёлкин. Клянюсь тебе и верю, Родина	31
Евгений Эрастов. Где оставить мне русское горе?	40
ИСТОРИЧЕСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА	51
Н.А. Бенедиктов. Русские ответы на загадки мировой истории	51
А. Абрашкин. «Лишний» человек Владимир Ленин	57
А. Абрашкин. Шифрованные псевдонимы Иосифа Виссарионовича	60
А. Завьялов. Единый многонациональный народ России: миф или реальность	66
А. Дугин. Русофобия – это и есть нацизм	69
ПАМЯТЬ РОДА	72
С.И. Родионов. Семейные ценности трёх поколений	72
Ю.Ю. Куликов. История дома на Больничной, 35	76
М.Н. Бочкарев. Из книги «Воспоминания» (главы «Годы войны», «Вена 1945», «Болезнь»).....	82
Н.В. Чих (Тихонов). Памяти композитора Терханова. Стихотворение «Расставание»	95
Галина Таланова. До певчих птиц – дорога в высоту (стихи)	97
ПРОЗА	110
М. Николаев. Когда все неправильно	110
С. Шустов. Записки юного педагога. Собачья верность	116
СОЮЗ ПОЛУШАРИЙ	119
Наше поздравление. Персональная выставка С.И. Родионова	119
Четырёхкратные победители Грушинского фестиваля	121
И. Белякова. Колыбельная Нижнему	122
А. Хилько. Изостудия РФ-75	123
Я. Кауров. Басни	127

НАУЧНЫЙ НИЖНИЙ	134
А. Абрашкин. О происхождении русских числительных	134
Н.С. Беллюстин. Знаковая фигура советской радиофизики: Герман Григорьевич Гетманцев	139
А. Абрашкин. Идеальный ученый: Евсей Исаакович Якубович	151
Т.Г. Талипова. Пелиновский – сверхнеординарный профессор	157
Д.В. Баландин, В.И. Ерофеев. Человек планетарного масштаба: Николай Васильевич Дерендяев	164
Об авторах	166

Автономная некоммерческая
профессиональная
образовательная организация
**“Нижегородский колледж
теплоснабжения
и автоматических систем
управления**

www.nktsnn.ru

г. Нижний Новгород,
ул. Нартова, 23
Тел.: 8(831) 217-17-16

г. Нижний Новгород,
ул. Горная д. 56 А
Тел.: 8(831) 217-14-44

info@nktsnn.ru

А. Абрашкин

**РУССКОЕ
МЕЖДУРЕЧЬЕ**

Выпуск 3

Подписано в печать 10.10.2022.
Формат 60x84/8. Бумага офсетная.
Печать цифровая. Усл. печ. л. 18.
Тираж 700 экз. Заказ № 136/10.

Отпечатано в типографии «Print-room» ИП Тимков В.С.
603087, г. Нижний Новгород, ул. Верхне-Печёрская, 14 б.
Тел.: +7 (831) 410-40-72, 288-00-72.